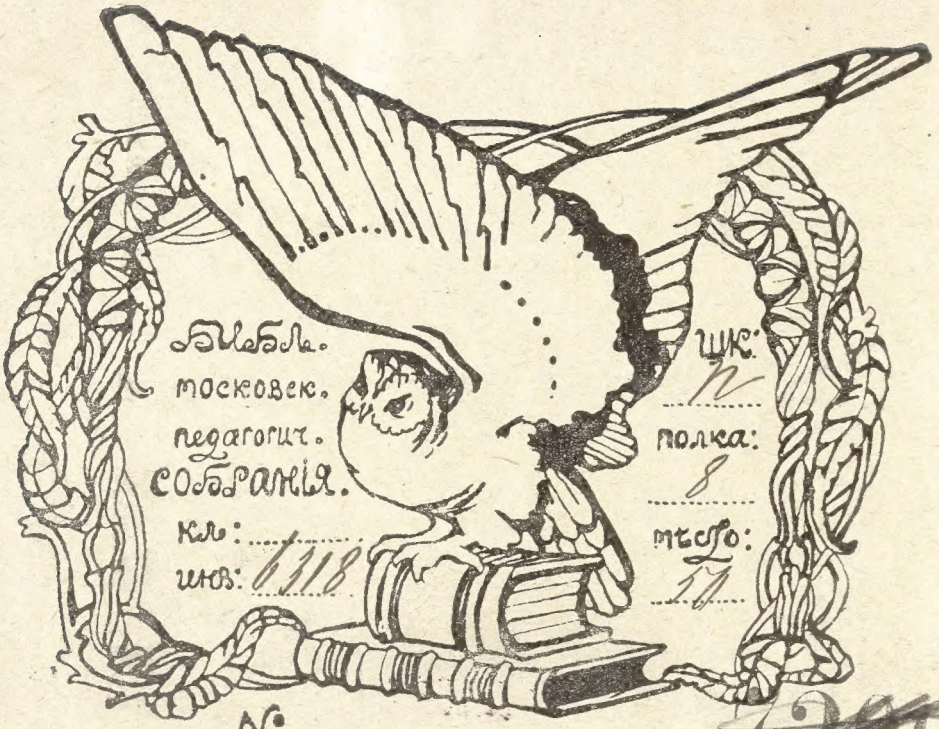
Семенов В.
"Цена крови"
изд. 2-е,
СПБ.,-М, 1911.
АБ
400
С 30


Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
Кл:
Инв: 6318
Шк: 2
полка: 8
место: 10
№:
208/8°

ЦЂНА КРОВИ

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

РАСПЛАТА

ТРИЛОГІЯ

И, проходя, увидѣлъ человѣка слѣпого отъ рожденія.

Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрѣшилъ, онъ или родители его, что родился слѣпымъ?

Іоанна IX, 1—2.

III

ЦѢНА КРОВИ

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1911

891.7-3

ДБ
40D
С 30

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦѢНА КРОВИ

Но есть и высшій судъ,
наперсники разврата...
М. Лермонтовъ.

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

ГПИБ России
ПРОВЕРЕНО

Государств. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
63/8

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1911

ГПИБ России
10077741

За англійскимъ изданіемъ, выпущеннымъ фирмой

John Murray

50, Albemarle street

LONDON

закрѣплены всѣ права оригинала въ Великобританіи, С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Необходимое предисловіе.

ДОЛГО я колебался раньше, чѣмъ рѣшился подготовить для печати эту, послѣднюю, часть моего дневника... Она казалась мнѣ слишкомъ интимной... Жутко было подумать, что кто-нибудь встрѣтится и спроситъ: «Такъ и было?»

Что отвѣтить? — Единственный мой отвѣтъ: «такъ было записано тогда же, на мѣстѣ, въ моментъ совершавшагося событія». Во всякой лѣтописи невольно сказывается личность лѣтописца, но если заносилъ онъ въ свою книжку все видѣнное и слышанное, «не мудрствуя лукаво», то вѣдь эта безхитростная запись и явится въ будущемъ той канвой, по которой ученые историки разошьютъ свои пышные узоры.

Въ моихъ книгахъ «Расплата» и «Бой при Цусимѣ» я старался, строго придерживаясь дневника, который велъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, дать читателямъ картину переживаній собственныхъ и того тѣснаго кружка людей, въ которомъ я былъ замкнутъ.

Шесть мѣсяцевъ на портъ-артурской эскадрѣ, завершившихся боемъ при Шантунгѣ, 28 іюля 1904 года; двухъ-мѣ-

силахъ былъ снова взяться за карандашъ и нацарапать нѣсколько строкъ:

„Ивасаки *) тоже нашелъ (въ ранѣ) что-то лишнее. Стригъ... Чортъ возьми!.. Всюду таскаютъ на носилкахъ. Дрянь. Говорятъ, рана была очень грязная **). Кругомъ раны—жестокая контузія. Весь мускулъ сильно смятъ и косо разорванъ; страшно болѣзненъ и маложизненъ. Размѣры (главной раны)—130 милим. длины, а глубина—отъ 25 до 27 милиметровъ. Оки обнадеживаетъ крѣпкой натурой, говоритъ: „Very strong blood".

Въ этотъ же день, чувствуя себя (почему-то) довольно бодро (временная вспышка энергіи), я набросалъ еще нѣсколько краткихъ, неудобочитаемыхъ и для посторонняго человѣка совершенно непонятныхъ, но моей памяти такъ много говорящихъ замѣтокъ.

Руководствуясь ими, попытаюсь разсказать о томъ, что со мной было за предшествовавшіе дни.

Сдѣлавъ послѣднюю запись (на „Буйномъ") и почувствовавъ себя „совсѣмъ скверно", я (какъ?—не помню) спустился въ каютъ-компанію миноносца. Здѣсь фельдшеръ, Петръ Кудиновъ (такъ самъ онъ разсказывалъ), нашелъ меня сидящимъ у стола, и подо мной—лужу крови. По его словамъ, это было

---

*) Ивасаки—японскій докторъ, въ палату котораго я поступилъ отъ доктора Оки, оказавшаго мнѣ первую помощь.

**) Неудивительно—девять часовъ безъ перевязки, сначала въ дыму пожара и подъ струями грязной соленой воды, а затѣмъ—лежа на не менѣе грязной палубѣ миноносца.

около полуночи. Странно, но, сколько помнится, тяжелая и огромная по размѣрамъ рана на правой ногѣ, причинявшая мнѣ впослѣдствіи столько... огорченій, въ то время почти не болѣла. Боль чувствовалась внѣ ея—въ колѣнѣ и въ бедрѣ, и вся нога плохо меня слушалась. Зато хорошо помню, какъ я началъ неистово ругаться, едва лишь фельдшеръ взялся за сапогъ на лѣвой ногѣ и попробовалъ его снять. Малѣйшее давленіе на раздробленный большой палецъ и на два сосѣдніе, сильно помятые, вызывало такія ощущенія, которыя можно было выразить единственно при посредствѣ богатаго боцманскаго лексикона... Немудрено!—вѣдь разсѣченный осколкомъ снаряда сапогъ былъ полонъ не только кровью, но и грязной, соленой водой, свободно проникавшей въ него черезъ пробоину, и въ этомъ разсолѣ раненый палецъ вымачивался безъ малаго девять часовъ...

Фельдшеръ Кудиновъ (дай ему Богъ здоровья и счастья на многія лѣта!) сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Сапогъ и носокъ были разрѣзаны. Затѣмъ онъ такъ нѣжно, такъ аккуратно справилъ свое дѣло!.. Да мало того!—чтобы мнѣ не оказаться босикомъ, добылъ откуда-то туфлю, вырѣзалъ у нея часть передка такъ, что отъ него осталась только перемычка, и эту импровизированную сандалію прибинтовалъ къ ступнѣ. Какой славный малый, и какъ глубоко я былъ (и всегда буду) ему признателенъ! Вотъ относительно дальнѣйшаго устройства съ нѣкоторымъ комфортомъ оказалось труднѣе:

не только всѣ койки и диваны были заняты, но даже всѣ матрасы разобраны.

— Эхъ, вы...—укоризненно ворчалъ Кудиновъ, видимо не обращая никакого вниманія на мои штабъ-офицерскіе погоны.—Туда же хорохоритесь! раньше бы надо мнѣ показаться—я бы васъ приспособилъ...

— Ну, ну... не свирѣпѣй...—отвѣчалъ я,—и такъ ладно будетъ...

Конечно, ни Кудинову, ни, тѣмъ болѣе, мнѣ и въ голову не приходило вытаскивать матрасъ изъ-подъ кого-нибудь, хотя бы одного изъ легко-раненыхъ, которыми былъ переполненъ миноносецъ...

Однако онъ добылъ откуда-то чей-то дождевикъ. Правда, что, даже втрое сложенный, этотъ дождевикъ не напоминалъ собою тюфяка, но все-таки—не голая желѣзная палуба! А фланелевая рубашка Кудинова, свернутая комочкомъ и положенная подъ голову—это была почти подушка!..

22 мая я записалъ въ своемъ дневникѣ объ этой ночи: „Пришлось лечь на палубѣ (желѣзная), подостлавъ только дождевикъ... Холодно, больно, неудобно... Здорово качало... Слѣзла повязка. Фельдшеръ пришелъ, поправилъ; досталъ брезентъ, одѣяло“...

Въ данный моментъ эти послѣднія слова мнѣ самому не вполнѣ понятны: досталъ ли фельдшеръ брезентъ въ качествѣ подстилки, въ дополненіе дождевику, а одѣяло—для покрышки, или только брезентъ, который служилъ и подстилкой, и одѣяломъ? Во

всякомъ случаѣ, положеніе мое, въ смыслѣ комфорта, значительно улучшилось.

Ночью трясла лихорадка. Бредъ путался съ явью... Отчетливо, какъ сейчасъ, помню, будто командиръ миноносца приходилъ въ каютъ-компанію, собиралъ военный совѣтъ, спрашивалъ мнѣнія всѣхъ, начиная съ самаго младшаго... Оказалось, что ничего подобнаго не было... На судѣ (по поводу сдачи миноносца „Бѣдовый“) командиръ „Буйнаго“ заявилъ, что никакого военнаго совѣта онъ не собиралъ и никогда никакого мнѣнія отъ меня не спрашивалъ и спрашивать не могъ, такъ какъ даже не подозрѣвалъ о моемъ присутствіи въ каютъ-компаніи и видѣлъ меня только въ моментъ перегрузки съ „Суворова“ на „Буйный“, а послѣ того, занятый своимъ дѣломъ, совершенно забылъ о моемъ существованіи... Изъ офицеровъ „Буйнаго“ одинъ, мичманъ Храбро-Василевскій, показалъ, что хорошо помнитъ о моемъ присутствіи на миноносцѣ, потому что ночью, спустившись въ каютъ-компанію, наступилъ на чьи-то ноги, торчавшія изъ-подъ стола, и, стараясь загладить свою неловкость, помогая потревоженному имъ раненому устроиться поудобнѣе, призналъ въ немъ меня...

Считаю долгомъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ за тѣмъ, чтобы подчеркнуть недостовѣрность „воспоминаній“ тяжело-раненыхъ, которые не только бредъ мѣшаютъ съ дѣйствительностью, но еще и эту путаницу совершенно чистосердечно пополняютъ разсказами постороннихъ лицъ, слышанными позже

и воспринятыми какъ факты, въ которыхъ они (раненые) якобы принимали непосредственное участіе.

Подъ утро я заснулъ... Разбудили (кто?—не помню). Говорятъ:—Пересаживаться на „Бѣдовый“!—Кто-то помогъ вылѣзть наверхъ. Невдалекѣ—„Дмитрій Донской“, совсѣмъ близко—два миноносца („Бѣдовый“ и „Грозный“). Спрашиваю:—въ чемъ дѣло?—Конечно—не до меня; отвѣчаютъ полусловами, что „Буйный“ окончательно „искостился“, идти не можетъ... Изрядная зыбь. У борта „Буйнаго“—гребной катеръ съ „Донского“. Ведутъ къ нему, говорятъ: „Садись! не задерживай!“—и даже ругаются... Миноносецъ мотается; катеръ прыгаетъ рядомъ, и гребцы всѣ силы напрягаютъ, чтобы не разбиться о бортъ или, еще того хуже, не угодить планширемъ подъ какой-нибудь выступъ и не нырнуть вмѣстѣ со своей шлюпкой...—Какъ тутъ садиться? Скакать нужно! Да развѣжъ я могу?..—„Еще разговариваетъ!..“—Выбравъ моментъ, приподняли, ткнули въ спину, и я... спрыгнулъ въ катеръ... неловко, торчмя, на обѣ ноги... свалился и, отъ боли, потерялъ сознаніе... Очнулся тоже отъ боли (вѣроятно еще худшей). Я лежалъ поперекъ банки; на мнѣ сидѣлъ кто-то въ матросской рубахѣ, а на правой моей ногѣ, почти на самой ранѣ, лежала какая-то здоровая палка и давила на нее... ну, затрудняюсь сказать, какъ она давила... Впослѣдствіи я узналъ, что, тотчасъ послѣ моего „переброса“, на катеръ передали (тоже почти перебросили) носилки съ привязаннымъ къ нимъ адмираломъ.

При этомъ одинъ изъ принимавшихъ носилки не удержался на ногахъ и сѣлъ на меня, а одна изъ ручекъ носилокъ всею тяжестью обрушилась на мою ногу и, какъ видно, крайне удачно... Всѣ эти подробности стали мнѣ извѣстны значительно позже, а тогда—я видѣлъ только спину сидящаго на мнѣ человѣка и, полный ожесточенія, схватившись одной рукой за бортъ катера, другой, сколько было силы, колотилъ его по шеѣ и по затылку, сопровождая свои дѣйствія самыми убѣдительными словами, которыхъ не помню... да если бы и помнилъ, то врядъ-ли ихъ можно было бы привести въ печати... *)

Какъ меня выволокли на „Бѣдовый“—не знаю... Помню только, что лежалъ на его палубѣ, ничкомъ, почти уткнувшись головой въ гротъ-мачту, и старательно подбиралъ подъ себя лѣвую ногу, обутую въ импровизированную сандалію, страшно боясь, чтобы кто-нибудь изъ пробѣгавшихъ мимо людей не задѣлъ бы за этотъ „проклятый“ палецъ. Правая нога вовсе меня не слушалась, но и не болѣла. Я только чувствовалъ, что она мокнетъ въ чемъ-то тепломъ, и это не было непріятно... (въ результатѣ претерпѣннаго при перегрузкѣ—повязка съѣхала и возобновилось обильное кровотеченіе).

Сколько времени я пролежалъ такъ?.. Во всякомъ случаѣ, миноносецъ уже былъ на полномъ ходу, когда

*) На судебномъ слѣдствіи по дѣлу о сдачѣ миноносца «Бѣдовый» выяснилось, что сидѣвшій на мнѣ человѣкъ былъ волонтеръ Максимовъ. Онъ же разсказалъ и всѣ подробности происшествія.

на меня обратилъ вниманіе кто-то изъ офицеровъ... Я, прежде всего, попросилъ пить. Все время мучила страшная жажда. Конечно, просьба была немедленно исполнена, а потомъ меня свели (снесли) внизъ, въ каютъ-компанію (тутъ началось прямо блаженство!)— положили на диванъ, подъ голову сунули подушку (чуть ли не двѣ!), накрыли одѣяломъ...

Младшій докторъ съ „Донского“, оставшійся на „Бѣдовомъ“, долго еще возился съ перевязкой многочисленныхъ и тяжелыхъ ранъ адмирала. Адмиралъ хотя и былъ привязанъ къ носилкамъ, но при двойной перегрузкѣ—съ миноносца на катеръ и съ катера на миноносецъ—когда, волей-неволей, съ нимъ обращались какъ съ вещью, всѣ бинты (какъ ни искусно накладывалъ ихъ нашъ благодѣтель—Петръ Кудиновъ) съѣхали со своихъ мѣстъ.

Отдышавшись, напившись (да не простой воды, а чаю съ лимонной кислотой), я подбодрился и захотѣлъ мыться, такъ какъ, глянувъ въ зеркало, увидѣлъ какую-то негритянскую физіономію, а проведя рукой по головѣ, могъ убѣдиться, что на ней не волоса, а какой-то войлокъ—до такой степени мы были прокопчены дымомъ пожара и, смѣю добавить, шимозы.

Правда, что бодрости моей хватило не на много. До уборной я добрался на своихъ ногахъ (хотя съ опорой на окружающіе предметы и при содѣйствіи окружающихъ), зато тамъ передъ умывальникомъ управиться не смогъ... Выручилъ вѣстовой, который

усадилъ меня на табуретку, принесъ тазъ и вымылъ меня „въ трехъ водахъ“. Послѣ этого „трюка“ я почувствовалъ себя какъ въ раю. Къ тому же новые сoплаватели наперерывъ предлагали чистое бѣлье, даже платье. Первое я принялъ съ глубокой благодарностью, но отъ второго отказался: моя тужурка, изорванная осколками японскихъ снарядовъ, и лохмотья брюкъ, залитыя кровью, казались мнѣ почетнымъ обмундированіемъ, съ которымъ я ни за что не хотѣлъ разстаться...

— Ого, а васъ и съ лѣваго бока изрядно попортило!—замѣтилъ кто-то, пока меня переодѣвали.

Дѣйствительно, не видныя подъ тужуркой, ярко выступали на бѣломъ жилетѣ красныя пятна—одно, большое, у пояса, и два, поменьше, подъ лѣвой лопаткой.—По всей вѣроятности, эти осколки были въ раскаленномъ состояніи (оттого и было такъ больно ихъ получать), но зато, проникнувъ неглубоко, сами дезинфецировали, прижгли раны, которыя уже успѣли покрыться струпомъ. Непріятно было только отдирать отъ нихъ присохшую рубашку.

Потомъ пришелъ докторъ (покончивъ съ адмираломъ) и началъ „манипулировать“ со мной.

За шесть мѣсяцевъ въ Портъ-Артурѣ я достаточно приглядѣлся къ минамъ, которыя дѣлаютъ доктора при осмотрѣ раненыхъ (надо сознаться—всѣ по одному шаблону) и научился понимать истинный смыслъ ихъ всегда ободрительныхъ замѣчаній.

Въ данномъ случаѣ я понялъ, что дѣло серьезное, и мнѣ грозятъ крупныя непріятности.

— Да онъ (осколокъ) навылетъ или засѣлъ?— спрашивалъ я доктора, возившагося съ моей правой ногой.—Мнѣ кажется, что есть тамъ (въ ранѣ) что-то твердое...

— Отвердѣніе?—недовольнымъ тономъ переспросилъ докторъ, но тотчасъ же поправился:—твердое? Ну, если и сидитъ—„удалятъ“. Вѣдь завтра же будемъ во Владивостокѣ, въ госпиталѣ... Тамъ васъ раздѣлаютъ по всѣмъ правиламъ науки, а пока, здѣсь, будемъ стараться объ одномъ: держать въ чистотѣ... И, кой чортъ, вы не перевязались немедленно?... Не было бы тамъ всей этой дряни!...—закончилъ онъ почти сердито.—По крайней мѣрѣ, хоть сейчасъ-то не геройствуйте, а ужъ разъ свалились съ ногъ, такъ лежите смирно!

Что дѣлалось въ это время на миноносцѣ? Какія рѣшенія принимались?—Этимъ я вовсе не интересовался. Докторъ сказалъ, что завтра мнѣ придется лечь на операціонный столъ во владивостокскомъ госпиталѣ. Этимъ все исчерпывалось. Я считалъ (и, смѣю думать, по праву), что мое дѣло сдѣлано, что имѣя одну рану тяжелую, одну серьезную, три легкихъ, много мелкихъ пораненій и двѣ контузіи, я, попавъ на корабль, только наблюдавшій за боемъ, не сдѣлавшій ни одного выстрѣла ни изъ пушки, ни изъ миннаго аппарата, не имѣвшій не только никакихъ поврежденій, но даже и въ средѣ экипажа ни одного хотя бы оцарапаннаго человѣка,—я, такой изби-

тый и растрепанный,—просто грузъ, подлежащій доставкѣ по назначенію. Мнѣ и въ голову не приходило разспрашивать окружающихъ:—Что и какъ?—Это значило бы мѣшать имъ. Да если бы я и сунулся съ какими-нибудь совѣтами, то... можетъ быть, меня не послали-бы „къ чорту“ громко, во вниманіе къ моему положенію, но во всякомъ случаѣ отнеслись бы къ подобнымъ совѣтамъ только снисходительно.. „Пусть,—молъ,—болтаетъ, лежа на диванѣ. Не надо его волновать“.

Въ двѣнадцатомъ часу дня подали завтракъ, состряпанный изъ консервовъ.

Ѣсть я ничего не могъ. Съ трудомъ проглотилъ чашку бульона съ размоченными въ немъ кусками бѣлаго сухаря. Зато съ наслажденіемъ выпилъ два стакана горячаго чая съ коньякомъ и съ лимонной кислотой (По рецепту доктора.—Можетъ быть, онъ и еще чего-нибудь туда прибавилъ?). Сразу стало тепло, хорошо, и я крѣпко заснулъ на своемъ диванѣ, несмотря на шумъ и говоръ, стоявшіе въ каютъ-компаніи.

Проснулся по голосу флагъ-капитана, который меня окликалъ. Отчетливо помню (а можетъ быть и бредъ), какъ онъ стоялъ, оправляя повязку на головѣ (имѣлъ три небольшихъ осколка въ затылкѣ), и говорилъ:

— На Süd и къ Ost'у—два дымка...

(Это записано 22 мая).

— Ну, что-жъ... полный ходъ,—отвѣтилъ я.

(По старой штурманской привычкѣ—записать „мо-

ментъ“—взглянулъ на часы—3 ч. 15 м.; записалъ „моментъ“).

— Ну, конечно... и я такъ думалъ...—промолвилъ флагъ-капитанъ, уходя „наверхъ“.

Я опять заснулъ...

Дальше мои воспоминанія окончательно путаются. Многое изъ того, что и до сихъ поръ такъ отчетливо представляется, какъ пережитое мною лично, было опровергнуто свидѣтелями, дававшими свои показанія подъ присягою.

Такъ, напримѣръ, 22 мая въ своемъ дневникѣ я записалъ:

„Задремалъ опять. Проснулся. Смотрю — 4 ч. 15 м. Ходъ, какъ будто, не особенный *). Кругомъ никого. Забезпокоился — выползъ наверхъ. Сидитъ Ильютовичъ **). Спрашиваю ходъ. — Отвѣчаетъ: — 15.—Какъ такъ? сколько котловъ?—отвѣчаетъ:—2!— Развѣ не разводили во всѣхъ?—Нѣтъ!“

На дѣлѣ оказывается, что я не самъ проснулся, а меня разбудилъ волонтеръ Максимовъ, и не я разговаривалъ съ Ильютовичемъ, а Максимовъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ нимъ, добавивъ, что «дымки» насъ замѣтно нагоняютъ. Вотъ почему я забезпокоился и „полѣзъ“ наверхъ. Какъ ни плохо работали мои мозги, но я не могъ не понять, что разъ за нами

*) Опытный человѣкъ, находясь въ каютъ-компаніи миноносца, всегда, по сотрясенію кормы, легко скажетъ, идетъ ли миноносецъ малымъ, среднимъ или полнымъ ходомъ.

**) Старшій механикъ миноносца «Бѣдовый».

гонятся, то, на случаї встрѣчъ и боя, необходимо имѣть возможность дать полный ходъ. Вѣдь миноносецъ съ парами въ половинномъ числѣ котловъ—игрушка въ рукахъ непріятеля. Что захочетъ, то съ нимъ и сдѣлаетъ... Вѣдь это—азбука...

Гдѣ подтягиваясь руками, гдѣ ползя на четверенькахъ, я добрался до мостика, но влѣзть на него, по вертикальному трапу, конечно, не могъ и, уцѣпившись за нижнюю ступеньку, принялся кричать: „Пары!.. Пары во всѣхъ котлахъ!.. Пары!.. Пары!.. Чего ждете?.. Пары!..“

На ближайшемъ ко мнѣ крылѣ мостика видѣлъ командира миноносца, флагъ-капитана и флагманскаго штурмана. Это не былъ бредъ—эпизодъ засвидѣтельствованъ матросомъ — сигнальщикомъ Сибиревымъ.

Они о чемъ-то совѣщались между собою...

Потомъ командиръ перегнулся черезъ поручень мостика, ко мнѣ, и крикнулъ:—„Да! Да! Сейчасъ! Сейчасъ!“—и громко скомандовалъ:—„Разводить пары во всѣхъ котлахъ!“

— Есть! — отозвался ему боцманъ и повторилъ команду.

Мнѣ было такъ трудно... Миноносецъ изрядно покачивало; ноги были какъ чужія; руки слабѣли; голова кружилась... казалось, вотъ-вотъ, по горбатой, мокрой желѣзной палубѣ скатишься за бортъ...

Да развѣ-жъ я не сдѣлалъ все, что могъ? Вѣдь я своими ушами слышалъ приказаніе: — „Разводить

пары во всѣхъ котлахъ!“—Ну... а дальше—пусть исполняютъ свой долгъ...

Я поползъ обратно...

Въ полпути (это былъ тяжелый путь, хотя всего саженъ двадцать) какой-то матросъ пришелъ ко мнѣ на помощь. Кто именно—сейчасъ не вспомню...

Добравшись до дивана въ каютъ-компаніи, я повалился на него, почти безъ чувствъ... Этотъ походъ къ мостику и обратно окончательно вывелъ меня изъ строя...

Какъ выяснилось впослѣдствіи, я былъ не одинъ въ каютъ-компаніи. На одной изъ коекъ, прикрытыхъ занавѣсками, лежалъ лейтенантъ Крыжановскій. Отравившись ядовитыми газами „шимозы“ (хотя вовсе нераненый), онъ, всю ночь промучившись приступами удушья и тошноты, теперь крѣпко спалъ.

Я, конечно, и не подозрѣвалъ объ его присутствіи, но теперь позволю себѣ воспользоваться его показаніемъ, даннымъ на судѣ.

Онъ показалъ, что былъ разбуженъ докторомъ, который сообщилъ ему тревожныя вѣсти:—Насъ нагоняютъ, какъ стоячихъ. Очевидно—японцы. У насъ ничего: пары — въ двухъ котлахъ; пушки — закрыты чехлами; мины—неготовы...

Крыжановскій заторопился „наверхъ“, замѣтилъ меня, спросилъ, не пойду ли и я, но я отвѣтилъ: „Не могу“...

Ничего этого я не помню...

Помню только, какъ лежа на диванѣ (сколько прошло времени? когда это было?), прислушивался къ

звукамъ выстрѣловъ, къ свисту снарядовъ... и соображалъ, что это стрѣляютъ „они“, а мы не отвѣчаемъ... Потомъ—у насъ застопорили машины. Пальба прекратилась... Въ чемъ дѣло?.. Вспоминались какія-то отрывочныя слова о флагѣ Краснаго Креста, о парламентерскомъ флагѣ...

И вдругъ мысль, ясная, отчетливая, во всей своей наготѣ, мелькнула въ мозгу: „Да вѣдь они сдаются?!.“

Какъ въ „Расплатѣ“, какъ въ „Боѣ при Цусимѣ“. такъ и сейчасъ буду безпощадно откровененъ не только по отношенію къ товарищамъ по несчастью, но и по отношенію къ самому себѣ...

Въ этотъ роковой моментъ я не думалъ ни о чести Андреевскаго флага, ни о славѣ Россіи и его флота,—я думалъ только о себѣ...

„Сдаются!.. А я-то? Вѣдь я съ „Діаны“! Хорошо если разстрѣляютъ, а то... и повѣсить могутъ!.. Нѣтъ!—лучше самъ...“ Я сорвался съ дивана, схватилъ мой (мой собственный) браунингъ, висѣвшій на крючкѣ для фуражекъ, отчаяннымъ усиліемъ взвелъ пружину... Осѣчка... Потянулъ опять. Проклятый патронъ выскочилъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ въ каютъ-компанію спустился докторъ и сердито взялъ меня за руку... Сопротивляться я не могъ...

„Не судьба... — мелькнуло въ головѣ.—Будь, что будетъ“...

Въ Сасебо насъ прибуксировали только 17 мая, послѣ полудня, пожалуй даже къ вечеру. Что я дѣ-

лалъ за эти двое сутокъ?—Ничего не записано... На память могу сказать, что меня то трясло въ ознобѣ, и я не зналъ, какъ бы мнѣ согрѣться и чѣмъ бы укрыться,—то, въ лихорадочномъ жару, я садился на своемъ диванѣ, вступалъ въ споръ съ окружающими, говорилъ дерзости, почти оскорбленія... Нападалъ на командира миноносца и заявлялъ полную свою готовность дать удовлетвореніе поединкомъ, какъ только мы ступимъ на русскую территорію.

II.

Прибытіе въ госпиталь. — Первыя впечатлѣнія.—Послѣ операціи. – Тетрадка и карандашъ. — «Первый разъ вытянулъ ногу»...—Живая вода.—Повѣсятъ или разстрѣляютъ?

МЕНЯ несли на носилкахъ, а такъ какъ шелъ дождь, то съ головой покрыли одѣяломъ.

Въ госпиталѣ первоначально, какъ „тяжелаго“, помѣстили въ отдѣльную комнату.

Кругомъ царило необычное оживленіе, но вовсе не дѣловое, не озабоченное, вовсе не потому, что поминутно прибывали новые транспорты раненыхъ... вовсе нѣтъ!... Я чувствовалъ, я мучительно чувствовалъ, что это оживленіе полно радости, полно ликованія. И когда ко мнѣ приходили доктора, сестры милосердія, фельдшера, санитары съ предложеніемъ услугъ, старались напоить, накормить, подбодрить, я не могъ не видѣть, что только усиліемъ воли они сдерживаютъ на своемъ лицѣ счастливую улыбку...

Да... этотъ день былъ днемъ великаго праздника для всей Японіи!—Всѣ, всѣ они были такъ счастливы, что это счастье рвалось наружу, выражалось въ каж-

домъ ничтожномъ словѣ, въ каждомъ движеніи, взглядѣ... И они были счастливы... нашимъ разгромомъ!..

Если бы кто-нибудь изъ нихъ позволилъ себѣ, хоть чѣмъ-нибудь, открыто выразить свою радость—кажется, я былъ бы способенъ вцѣпиться ему въ горло, грызть зубами. Но всѣ они были такъ ласковы, такъ участливы... И какъ это было тяжело!..

Меня хотѣли на носилкахъ нести въ операціонную, но я почему-то счелъ это оскорбительнымъ и заявилъ, что пойду самъ.—Нелѣпый, смѣшной протестъ (скажутъ даже—глупая выходка), но я не хотѣлъ... (понимаете? не хотѣлъ!) быть жалкимъ, возбуждать состраданіе въ людяхъ, которыхъ я ненавидѣлъ, которымъ клялся въ душѣ страшной местью за „Нее“,—за Россію...

Необычайное возбужденіе овладѣло мною (температура была 40°). Боли я почти не чувствовалъ, а если и чувствовалъ, то только злился, что больно.

Конечно, этого нервнаго подъема хватило ненадолго. Уже въ полпути „туда“ меня подхватили подъ-руки, а „оттуда“—принесли.

Оказывалось даже серьезнѣе, чѣмъ я думалъ.

Изъ разговора доктора Оки съ его ассистентами (въ „Расплатѣ“ я уже говорилъ, какъ „на пари“ выучился японскому языку и китайской грамотѣ) я понялъ, что воспаленіе лимфатическихъ железъ отъ загрязненія раны распространилось весьма значительно за предѣлы ея (вотъ почему боль чувствовалась въ бедрѣ и въ колѣнѣ), а въ самой ранѣ многіе клочья

уже омертвѣли и начали... портиться. Слово „гангрена“, которое японцы произносятъ: „гангуренъ“, было въ особенности убѣдительно. Обмѣнъ мнѣній сводился къ дилеммѣ: съ одной стороны, по правиламъ науки, слѣдовало бы немедленно ампутировать ногу въ бедрѣ, но съ другой—подобное рѣшеніе являлось бы смертнымъ приговоромъ, такъ какъ въ томъ состояніи, въ которомъ я находился, сердце не выдержало бы ни хлороформированія, ни, тѣмъ болѣе, операціи безъ хлороформа; если же ждать, пока хоть нѣсколько возстановятся силы,—зараженіе крови можетъ продвинуться выше бедра, а тогда всякая операція безполезна...

— Ну, такъ и не тормошите меня понапрасну!—прервалъ я ихъ разсужденія.—Оставьте меня въ покоѣ! Да вы и права не имѣете дѣлать операцію безъ моего согласія!

Докторъ Оки сердито проворчалъ, что и я тоже не имѣю права скрывать своего знанія японскаго языка, а затѣмъ они заговорили вполголоса и такой скороговоркой, что я уже ничего понять не могъ.

Раны только промыли, дезинфецировали. Видимо, рѣшили обождать до завтра.

На прощанье докторъ сказалъ ободрительнымъ тономъ:

— Perhaps, all right! Yery strong blood!

Почему онъ перешелъ на англійскій языкъ, въ которомъ вовсе не былъ особенно твердъ? Я думаю—съ цѣлью избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

Уложивъ на койку, мнѣ дали выпить небольшую чашку чего-то краснаго, слегка вяжущаго и горьковатаго. Фельдшеръ пояснилъ, что это „будоо-сю“ (виноградное вино), но, вѣроятно, туда было что-нибудь подмѣшано, потому что я заснулъ, какъ убитый.

Утромъ 12 мая, Оки, снявъ перевязку и ощупавъ железы въ бедрѣ и подъ колѣнкой, разразился привѣтственными восклицаніями, затѣмъ сказалъ по-русски (вѣрно научился съ другими ранеными): — „Потерпите немуного“! — и принялся за работу. Въ главной ранѣ (на правой ногѣ) много вырѣзалъ чего-то, что нашелъ лишнимъ; большой палецъ на лѣвой ногѣ прямо распотрошилъ, но не отнялъ крайней фаланги, какъ я думалъ, а только подпилилъ и подстригъ раздробленную кость, заявивъ ободрительно, что „ничего, если будетъ покороче, а все-таки будетъ, и даже ноготь вырастетъ, хоть и некрасивый“. Вытащить порядочный осколокъ, засѣвшій въ поясницѣ, было пустымъ дѣломъ, а два небольшихъ, подъ лѣвой лопаткой, ранки которыхъ ужъ покрылись струпомъ, онъ оставилъ безъ вниманія. — „Это всегда успѣется. Начнутъ безпокоить—удалимъ“.

Хлороформировать и теперь не рѣшились. Вся операція прошла подъ кокаиномъ, который вспрыскивался въ оперируемыя мѣста, по мѣрѣ надобности. Въ большую (длинную) рану на правой ногѣ было сдѣлано три вспрыскиванья, если не четыре... Какое волшебное средство! Единственная боль, какую я чувствовалъ, были уколы шприца, а затѣмъ только щекотно.

Если иногда я бранился, то лишь потому, что со мной обращались какъ съ вещью.

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи операціи, я въ значительной степени напоминалъ собой рыбу, выброшенную на песокъ, а по поводу кокаина вдругъ вспомнилъ знаменитое изреченіе: „Карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ“—и, пока меня перевязывали, началъ смѣяться, чѣмъ дальше, тѣмъ безудержнѣе...

— What it is? What it is?—укоризненно заговорилъ докторъ.—Сай-йо на дзики-моно! Ах-ха! Варуку десъ! *)—и вдругъ совсѣмъ неожиданно закончилъ:—Капитанъ! глотокъ виски?

— Терпѣть не могу...—отвѣтилъ я.—Коньяку бы, если найдется.

— Нобемасъ! Дзики-моно!—весело крикнулъ Оки.—Хаяку! хаяку! **) — добавилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ.

Мнѣ тотчасъ подали и почти влили въ ротъ большую рюмку напитка, который я призналъ за коньякъ...

Сразу стало теплѣе и легче. Вѣрнѣе уменьшилась эта напряженность, это странное ощущеніе, которое я не могу характеризовать иначе, какъ словомъ „щекотно“...

— Харасо, харасо! Тепери усуните! — повторяла, сопровождавшая носилки, сестра милосердія въ смѣшномъ бѣломъ колпакѣ съ нашитымъ на немъ краснымъ крестомъ.

---

*) Такой молодецъ! Ай-ай! Совсѣмъ нехорошо!

**) Туда же разбираетъ. Молодецъ... Скорѣе, скорѣе!

И мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать эту маленькую лапку, такъ заботливо, какой-то тряпочкой, отиравшую холодный потъ съ моего лица... Куда дѣлась та ненависть, которой я былъ полонъ еще вчера вечеромъ? Мнѣ было рѣшительно все равно, къ какой національности принадлежитъ эта незнакомая женщина, хлопотавшая около меня, а что она меня жалѣетъ не казалось обиднымъ...

— „Живая душа живой душѣ слово молвила“— вспомнилось вдругъ гдѣ-то и когда-то прочитанное изреченіе...

И я вовсе не сердился, когда санитары, перекладывая меня съ носилокъ на койку, говорили тономъ за панибрата:—„Кимо но фтой! Ясь! Ясь!“ *)

Слѣдующая перевязка состоялась уже при участіи главнаго доктора госпиталя Тадзуки и его помощника, фамилія котораго, къ сожалѣнію, у меня не записана, но о которомъ не могу не сказать пары словъ. Среди раненыхъ онъ получилъ прозвище „живоглота“ за свою манеру—чуть что — раскромсать живого человѣка въ куски, а потомъ сшить и наладить все лучше прежняго. Надо отдать ему полную справедливость— это былъ хирургъ, получившій свой даръ отъ Бога при рожденіи. Выучиться этому — нельзя. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что не только Тадзуки, а даже Оки или Ивасаки были ученѣе его, такъ какъ образованіе свое они заканчивали въ европейскихъ клини-

*) Здоровый парень! Ладно! Ладно!

кахъ, онъ же никогда не выѣзжалъ изъ Японіи; но въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось дѣйствовать по чутью, по вдохновенію, когда (если можно такъ выразиться) надо было протянуть свои нервы до самаго конца зонда, шарящаго въ глубинѣ раны...—это было дано ему свыше, онъ умѣлъ это сдѣлать!... и не разъ смѣлымъ взмахомъ ножа (безъ всякаго наркоза) въ нѣсколько секундъ разрѣшалъ загадку, передъ которой втупикъ становились его ученые коллеги.

„Живоглотъ“, первымъ дѣломъ освидѣтельствовавъ меня рентгеновскими лучами, категорически заявилъ, что кость только задѣта и никакихъ „отслоеній“ нѣтъ. Затѣмъ внимательно изслѣдовалъ рану, о чемъ-то задумался... и вдругъ... нѣсколькими рѣзкими движеніями руки, въ которой мелькали то ножъ, то ножницы, „удалилъ“ все найденное имъ „лишнимъ“ съ такой быстротой, что я едва успѣлъ ахнуть и крѣпко выругаться...

— Камау на! Симаимасьта! Ичи-банъ десъ! *)—говорилъ онъ, смѣясь и дружелюбно хлопая меня по плечу въ то время, какъ ассистенты бинтовали ногу...

— Нанимо, най!... **)—отвѣчалъ я, стараясь попасть въ тонъ, но невольно заглядывая въ тазъ, куда бросали все „лишнее“.

Хорошо помню, какъ, очутившись вновь на своей койкѣ, я говорилъ... говорилъ безъ умолку съ волонтеромъ Максимовымъ, который (спасибо ему!) всячески ста-

*) Ничего. Покончилъ. Великолѣпно.

**) Конечно, пустяки...

рался меня угомонить, терпѣливо слушая мою несвязную болтовню объ осадѣ Портъ-Артура, о моихъ прежнихъ плаваніяхъ, о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій и т. д.—до мечтаній о реваншѣ включительно... Мнѣ это помогало отвлекать свое вниманіе отъ непрерывной, то зудящей, то ноющей, то дергающей боли въ „распатроненной“ правой ногѣ. О прочихъ ранахъ и контузіяхъ я и не думалъ—онѣ казались царапинами.

Опять дали выпить чего-то, что называли „краснымъ виномъ“,—и я заснулъ.

Подъ вліяніемъ этого напитка, который я получалъ послѣ утренней и вечерней перевязки, а также на ночь, всѣ ближайшіе дни прошли, какъ въ полуснѣ.

21-го мая меня изъ отдѣльной комнаты, куда помѣстили первоначально, перенесли въ общую палату, въ которой были собраны всѣ доставленные въ Сасебо раненые русскіе офицеры и кондукторы флота. Всего 22 человѣка.

Общее завѣдываніе нами было возложено на доктора Ивасаки, заслужившаго не только глубокую признательность, но, прямо могу сказать, горячую любовь своихъ случайныхъ паціентовъ.

Вотъ человѣкъ, который смѣло могъ бы и на Страшный Судъ Божій явиться съ повязкой Краснаго Креста, въ твердомъ сознаніи, что ни огненный мечъ архангела, ни „врата адовы“ не помѣшаютъ ему помочь страждущимъ...

22-го мая мнѣ стало нѣсколько легче (температура понизилась). Черезъ посредство фельдшера добылъ тетрадку и карандашъ (изъ госпитальной лавочки) и отрывочными фразами занесъ въ нее все то, что выше изложено.

Оказалось, однако же, что я слишкомъ понадѣялся на свои силы. Положеніе ухудшилось. Ивасаки разсердился, выбранилъ фельдшера и отобралъ отъ меня мой дневникъ.

Должно быть, что за послѣдующіе дни дѣло было совсѣмъ скверно, такъ какъ о нихъ я не только ничего не записалъ, но даже и вспомнить ничего не могу, а 28-го мая, когда Ивасаки (вѣроятно, по усиленнымъ просьбамъ) далъ мнѣ на минутку мою тетрадку, я занесъ въ нее лишь одну фразу: „Первый разъ вытянулъ ногу“

Фраза эта требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ изряднаго количества (грубо выражаясь) говядки, вырванной изъ моей правой ноги осколкомъ непріятельскаго снаряда, докторъ Оки, „Живоглотъ“, а затѣмъ и милѣйшій Ивасаки— „удалили“ изъ нея столько „лишняго“, что приходилось заново обрастать мясомъ. При этомъ они же меня бранили и утверждали, что я самъ виноватъ— „зачѣмъ не пошелъ на перевязку немедленно“... Такъ или иначе, но единственное положеніе, въ которомъ я чувствовалъ себя сносно, это — лежа на спинѣ и

круто согнувъ правую ногу (подъ колѣно была приспособлена особая подставка). Всякое движеніе вызывало мучительныя, дергающія боли въ глубинѣ раны.

Понятно, почему съ такой радостью я отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ это событіе—„Первый разъ вытянулъ ногу“—и не записалъ ничего больше, хотя именно въ этотъ день мы (раненые, лежавшіе въ госпиталѣ Сасебо) получили такое лекарство, которое по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ было неизмѣримо выше всякихъ микстуръ и даже хирургической помощи. Прямо—живая вода!..

Повторяю—ничего у меня объ этомъ не записано, а потому приходится говорить на память и основываясь отчасти на документахъ, полученныхъ позже, отчасти на разсказахъ товарищей.

Упорно придерживаясь мнѣнія, что цѣнность историческаго матеріала имѣютъ лишь „записки“, веденныя въ самый моментъ совершавшагося событія, но отнюдь не „воспоминанія“ (особенно воспоминанія раненыхъ),—буду кратокъ.

Помню, какъ прибѣжалъ ко мнѣ, съ японской газетой въ рукахъ, старый (видимо призванный изъ запаса) санитаръ, фамилія котораго, къ сожалѣнію, у меня не записана—и читалъ мнѣ статью, написанную такимъ высокимъ стилемъ, что и самъ онъ многаго въ ней не понималъ, но смыслъ которой былъ ясенъ: „Русскій Микадо благодарилъ своихъ воиновъ за пролитую ими кровь“.

— Скорѣе скажите объ этомъ вашимъ товарищамъ! Какая для васъ всѣхъ радость!—твердилъ онъ.

Право, не знаю, правильно ли я перевелъ тогда на русскій языкъ текстъ Высочайшей телеграммы, адресованной адмиралу Рожественскому, но, во всякомъ случаѣ, даже и въ моемъ переводѣ она вызвала такой энтузіазмъ, что всѣ, способные двигаться, собрались около моей постели, а тѣ, что лежали и не могли подняться, сердились и требовали, чтобы „легкіе“ записали и принесли имъ для прочтенія эту благую вѣсть.

Какъ-никакъ, а всякаго мучила неотвязная мысль:—„Пусть раненъ, пусть безпомощенъ, но все же въ плѣну... Оцѣнятъ ли? поймутъ ли, что не по своей вшѣ?.. что судьба бросила въ плѣнъ...“ И вдругъ—такая телеграмма!..

Привожу точный текстъ привѣтствія, съ быстротою молніи разнесшагося по всѣмъ палатамъ госпиталя, давшаго отраду даже тѣмъ, чьи часы были уже сочтены, у которыхъ силъ не хватало крикнуть „ура!“, которымъ оставалось только умереть въ сознаніи, что ихъ подвигъ помнятъ и цѣнятъ... И они умирали счастливыми...

Вотъ что было напечатано въ японскихъ газетахъ:

„Сегодня адмиралъ Рожественскій, въ отвѣтъ на свою телеграмму о бѣдствіи, постигшемъ его эскадру, получилъ отъ Императора такой отвѣтъ:—Отъ души благодарю васъ и всѣхъ тѣхъ чиновъ эскадры, которые честно исполнили свой долгъ въ бою, за само-

отверженную ихъ службу Россіи и Мнѣ. Волею Всевышняго не суждено было увѣнчать вашъ подвигъ успѣхомъ, но беззавѣтнымъ мужествомъ вашимъ отечество всегда будетъ гордиться. Желаю вамъ скораго выздоровленія, и да утѣшитъ васъ всѣхъ Господь".

Дальше слѣдовали комментаріи японцевъ на тему, что герой, поверженный въ неравной борьбѣ,—все же герой, что безуміе храбрыхъ всегда вызываетъ большее поклоненіе, нежели мудрость благоразумныхъ, что есть несчастія, которыя возвеличиваютъ, что, видимо, и въ Россіи, какъ въ Японіи, одинаково цѣнятъ кровь, пролитую за родину, и т. д.

Да, это былъ радостный день!..

Потомъ опять перерывъ, опять нѣсколько дней, не отмѣченныхъ записями въ книжкѣ. Твердо помню одно, что носили на перевязку по два раза въ день—утромъ и вечеромъ,—и все что-то стригли, подчищали... Но хуже всѣхъ этихъ экскурсій на операціонный столъ мучила мысль о будущемъ...

Достаточно знакомый съ нравами и обычаями японцевъ, я былъ увѣренъ, что они притянутъ меня къ отвѣту и не удовлетворятся (чисто-формальной) отговоркой, будто я уѣхалъ съ „Діаны" наканунѣ ея офиціальнаго разоруженія и не числился въ спискѣ „интернированныхъ" офицеровъ. Черезъ своихъ агентовъ они, конечно, знали, что приказъ о разоруженіи былъ полученъ 22 августа (эта телеграмма, какъ

я уже говорилъ въ „Расплатѣ“, была даже нешифрованная), знали, что даже офиціальное разоруженіе состоялось 27 августа, а мой отъѣздъ изъ Сайгона—только 2 сентября, такъ какъ раньше этого срока ни одного парохода, отходящаго въ Европу, не было.

Фактически я былъ офицеромъ съ корабля, разоружившагося въ нейтральномъ порту, и вновь принявшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ...

Тутъ судъ коротокъ, а приговоръ ясенъ...

Ужъ если англичане не задумались разстрѣлять Шефферса, захваченнаго въ плѣнъ тяжело больнымъ, котораго къ мѣсту казни принесли на носилкахъ,—то постѣсняются ли японцы?..

Эта мысль меня мучила... И собственно не мысль о смерти, а о... способѣ.—„Повѣсятъ! Какая гадость!..“—Но мелькнула надежда—вспомнился эпизодъ изъ войны на сушѣ.—Были захвачены нашими два японскихъ шпіона, уличены и приговорены къ повѣшенію; они обратились къ Куропаткину съ просьбой замѣнить повѣшеніе разстрѣляніемъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что они—офицеры и пошли на такое дѣло, т.-е. нарушили обычаи войны, не корысти ради, а изъ любви къ родинѣ.—Просьба была уважена.—ихъ разстрѣляли...

Но не будетъ ли унизительной подобная просьба съ моей стороны?—Вѣдь придется просить о милости!—И у кого?—У Микадо!..—Возможно ли?.. Не лучше ли „претерпѣть до конца“?..

Я даже подѣлился моими соображеніями съ нѣ-

которыми изъ товарищей, но они меня подбодрили:— „Конечно, можно!“—и я рѣшилъ, въ случаѣ чего, просить... И ужъ если просить, такъ, заодно, чтобы... не въ какомъ-нибудь арестантскомъ халатѣ, а въ моей тужуркѣ, изорванной осколками непріятельскихъ снарядовъ, пережившей столько боевъ, и не завязывая глазъ, какъ Шефферса...

Опасенія мои вовсе не были плодомъ разстроеннаго воображенія, лихорадочнаго бреда. Имѣлись факты, подтверждавшіе всю неумолимость японцевъ въ подобныхъ случаяхъ: называли офицера, который, „разоружившись“ (или будучи „интернированъ“) въ Чифу, пытался на частномъ пароходѣ пробраться во Владивостокъ, но былъ захваченъ и, несмотря на то, что даже намѣреніе его вновь принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ ничѣмъ не было доказано (онъ говорилъ, что просто стремился на родину), все же былъ приговоренъ къ восьми годамъ каторги.

Мнѣ сообщали также, что всѣхъ раненыхъ офицеровъ подробно спрашиваютъ: кто съ какого корабля? гдѣ былъ раньше? и т. п...

Ко мнѣ не приходили, и вотъ тутъ являлся вопросъ:—почему?—Потому ли, что до времени не хотятъ тревожить, какъ „тяжелаго“, или же потому, что со мной... дѣло заранѣе рѣшенное?

III.

Допросъ.—Небрежность или великодушіе?—Начало настоящаго дневника.—Отношеніе японцевъ къ военно-плѣннымъ.

СЕДЬМОГО іюня записано:—„Рѣзкое улучшеніе.—Раны энергично выполняются.—Отдѣленія только кровяныя“. 8-го іюня:—„Опасность зараженія крови миновала“.

Дальше слѣдуетъ эпизодъ, который я не рѣшился тогда же занести въ дневникъ изъ опасенія, какъ бы не прочли японцы, но твердо врѣзавшійся въ память.

Наконецъ-то и мнѣ былъ учиненъ допросъ, которому уже давно подверглись всѣ прочіе мои сотоварищи.

Чинилъ допросъ спеціально командированный офицеръ главнаго штаба, бывшій передъ войной помощникомъ японскаго морского агента въ Петербургѣ, много разъ пріѣзжавшій въ Кронштадтъ „посмотрѣть на то, что осматривать разрѣшается“.—Недурно говорилъ по-русски.—Я въ то время былъ адъютантомъ главнаго командира (С. О. Макарова), а потому, въ предѣлахъ существующихъ правилъ, оказывалъ

ему всякое содѣйствіе и гостепріимство. Раза два-три, вмѣсто обычнаго „кормленія“ въ морскомъ собраніи, онъ завтракалъ у меня и (такъ мнѣ кажется) не забылъ хлѣба-соли...

Надо ли пояснять, что мы сразу же узнали другъ друга и обмѣнялись привѣтствіями (по крайней мѣрѣ, по внѣшности), какъ старые пріятели.

Затѣмъ имѣлъ мѣсто слѣдующій діалогъ:

— Такъ, значитъ, передъ самой войной вы оставили ваше высокопочтенное мѣсто и отправились на эскадру?

— Да. Я былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на „Бояринъ“...

— Но это извѣстно, что „Бояринъ“ уже погибъ, когда вы пріѣхали, а потому вы недолгое время командовали миноносцемъ „Рѣшительный“...

(„Чортъ возьми, какъ они хорошо обо всемъ освѣдомлены!“—подумалъ я.)

— Совершенно вѣрно.

— Потомъ васъ назначили старшимъ офицеромъ на „Ангару“... О! я хорошо понимаю, какъ вы сердились!.. Конечно, такъ?

— Разумѣется!—отвѣтилъ я, чувствуя приближеніе критическаго момента.

— И вотъ... извините, но это такъ странно, что съ „Ангары“ вы попали на „Суворовъ“?.. При капитуляціи Портъ-Артура васъ не было ни въ спискахъ плѣнныхъ, ни въ спискахъ больныхъ и раненыхъ, эвакуированныхъ въ Россію на „честное

слово“... Гдѣ же вы были? какъ попали на вторую эскадру?

(„Глумится, что ли?“—мелькало у меня въ головѣ.—„Не знаетъ развѣ, что я на „Ангарѣ“ пробылъ всего три недѣли?“)

Однако же я взялъ себя въ руки и отвѣтилъ спокойно, почти небрежно:

— Согласитесь, что если бы вы были на моемъ мѣстѣ, вы на такіе вопросы промолчали бы. Мало ли что дѣлается во время войны? А вѣдь война еще не кончилась...—Нельзя же раскрывать хотя бы самые незначительные ея секреты...

— Да нѣтъ! да нѣтъ!—торопливо заговорилъ японецъ.—Я васъ по-пріятельски, изъ простого любопытства, спросилъ: какъ это вы съ „Ангары“ попали на „Суворовъ“? *Намъ это непонятно!*

Послѣднюю фразу онъ рѣзко подчеркнулъ и тотчасъ же началъ прощаться, желая скорѣйшаго выздоровленія и приговаривая:—„Все это хорошо. Знаете, все это будетъ хорошо“...

Теперь мнѣ думается (можетъ быть, я ошибаюсь), что японецъ, вспомнивъ старую „хлѣбъ-соль“, слегка... покривилъ душою, отнесясь къ дѣлу чисто формально, ограничившись *моимъ* отвѣтомъ, не разспросивъ обо мнѣ не только раненыхъ нижнихъ чиновъ, которые, по наивности, навѣрно стали бы хвастать похожденіями „артурца“, но и никого изъ офицеровъ, изъ числа которыхъ многіе могли бы случайно проболтаться, не заводя разговора обо мнѣ.

Теперь я знаю, чѣмъ обязанъ этому слѣдователю, и почему онъ могъ, не рискуя отвѣтственностью, отнестись ко мнѣ подобнымъ образомъ, но тогда я недоумѣвалъ и волновался.

„Тогда“ я и не подозрѣвалъ о существованіи чисто канцелярской ошибки нашего главнаго штаба, благодаря которой старый знакомый могъ, не нарушая даннаго ему предписанія, формально исполнивъ возложенное на него порученіе, избавить отъ японскаго военнаго суда человѣка, безпомощно распластаннаго на госпитальной койкѣ.

Дѣло въ томъ, что (по какой то случайности) мое назначеніе старшимъ офицеромъ на „Діану“ не было опубликовано въ Высочайшихъ приказахъ по морскому вѣдомству, почему и въ спискахъ адмираловъ и штабъ-офицеровъ (официальное изданіе главнаго морского штаба), исправленныхъ по 1-ое іюля 1904 года, я все еще значился старшимъ офицеромъ транспорта „Ангара“, а въ тѣхъ же спискахъ, исправленныхъ по 1-ое января 1905 года, числился уже состоящимъ „при штабѣ командующаго 2-й эскадрой флота Тихаго океана“.

Надо замѣтить, что японцы, у которыхъ дѣло развѣдки поставлено идеально, тщательно слѣдили за движеніемъ личнаго состава нашей арміи и флота на основаніи официальныхъ документовъ, конечно, не допуская и мысли о возможности въ нихъ какихъ-либо ошибокъ или пропусковъ.

Разсказывали, что при переписи сдавшихся

въ Портъ-Артурѣ произошелъ такой забавный случай:

— Полковникъ Ирманъ!

— Вы ошибаетесь, такого полковника нѣтъ!— заявляетъ японскій офицеръ.

— Какъ нѣтъ? да это—я самъ!

— Простите, но долженъ васъ поправить—вы генералъ-маіоръ... Произведены однимъ изъ послѣднихъ приказовъ, который, вѣроятно, не дошелъ до васъ. Поспѣшу сообщить вамъ, отъ какого числа и за какимъ номеромъ. Сейчасъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками.

Въ моемъ положеніи эта освѣдомленность японскаго главнаго штаба послужила мнѣ на пользу. Для нихъ я былъ старшимъ офицеромъ транспорта „Ангара“, ухитрившимся какъ-то сбѣжать изъ Портъ-Артура ранѣе его сдачи и попасть на вторую эскадру.

Несомнѣнно, почти полный списокъ офицеровъ, пришедшихъ на „Діанѣ“ въ Сайгонъ, напечатанный тогда же въ мѣстныхъ газетахъ, имѣлся въ штабѣ, но вѣдь Семеновыхъ въ Россіи много, а официальныхъ данныхъ для того, чтобы меня, старшаго офицера „Ангары“, отождествлять со старшимъ офицеромъ „Діаны“—не было.

Въ то время я обо всѣхъ этихъ подробностяхъ не подозрѣвалъ и считалъ свое дѣло конченнымъ...

Если бы меня прямо спросили:—До „Суворова“ вы были старшимъ офицеромъ на „Діанѣ“?—я не сталъ бы отпираться, считая это и недостойнымъ, и

безполезнымъ, и, конечно, отвѣтилъ бы утвердительно.

Но... допросъ былъ веденъ въ такой формѣ, что этого не случилось...

Теперь мнѣ ясенъ смыслъ и рѣзко подчеркнутой фразы—„намъ это непонятно“,—и ободреніе, заключавшееся въ прощальныхъ словахъ:—„Все это хорошо. Знаете, все это будетъ хорошо!“—но „тогда“ я былъ, какъ въ потемкахъ, и томился неизвѣстностью...

Все мнѣ казалось подозрительнымъ—и особое вниманіе, которое мнѣ оказывали, и дружескія бесѣды фельдшера, который (по его словамъ) былъ при осадѣ Портъ-Артура, и заботы главнаго доктора, такъ спѣшившаго „поставить меня на костыли“ въ то время, какъ другимъ онъ сурово приказывалъ „не шевелиться“...

Возможно, что это было результатомъ возбужденія, мнительности, что никто меня не выслѣживалъ, не старался поймать на словѣ, но, тѣмъ не менѣе, это не могло не отозваться на ходѣ ранъ.—Вновь разыгралась лихорадка, а въ ночь на 13-е іюня, совершенно неожиданно, возобновилось обильное кровотеченіе—промокла не только повязка, но даже и на простыняхъ оказались кровавыя пятна. Это—черезъ мѣсяцъ послѣ полученія ранъ!..

Въ дневникѣ записано:

„Сегодня Ивасаки сказалъ...—ему не нравится. Чистилъ „ложечкой“, расковырялъ... заткнули іодо-

форменной марлей...—14 іюня. Сегодня четыре недѣли, что лежу въ госпиталѣ, а ходить еще и думать нельзя. Конечно хорошо, что кость цѣла, и сѣдалищнаго нерва не перебило...—16 іюня. Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на обѣихъ ногахъ (на костыляхъ). Одолѣваютъ комары и перемѣнная погода.—То жарко, то холодный сквознякъ.—Часто простужаешься, и тогда совсѣмъ скверно".

Конечно, дѣло было не въ простудѣ (по ночамъ, и то температура наружнаго воздуха рѣдко опускалась ниже 18° R.), и эти жалобы на недомоганіе являлись просто результатомъ общаго упадка силъ.

18 іюня записано: „Нога, видимо, энергично пошла на поправку. Хожу съ костылями въ... Безпокоитъ большой палецъ на лѣвой ногѣ... Рана и разрѣзъ (сдѣланный при операціи) зажили, но онъ очень чувствителенъ, и не знаю, какъ можно будетъ одѣть сапогъ".

Съ этого дня (съ 18 іюня) мой дневникъ пріобрѣтаетъ свой обычный видъ. Всякое, хотя бы мелкое, событіе въ жизни моей и окружающихъ меня отмѣчается въ немъ кратко, но достаточно точно, чтобы возсоздать въ памяти не только общее впечатлѣніе, но и подробности.

Правда, многое писалось полусловами, намеками, изъ боязни, что прочтутъ японцы, неутомимо слѣдившіе за каждымъ нашимъ словомъ, за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Этотъ неусыпный надзоръ, эта подозрительность дѣйствовали угнетающе... Тѣмъ болѣе, что ихъ врядъ ли возможно было оправдать „военной необходимостью“.—По поводу этого режима „арестантскаго лазарета“, который практиковался по отношенію къ намъ, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ.

Въ теченіе войны японскіе и, въ особенности, японофильствующіе журналы создали цѣлую легенду о рыцарскомъ отношеніи нашихъ враговъ къ военно-плѣннымъ (не говоря уже о раненыхъ), а потому надѣюсь, что читатели не посѣтуютъ на меня за небольшое отступленіе, въ которомъ я попытаюсь дать правдивую картину пережитого.

Вѣрный правилу—строго руководствоваться только своими замѣтками, говорить только о томъ, что самъ видѣлъ, самъ перечувствовалъ и *тогда же* записалъ, не стану пересказывать всего слышаннаго о „рыцарскомъ“ отношеніи японцевъ къ военно-плѣннымъ, сдавшимся въ добромъ здоровьѣ. Они сами, если захотятъ, могутъ повѣдать о всемъ, ими претерпѣнномъ, и, конечно, окажутся краснорѣчивѣе меня. Я буду говорить только о режимѣ, господствовавшемъ въ госпиталѣ Сасебо, куда я былъ доставленъ послѣ боя и откуда былъ выписанъ уже послѣ фактическаго заключенія мира, въ періодъ, назначенный для ратификаціи договора. Въ это время по отношенію къ плѣннымъ были допущены многія послабленія, и, такимъ образомъ, настоящаго „полоннаго претерпѣнія“ мнѣ испытать не довелось; о томъ же, каково

приходилось раненымъ, пусть судятъ сами читатели на основаніи моего правдиваго разсказа.

5 штабъ-офицеровъ, 12 оберъ-офицеровъ, 1 юнкеръ и два кондуктора—всего 20 человѣкъ—были помѣщены въ общую палату, обычно предназначенную для нижнихъ чиновъ (японцевъ), хотя госпиталь отнюдь не былъ переполненъ. Не говоря уже про отдѣльныя комнаты, предназначенныя для тяжело-раненыхъ, пустовали цѣлыя такъ называемыя „офицерскія“ палаты, гдѣ койка отъ койки отдѣлялась раздвижной стѣнкой, освѣщалась каждая своимъ окномъ, гдѣ, вообще, было значительно больше комфорта, нежели въ „матросскихъ“.

У насъ—коїки стояли не больше какъ на аршинъ одна отъ другой.

По ночамъ—не давали покоя стоны тяжело-раненыхъ, несвязный лепетъ и выкрики бредившихъ;—днемъ лихорадочная болтовня „легкихъ“ мѣшала „тяжелымъ“, только что принесеннымъ съ операціоннаго стола, задремать, хоть ненадолго...

Многіе изъ этихъ послѣднихъ вынуждены были всѣ свои естественныя потребности выполнять тутъ же, на глазахъ у всѣхъ... Администрація госпиталя не хотѣла отпустить даже ширмъ—а ужъ чего другого, но этого добра въ Японіи можно найти въ любомъ, самомъ бѣдномъ, домѣ...

— Отчего-жъ не просили, не жаловались?—скажутъ мнѣ.

— Да потому, что заранѣе предчувствовался

въ просьбѣ и... даже хуже—злорадное веселье въ этомъ отказѣ, глумленіе надъ безпомощными людьми, которые „вздумали жаловаться“...

Въ средніе вѣка, во времена расцвѣта рыцарства, несмываемымъ позоромъ считалось всякое насиліе, всякое оскорбленіе, причиненное плѣнному, взятому въ честномъ бою. Самое это названіе „честный бой“ обозначало собою столкновеніе противниковъ, исповѣдующихъ тотъ же догматъ воинской чести, готовыхъ биться на смерть, но уважающихъ другъ друга.

Въ Японіи—не существовало этого догмата.

Въ Японіи—шпіонство, отъ котораго съ презрѣніемъ отворачивался самый захудалый ландскнехтъ, искони почиталось величайшей доблестью.

Цѣлью войны была не только побѣда, но порабощеніе.

Для европейца—чѣмъ мужественнѣе сопротивлялся врагъ, тѣмъ большаго онъ заслуживалъ уваженія.

Для японца—чѣмъ больше упорства проявлялъ противникъ, тѣмъ ужаснѣе были тѣ истязанія, которымъ его надлежало подвергнуть.

Ричардъ-Львиное Сердце считалъ Саладина „братомъ по оружію“, а Хидейоси (японскій Наполеонъ, какъ его называютъ) изъ своего похода въ Корею привезъ 40.000 корейскихъ ушей и носовъ, надъ которыми воздвигъ памятникъ.

Развѣ эти „носы и уши“ не возбуждаютъ отвращенія? Развѣ они не во сто кратъ хуже пирамидъ

изъ человѣческихъ головъ, складывавшихся Тамерланомъ, которыя возбуждаютъ только ужасъ?..

Долгіе вѣка исторіи, полной крови, полной жестокости, проникнутой единымъ девизомъ:—„горе побѣжденнымъ!“—не могли не наложить на душу всего народа той печати варварства, смыть которую были не въ силахъ какія-то тридцать-сорокъ лѣтъ общенія съ европейской цивилизаціей.

— Начальство приказало обращаться съ военноплѣнными согласно европейскимъ обычаямъ, такъ какъ безъ этого Японія не можетъ вступить въ кругъ великихъ державъ.—Это необходимо.—Поняли?

— Для блага родины мы готовы на все, даже на отказъ отъ нашего священнаго права потѣшиться надъ этими презрѣнными, попавшими въ наши руки, заслуживающими самой лютой казни...

Да! смѣло скажу!—къ намъ относились какъ къ преступникамъ, которыхъ, по какимъ то высшимъ соображеніямъ, начальство не только казнить не позволяетъ, но даже приказываетъ за ними ухаживать...

По внѣшности это приказаніе исполнялось, но, казалось, самый воздухъ госпиталя былъ насыщенъ недоброжелательствомъ. Оно сказывалось въ безчисленныхъ мелкихъ уколахъ самолюбія, въ мелочныхъ придиркахъ, стѣсненіяхъ, отравлявшихъ существованіе...

Въ странѣ „этикета“ по преимуществу, какою является Японія, въ странѣ изысканной, вѣками выработанной вѣжливости, гдѣ въ разговорѣ двухъ

лицъ, равныхъ по происхожденію, воспитанію и общественному положенію, не употребляютъ мѣстоименій, но говоря о „высокомъ домѣ“ или „высокочтимой дамѣ“, подразумѣваютъ жилище и жену собесѣдника, а говоря о „гнусной лачугѣ“ или „ничтожной женщинѣ“—свой домъ или свою жену, въ этой странѣ, гдѣ сохранился культъ „церемоній“ — служебный персоналъ госпиталя, обращаясь къ намъ, называлъ насъ просто по фамиліямъ, не добавляя къ ней ни чина, ни даже слово „санъ“ (т.-е. господинъ), безъ котораго въ Японіи не зовутъ по имени даже лакея...

Надо было видѣть этихъ приставленныхъ къ намъ переводчиковъ, говорившихъ по-русски (и до войны проживавшихъ во Владивостокѣ и въ Портъ-Артурѣ, исполняя обязанности приказчиковъ, поваровъ, разсыльныхъ, прислуги въ публичныхъ домахъ)... Надо было видѣть, съ какимъ наслажденіемъ они появлялись въ палатѣ съ нѣсколькими письмами въ рукахъ и выкрикивали:

— Бардинъ!—(матросъ-вѣстовой)—Письмо!

— Филипповскій!—(полковникъ)—Письмо!

При чемъ послѣднему это письмо тыкалось особенно пренебрежительно...

По поводу писемъ... Ну, что мы, съ койки госпиталя, могли бы сообщить въ Россію такого, что имѣло бы военное значеніе?—А между тѣмъ не только всѣ наши письма шли черезъ цензуру, но даже и въ размѣрѣ ихъ мы были ограничены: двѣ „открытки“ въ недѣлю.

Письма, газеты и журналы, присылавшіеся изъ Россіи, цензуровались такъ тщательно, что на это требовалось отъ одного до полутора мѣсяцевъ.

Мало того.—Газеты, издававшіяся въ самой Японіи (на англійскомъ языкѣ) и то не всѣ разрѣшались къ выпискѣ, а разрѣшенныя—опять-таки просматривались начальствомъ, и... многіе номера конфисковались или приходили съ большимъ опозданіемъ.

Развѣ это не режимъ арестантскаго лазарета?..

Добавьте къ этому, что для прогулокъ (многіе съ самаго начала могли двигаться и нуждались въ движеніи) были назначены опредѣленные часы и отведена небольшая площадка передъ баракомъ.

Еще одна черта, ярко характеризующая окружавшее насъ недоброжелательство: всѣ палаты обслуживались сестрами милосердія, кромѣ нашей палаты. У насъ были санитары, да и то—чуть только начальство замѣчало, что какой-нибудь фельдшеръ, даже санитаръ привыкаетъ къ раненому, начинаетъ ухаживать за нимъ больше, чѣмъ это требуется по закону—его немедленно убирали. За три мѣсяца въ нашей палатѣ ихъ перемѣнилось болѣе трехъ комплектовъ. Въ другихъ палатахъ этого не было.

Вспоминая все пережитое, я глубоко увѣренъ, что если намъ не только не рѣзали ни носовъ, ни ушей, но даже лечили, то просто по расчету, а вовсе не изъ рыцарскихъ чувствъ, которыхъ напрасно было бы искать въ боевомъ прошломъ Японіи.

Конечно, все вышесказанное относится къ япон-

цамъ pur sang. Такіе друзья человѣчества, какъ доктора Ивасаки и Оки, такіе товарищи по оружію, какъ навѣщавшіе насъ моряки Номото, Танака и др.—не въ счетъ. Эти—долгіе годы проведя въ культурныхъ центрахъ Европы—получили тамъ не только образованіе, но и сумѣли, на общей почвѣ культа мужества и самоотверженія, слить въ душѣ своей идеалы „самурая“ съ завѣтами нашего „рыцарства“.

Для отдѣльныхъ лицъ такая метаморфоза, конечно, возможна... Но вѣдь исключенія только подтверждаютъ правило.

Объ отношеніи японцевъ къ военно-плѣннымъ мнѣ еще придется поговорить въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, а пока—къ дѣлу.

IV.

Пробужденіе къ сознанію.—Тревоги и сомнѣнія. Газеты изъ Россіи: общее негодованіе.—Адмиралу благополучно сдѣлали операцію.—Громкія телеграммы и бездѣйствіе Линевича.—Сдача Сахалина.—Тайфунъ.

До сихъ поръ я ни разу не упомянулъ о впечатлѣніи, которое произвело на насъ (раненыхъ) вообще, и на меня въ частности, извѣстіе о сдачѣ Небогатова съ четырьмя кораблями,—и не по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, а единственно изъ желанія быть строго документальнымъ.

Несомнѣнно, что эта новость и мнѣ, и другимъ стала извѣстна на слѣдующій же день, но за весь первый мѣсяцъ пребыванія въ госпиталѣ ни слова, по этому поводу, въ моемъ дневникѣ не записано, а если память не измѣняетъ, то первоначально я отнесся къ извѣстію съ полнымъ равнодушіемъ.—Слишкомъ былъ занятъ насущнымъ вопросомъ: какъ обойдутся со мной на слѣдующей перевязкѣ...

День 20 іюня былъ днемъ радости. „Сегодня мылся подъ краномъ, стоя“.—Это значило, что самъ

добрался до уборной и управился тамъ безъ посторонней помощи.

Но... изъ окна уборной былъ виденъ уголокъ рейда, и мнѣ показали... „Николай I“, выходящій изъ дока...

„...Подъ своей машиной пошелъ куда-то... (записалъ я въ своемъ дневникѣ).—До слезъ обидно...—Японскій флагъ.—„Ики“.—Боже, какой позоръ!—Тутъ же „Апраксинъ“... Идетъ на пробу (машинъ)“...

Вотъ когда ударило по сердцу!.. До того все заслонялось вопросомъ: будутъ сегодня рѣзать или нѣтъ?..

21 іюня записано:—„Безъ перемѣнъ (относительно здоровья).—Тоска, тоска... Что дѣлать, вернувшись?—Возрожденіе флота, живой духъ въ обученіи, живые люди вмѣсто чиновниковъ, исполненіе долга вмѣсто отбыванія номера... Хорошія слова... А кто это сдѣлаетъ?—Творцы тины, въ которой мы утонули, крѣпко, плотно сидятъ въ своихъ креслахъ... война ихъ не тронула... Нѣтъ. Ничего не выйдетъ... Уйти бы куда-нибудь, зарыться“...

Тяжело было...

Въ дневникѣ, опять, только отрывочныя фразы.

„25 іюня.—Третьяго дня вечеромъ поднимался къ адмиралу (во второй этажъ) и просидѣлъ у него часа два.—Сидячее положеніе для меня, повидимому, неблагопріятно. Ночью и вчера, весь день, въ глубинѣ раны сильно дергало. Вѣрно—сѣдалищный нервъ.—Валяюсь на койкѣ“.

Должно-быть самочувствіе было неважно, но, тѣмъ

не менѣе, я не утерпѣлъ, чтобы не повидать адмирала еще разъ. Не я одинъ, но всѣ мы—офицерская палата и палаты нижнихъ чиновъ—всѣ подбодряли себя мыслью, что „онъ“ поправится и, вернувшись въ Россію, „сдѣлаетъ“... Что „сдѣлаетъ“—врядъ ли кто могъ бы точно формулировать, но всѣ понимали другъ друга, всѣ жили этой надеждой, хорошо зная, какая разница была между тѣмъ блестящимъ „свитскимъ“ адмираломъ, который уходилъ изъ Либавы, и тѣмъ начальникомъ эскадры, который во главѣ ея шелъ на смерть при Цусимѣ...

Вѣдь „онъ“ жутче и полнѣе любого изъ насъ пережилъ эту страду—отъ Либавы до Цусимы... Вѣдь это „онъ“ велъ насъ въ бой, объ исходѣ котораго, еще пять мѣсяцевъ тому назадъ, доносилъ, съ солдатской прямотой, что „не имѣетъ надежды на успѣхъ“...

— Помните первую телеграмму Государя?—горячилась молодежь.—А дальнѣйшія? Эти запросы объ его будущей работоспособности? Кому другому всѣ порядки пришлось вынести на своей шеѣ?—Камня на камнѣ подъ „шпицемъ“ не оставитъ, когда вернется!—Только бы выжилъ...

И какъ наивны были не только эти мичмана, но и всѣ мы, болѣе опытные, видавшіе виды, но забывавшіе старую пословицу: „Жалуетъ Царь, да не жалуетъ псарь“...

Все-таки 25-го іюня вечеромъ я опять (черезъ силу) навѣстилъ адмирала и радовался, что „настроe-

ніе у него хорошее; раны протекаютъ правильно, температура нормальная".

Путешествія во второй этажъ не прошли даромъ. Слѣдующее довелось предпринять только 1-го іюля, а въ промежуткѣ было довольно плохо, судя по краткости и отрывочности записей въ дневникѣ.

„4 іюля.—Большая рана раздѣлилась перемычками на четыре части... Очень болѣзненно"...

„5 іюля.—Ночью было развлеченіе. Задулъ свѣжій Ost (должно-быть южнѣе идетъ таіфунъ) и повалило лѣса строящагося барака *).—Больно дотронуться.—Бывало, послѣ перевязки блаженствуешь, а теперь приходится лежать, не шевеля ногой.—Свѣжо.—Почти штормъ.—Дождь.—Теперь если бы въ морѣ, на хорошемъ кораблѣ!—зюйдвестка, дождевикъ, резиновые сапоги... льетъ сверху; поддаетъ изъ-за борта; мотаетъ—едва устоять... Но корабль держится хорошо; мѣсто извѣстно; курсъ точенъ, полная увѣренность, и...—свисти, вѣтеръ, хлещи, волна,—я сильнѣе! Приду, куда хочу!.. Какія это были минуты горделиваго сознанія своей силы!.. Повторятся ли онѣ?.. и когда?..—Въ плѣну!.."

Да простятъ мнѣ читатели, если эти дословныя выдержки нелитературны, но вѣдь это было записано на койкѣ госпиталя...

„6 іюля.—Вчера—весь день штормъ... отъ погоды, что-ли, нога не давала покоя.—Перевязка очень

*) Рядомъ съ нашимъ, передъ самыми окнами.

болѣзненна... Ходить, сидѣть—нельзя. Даже лежа, и то нехорошо... Чортъ возьми! Вѣдь недѣлю тому назадъ... казалось, совсѣмъ идетъ на поправку"...

„9 іюля.—Даже Ивасаки (онъ всегда подбодряетъ) сказалъ: „no good". Что такое?—ничего не понимаю. Лежу.—Передвигаюсь (куда необходимо) на костыляхъ".

Не одинъ я испытывалъ это рѣзкое ухудшеніе въ теченіи ранъ.—Казалось, повѣтріе какое-то.—Многіе изъ тѣхъ, что ужъ давно бродили по палатѣ и даже ходили на прогулку, слегли опять.—Во всѣхъ сказывалась какая-то особая нервность и раздражительность.—Надоѣдали прислугѣ, ссорились между собою...

Виною тому, какъ справедливо угадалъ Ивасаки, была впервые полученная пачка номеровъ „Новаго Времени", въ которыхъ г. Кладо, на основаніи какихъ-то отрывочныхъ и, въ большинствѣ, невѣрныхъ свѣдѣній развертывалъ передъ русской публикой фантастическую картину боя и выяснялъ причины нашего пораженія.

Что это было!..

Люди, болѣе уравновѣшанные, пытались успокоить товарищей, указывая, что вѣдь есть оговорка, что во вступительныхъ фразахъ самъ г. Кладо признаетъ имѣющіяся у него свѣдѣнія отрывочными и даже малодостовѣрными, предостерегаетъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ и сужденій...

— А самъ выводитъ и судитъ!—возражали имъ.— Эта оговорка—только лазейка, путь для благородной ретирады, припасенный на всякій случай! Вѣдь читатели понимаютъ, что если „ученый морякъ“, основываясь на телеграммахъ какихъ-то американскихъ корреспондентовъ, пишетъ цѣлый рядъ статей, то ясно, что самъ-то онъ, этотъ „ученый морякъ“, вѣритъ имъ, и оговорка въ предисловіи поставлена только для приличія. А если „онъ“ вѣритъ, то какъ же не повѣрить людямъ, мало или вовсе не свѣдущимъ въ морскомъ дѣлѣ?—Вѣдь это „онъ“ писалъ и научно доказывалъ всего четыре мѣсяца тому назадъ, что эскадра, находившаяся на Мадагаскарѣ, и послѣ паденія Портъ-Артура „имѣетъ надежду на успѣхъ“, а если подкрѣпить ее разнымъ хламомъ (Небогатовскій отрядъ), то получится уже не надежда, а „увѣренность“ въ успѣхѣ!—Вотъ онъ и даетъ теперь логическое разъясненіе причинъ небывалаго въ исторіи разгрома, когда одна сторона истреблена, а другая понесла потери до смѣшного ничтожныя. И причинами этими онъ выставляетъ—бездарность, грубое невѣжество и недостатокъ воинской доблести тѣхъ, кто шелъ умирать...

Представьте себѣ такое положеніе: гдѣ-нибудь, на краю свѣта (скажемъ—въ Аргентинѣ), вы попали подъ автомобиль, жестоко изувѣчены и лечитесь въ госпиталѣ, а тѣмъ временемъ въ Петербургѣ, въ кругу вашихъ добрыхъ знакомыхъ, человѣкъ, пользующійся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ,

разсказываетъ, что, „конечно“, это могутъ быть только сплетни, но ходитъ слухъ, что N вовсе не попадалъ подъ автомобиль, а, уличенный въ шулерничествѣ, былъ жестоко избитъ и спущенъ съ лѣстницы... Дальше же слѣдуетъ длинный рядъ сужденій на тему о всемъ безобразіи такого поведенія, о томъ, что вы покрыли себя несмываемымъ позоромъ, призывъ къ устраненію изъ своей среды недостойныхъ, и т. д., и т. д.—Что же осталось отъ оговорки, предпосланной этой проповѣди?—Ровно ничего.—Дѣло сдѣлано... Добавьте къ этому, что въ силу особыхъ условій, ваши протесты, ваши опроверженія вы могли бы представить лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда, выздоровѣвъ, вернетесь на родину, гдѣ вамъ придется бороться съ прочно сложившимся мнѣніемъ большинства, пытаться переубѣдить людей, которые брезгливо отъ васъ отворачиваются, которые не хотятъ васъ слушать...

А въ данномъ случаѣ положеніе было именно таково.

„Calomniez, calomniez! il en restera toujours quelque chose!“—говорятъ французы, и здѣсь этому правилу открывалось тѣмъ болѣе широкое поприще, что оклеветанные могли имѣть надежду поднять свой голосъ противъ клеветниковъ лишь черезъ много (они сами тогда не знали—черезъ сколько) мѣсяцевъ спустя..

Вотъ почему, къ неудовольствію главнаго доктора и даже „Живоглота“, наша палата, въ первой поло-

винѣ іюля, представляла собою картину, мало чѣмъ отличающуюся отъ второй половины мая.

„10 іюля.—Вчера весь день лежалъ... Вѣрно, необходимо спокойствіе... На перевязкѣ здорово мучили... Сейчасъ (2 часа спустя)—хоть кричи! Въ потъ бросаетъ...—4 часа дня.—Уставши отъ этого удовольствія, заснулъ совершенно неожиданно и такъ крѣпко, что едва разбудили къ концу завтрака.—Если лежать смирно—не болитъ“.

„12 іюля.—На перевязкѣ не особенно притѣсняли, но послѣ прижиганія хлористымъ цинкомъ такъ жжетъ, что, прямо, верчусь на постели...—2 $^1/_2$ часа дня.—Слава Богу! Адмиралу сдѣлали операцію (до сихъ поръ боялись, что не выдержитъ), вынули кусокъ кости, подсунувшійся подъ край пробитаго черепа.—Вечеромъ.—Адмиралъ чувствуетъ себя прекрасно (такъ разсказывали)—ни болей, ни лихорадки, ни слабости... Прямо праздникъ! Все время сверлила мысль—вдругъ не выдержитъ? Тогда не лучше ли было ему погибнуть въ бою, чѣмъ умирать въ госпиталѣ?..“

„13 іюля.—На перевязкѣ больно ковыряли... Ивасаки говоритъ: „Самъ не понимаю въ чемъ дѣло; очень странно: однѣ дырки зарастаютъ, другія открываются“. Нога болитъ. Погода скверная—дождь, вѣтеръ... Уныло. Точно осень... И на душѣ—тоже... О Россіи въ газетахъ пишутъ такую дрянь. Дай Богъ

чтобы не все было правдой... Иной разъ подымаются разговоры о будущемъ. Безотрадные разговоры. . Петра Великаго нужно! Героическія мѣры!.. Кто, наверху, рѣшится круто повернуть? Удалить отъ дѣлъ тѣхъ, кто достигли высокаго положенія, благодаря свойству, родству и тому, что берегли свое здоровье, когда другіе работали? Вѣдь не сами же они признаютъ себя подлежащими упраздненію...“

„14 іюля.—Бѣдная Россія... Даже англичане („Nagasaki Press“), несмотря на все злорадство, поражаются и восклицаютъ: „Если когда-нибудь можно было вообразить себѣ націю, рѣшившуюся похоронить себя подъ собственными развалинами, то этотъ спектакль даетъ Россія“...

„19 іюля.—Вчера вечеромъ опять рискнулъ подняться по лѣстницѣ, чтобы навѣстить адмирала“.

(Дневникъ полонъ записей о подробностяхъ перевязокъ, о ходѣ ранъ. Пропускаю ихъ, какъ неинтересныя).

„23 іюля.—Все хорошо... Хорошія вѣсти изъ Россіи, т.-е., вѣрнѣе, не изъ Россіи, а о ней. Въ „Nagasaki Press“ пишутъ, что мира не будетъ, такъ какъ Государь телеграфировалъ Линевичу, что „ни уступки территоріи, ни контрибуціи“, а японцы ужъ карту отпечатали, по которой къ нимъ отходитъ Манджурія, Корея, Сахалинъ и вся Приморская область, включая Камчатку, да еще мечтаютъ о сдачѣ имъ всѣхъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ, и о пяти милліардахъ контрибуціи.—Слава Богу! Всѣ

подбодрились. Хоть и тяжело сидѣть въ плѣну, но... хоть умереть въ неволѣ, лишь бы Россія добилась почетнаго мира".

„24 іюля.—Все хорошо. Обѣщаютъ скорую поправку. Особенно томительно въ виду предстоящихъ мирныхъ переговоровъ. Хотѣлось бы заснуть недѣльки на три... Главное—ничего достовѣрнаго. Нельзя же вѣрить всему, что пишутъ!"

Надо замѣтить, что всѣ мы искренно вѣрили (или хотѣли вѣрить) телеграммѣ Линевича о готовности перейти въ наступленіе, и радовались, что перемирія не будетъ, что, можетъ быть, во время самыхъ переговоровъ онъ будетъ имѣть удачное дѣло и дастъ хотя какой-нибудь козырь въ руки нашимъ дипломатамъ... Дальнѣйшія извѣстія, которыхъ мы ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, не оправдали нашихъ надеждъ. Линевичъ бездѣйствовалъ; Мищенко въ своемъ набѣгѣ потерпѣлъ неудачу... А Сахалинъ?.. Вотъ что записалъ я въ своемъ дневникѣ по поводу Сахалина, резюмируя общее мнѣніе всего населенія палаты: „Новый срамъ. Если рѣшили не защищать Сахалина вовсе, то надо было его очистить. Если же войска тамъ были, то они должны были драться. Сами японцы признаютъ, что, при бездорожьѣ и пересѣченной мѣстности, Ляпуновъ съ его силами, ведя партизанскую войну, могъ бы надѣлать имъ много хлопотъ".

26 іюля имѣло мѣсто происшествіе, внесшее нѣкоторое разнообразіе въ наше монотонное существованіе. Надвинулся тайфунъ, центръ котораго прошелъ немного сѣвернѣе Сасебо. Съ утра задулъ свѣжій Ost. Въ 3 часа 30 мин. пополудни рухнулъ двухъэтажный баракъ, строившійся рядомъ съ нашимъ, лѣса для котораго (какъ я писалъ уже) впервые повалило три недѣли тому назадъ. Теперь онъ уже былъ выведенъ подъ крышу (японцы строятъ деревянный остовъ дома, накрываютъ его тяжелой крышей, а затѣмъ уже забираютъ стѣны). Паденіе было грандіозное. Я дремалъ на койкѣ, какъ вдругъ услышалъ трескъ и голосъ мичмана Д.: — „Валится!“ — Обернулся, глянулъ въ большое (можно бы сказать — венеціанское) окно, у котораго стояла моя койка, и вижу—махина дѣйствительно валится прямо на насъ... Забылъ про раны и съ легкостью серны отлетѣлъ къ противоположной стѣнѣ... Обошлось благополучно. Въ нашъ баракъ ударили только отдѣльные обломки.—Въ 5 час. 20 мин. вѣтеръ отошелъ почти къ S, все свѣжѣя. Изрядныя деревья выворачивались съ корнемъ. Черепицы съ крышъ срывались и неслись по воздуху, какъ стаи галокъ. Въ центральномъ (двухъэтажномъ) зданіи напоромъ вѣтра вдавило стѣну; прибѣжали толпы рабочихъ и занялись ея подкрѣпленіемъ. Въ 6 час. вечера явилось опасеніе, какъ бы не рухнулъ двухъэтажный баракъ, во второмъ этажѣ котораго была комната адмирала. Его принесли къ намъ на носилкахъ, растрепаннаго вѣтромъ, изрядно вымок-

шаго подъ дождемъ. Наибольшей силы штормъ достигъ около 7 час. вечера. Къ 10 час. вѣтеръ перешелъ къ S и началъ ослабѣвать. Въ результатѣ всѣ двухъэтажные дома были сильно повреждены, а съ трехъ бараковъ вовсе снесены крыши.

27 іюля моя большая рана окончательно выполнилась и покрылась струпомъ. „Слава Богу!—записалъ я въ своемъ дневникѣ.—Давно пора! Вѣдь ужъ 74 дня прошло со времени ея полученія“

„4 августа.—Не хочется ничего писать. Идутъ мирные переговоры. Въ газетахъ все какъ-то смутно и непонятно... Чего же хвасталъ Линевичъ?... Тоска!..“

„6 августа.—Гулялъ. Однако, ходилъ нескоро и недолго (всего $^1/_2$ часа), а здорово усталъ“.

V.

Въ періодъ выздоровленія.—Я—революціонеръ...—Наша молодежь.—Миръ.—Тяжелые дни.—Отъ Сасебо до Ниносима.

ТОЛЬКО тотъ, кому довелось въ жизни благополучно перенести опасную, тяжелую и мучительную болѣзнь, пойметъ то, что я испытывалъ въ теченіе ближайшихъ недѣль. Я чувствовалъ (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось), какъ съ каждымъ часомъ я крѣпну, какъ прибываютъ силы. И какъ старательно исполнялъ я всѣ предписанія доктора относительно постепеннаго увеличенія срока прогулокъ, какъ внимательно слѣдилъ за своей ногой, пріучая ее повиноваться моей волѣ—не „загребать“, не давать „вольтовъ“ въ сторону (сѣдалищный нервъ былъ-таки затронутъ)! Послѣднее время изъ всего населенія палаты насъ было только трое съ еще незакрывшимися ранами; теперь осталось двое... Сознаюсь откровенно, когда эти двое отправлялись въ операціонную, я никогда не могъ удержаться, чтобы не подумать: „А мнѣ ужъ больше не нужно!“—и эта мысль дѣлала меня счастливымъ. Пусть это была

грубая. животная радость—что дѣлать!—я обѣщалъ писать правду.

Одновременно съ этимъ мысль, до того всецѣлс сосредоточившаяся на ходѣ раны, словно вырвалась изъ-подъ гнета и заработала необычайно ярко. Въ нѣсколько дней я собралъ въ одно цѣлое отрывочные замѣтки, которыя набрасывалъ, лежа на койкѣ, и уже 9 августа представилъ адмиралу обширную докладную записку, въ которой были подробно изслѣдованы и... названы своими именами тѣ условія, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ подготовляли наше пораженіе. Послѣ всего пережитаго я считалъ себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ высказаться съ полной откровенностью. Адмиралъ никогда не говорилъ со мною объ этой запискѣ, зато въ Петербургѣ, гдѣ, съ его разрѣшенія, она была отпечатана и разослана всѣмъ высшимъ чинамъ морского вѣдомства, она имѣла несомнѣнный успѣхъ, возстановивъ противъ меня все тѣсно сплоченное населеніе зданія адмиралтейства.

Однако же, возвращаюсь къ моему дневнику. Читая его, кажется, что въ авторствѣ участвовали два человѣка:—одинъ—полный бодрости, горячо вѣрящій, что не онъ только, но весь флотъ возрождается къ новой жизни, что гроза, принесшая разрушеніе, не можетъ не очистить атмосферы; и другой—на основаніи опыта прошлаго и кое-какихъ признаковъ въ настоящемъ, не вѣрящій въ обновленіе, глубоко убѣжденный, что никакая гроза не освѣжитъ спертаго

воздуха безчисленныхъ канцелярій морского вѣдомства...

„9 августа.—Что дѣлать дальше, вернувшись въ Россію? Используютъ ли горькій опытъ? сумѣютъ ли создать настоящій флотъ, или только построятъ новые кузова, а закваска останется старая?.. Тогда нельзя служить, невозможно работать для подготовки новой Цусимы!.. Грустное, обидное сознаніе, что жизнь прожита зря, что лучшіе года отданы на службу учрежденію, которое привело Россію къ позору... Вмѣсто грозной силы, они соорудили грубо намалеванную декорацію, а мы, какъ дѣти, дались въ обманъ и, опоясавшись бутафорскимъ мечомъ, шли поражать враговъ родины!.. Вотъ и сидимъ въ Сасебо... А они? Они все тамъ же, гдѣ и были, на своихъ мягкихъ креслахъ, да еще, чего добраго, они же насъ и судить будутъ...“

10 и 11 августа записаны разныя мелочи госпитальной жизни, которыя я и въ дальнѣйшемъ изложеніи буду пропускать.

„12 августа.—...и развѣ я измѣнилъ себѣ, выступивъ съ рѣзкой критикой? Я всегда зналъ то, что говорю теперь, а при случаѣ и высказывалъ, и не за спиной, а въ глаза моимъ начальникамъ (бывали и непріятности). Но только, въ общемъ, я подавлялъ въ себѣ эти протесты. Я самъ себя старался увѣрить, что всѣ добросовѣстно исполняютъ свой долгъ. Я не допускалъ мысли, чтобы вопросы, приходящіе въ го-

лову мнѣ, сравнительно молодому офицеру, не безпокоили людей много старше и опытнѣе меня, и если не все дѣлалось такъ, какъ мнѣ казалось нужнымъ, то, несомнѣнно, потому, что дѣлалось наилучшимъ способомъ, и иначе нельзя. Чудовищно было бы думать, что люди, стоящіе у власти, больше заботятся о себѣ и своихъ интересахъ, нежели о пользѣ дѣла, къ которому приставлены, о безопасности и чести родины, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ, что для нихъ неудовольствіе нужныхъ или пріятныхъ „особъ“ быть можетъ страшнѣе отвѣтственности передъ судомъ исторіи... Да! въ этомъ я ошибался... Но когда они съ высоты своего величія вѣщали: „Намъ лучше знать. Исполняйте, что вамъ приказано—и все будетъ хорошо. Начнете умничать—только напортите“—какъ было имъ не вѣрить? Вѣдь въ ихъ рукахъ были сосредоточены всѣ средства, всѣ данныя... Можно ли было подозрѣвать, что груды „матеріаловъ“ только обременяютъ шкапы канцелярій, а требованія, вызываемыя опытомъ, оставляются безъ вниманія?.. Но какъ это въѣлось! До какой степени священны традиціи! Напримѣръ, свѣжій человѣкъ, прочтя мою докладную записку, сказалъ бы: „Да вѣдь это прописныя истины! чего тутъ доказывать?“ А вотъ NN, который читалъ ее, находитъ высказанные въ ней взгляды революціонными... И это—послѣ Цусимы!..“

„13 августа.—Проснулся рано—только пробило 5 ч.—Вышелъ на крыльцо. Дождь пересталъ: на небѣ рѣдкія, разорванныя тучки; западъ еще тем-

ный; на востокѣ полнеба охвачено слабымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ, а по низу стелется багровый отблескъ. Предразсвѣтный туманъ стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ; бухта и склоны горъ задернуты легкой дымкой. Листъ не шелохнется. Тишина... такая тишина, что сквозь закрытую дверь явственно слышно всхрапываніе людей, спящихъ въ баракѣ.— Какая красота! какъ глубоко, какъ привольно дышится! какъ легко, какъ бодро себя чувствуешь! полетѣть бы птицей!.. И вдругъ—все померкло, поблекло... ужасное, роковое слово: „въ плѣну“...

„14 августа.—Ожесточенные дебаты по поводу манифеста 6-го августа.—Боже мой! какое полное отсутствіе свѣдѣній о формахъ народнаго представительства въ другихъ государствахъ! Если бы еще всѣ эти нелѣпости говорили только молодые мичмана, которымъ въ корпусѣ, конечно, не читали государственнаго права (хотя и въ средѣ мичмановъ были одинъ инженеръ и одинъ лицеистъ, окончившіе курсъ и поступившіе во флотъ юнкерами), но такое же невѣжество проявляли и люди, изрядно послужившіе, дожившіе даже до сѣдыхъ волосъ.

О порядкѣ выборовъ въ различныхъ государствахъ, разумѣется, никто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія; большинство, впрочемъ, слышало, что въ Англіи существуетъ палата лордовъ и палата общинъ, которыя иногда пререкаются между собою, но какъ разрѣшаются эти пререканія—не были освѣдомлены; сенату во Франціи приписывали роль на-

шего сената; о верхней палатѣ въ Австріи и Германіи, о сенатѣ въ Италіи и пр. вовсе ничего не знали. Въ результатѣ: одни ликовали, представляя себѣ Думу состоящею изъ депутатовъ, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ, рѣшенія которыхъ непосредственно поступаютъ на утвержденіе верховной власти; другіе же, опасаясь такого крутого перелома, возставали противъ всякаго народнаго представительства.—Было бы смѣшно, когда бы не было грустно".

„15-го августа.—Горькія мысли о нашемъ флотѣ приходятъ въ голову. Не только сверху надо основательно почистить,—необходимо и снизу перевоспитать. А перевоспитывать—это труднѣе чѣмъ просто воспитывать... Пишу подъ впечатлѣніемъ разыгравшагося въ палатѣ горячаго спора.—Изъ Кіото, гдѣ содержится большая часть плѣнныхъ моряковъ, кѣмъ то было получено письмо, въ которомъ сообщалось, что тамъ для офицеровъ организованы лекціи по штурманскому, артиллерійскому и минному дѣлу, по механикѣ и кораблестроенію, а также ведется военно-морская игра—вообще стараются съ пользой употребить время вынужденнаго бездѣйствія. Кто-то, шутя, сталъ поддразнивать молодежь, что по выпискѣ изъ госпиталя имъ придется засѣсть за книги, посѣщать лекціи, а потомъ, чего добраго, и экзаменъ сдавать... Всѣ смѣялись, но одинъ изъ мичмановъ принялъ дѣло въ-серьезъ и категорически заявилъ, что ни на какія лекціи не пойдетъ.—Пойдете, если будетъ приказано!—„Никто не можетъ мнѣ приказать!"—А

начальство?—„Здѣсь нѣтъ никакого начальства, кромѣ японцевъ!“—Къ большому моему удивленію всѣ его товарищи энергично поддержали это заявленіе. Шуточныя пререканія превратились въ принципіальный споръ. Ни разъясненіе смысла служебныхъ отношеній, ни ссылка на статьи морского устава—ничто не помогало! При чемъ аргументъ протестующихъ былъ простъ до грубости: „Пусть самъ адмиралъ скажетъ мнѣ: „ступайте“!—а я не пойду! Ну, какъ онъ можетъ меня принудить?“—Выходило такъ, что исполненіе приказанія обязательно лишь въ томъ случаѣ, когда за ослушаніе грозитъ немедленное возмездіе. Не имѣешь возможности наказать—значитъ не можешь и приказывать. Печальное credo“.

„16-го августа. — Послѣ долгаго ненастья установилась чудная погода. Вчера послѣ обѣда гулялъ по двору больше часа. Оказалось не по силамъ. Здорово усталъ; всего разломило; въ глубинѣ раны тупая боль — должно-быть клочья мускула срослись не совсѣмъ правильно; когда возвращался, нога подвертывалась — слаба и въ бедрѣ и въ колѣнѣ“.

„Въ японскихъ газетахъ пишутъ, что мирные переговоры будутъ продолжаться, такъ какъ за хорошее вознагражденіе они согласны очистить Сахалинъ. То-есть, желаютъ кромѣ желѣзной дороги, Артура, Дальняго, Ю. Манджуріи и Кореи получить контрибуцію?.. Что же Линевичъ, который еще два мѣсяца тому назадъ рвался въ бой? Хоть бы на

шагъ потѣснилъ ихъ, и стали бы сговорчивѣе! Видно.. слова только...“

„17-го августа.—„Пересвѣтъ“ вышелъ изъ дока и пошелъ куда-то... Больно глядѣть... а тутъ еще музыка играетъ сегодня на площадкѣ у нашего барака и все такіе знакомые мотивы-марши: „Двуглавый Орелъ“ и „Кронштадтъ-Тулонъ“. Тяжело слушать—въ голову такъ и лѣзетъ назойливая мысль: не съ нашихъ ли судовъ взяты эти ноты?.. Тоска...“

„Около 9 ч. вечера принесли отпечатанную на особомъ листкѣ телеграмму. „Только что договорились о мирѣ“. Все всколыхнулось. Первое движеніе—конечно, радость. Миръ!—Да, но какой цѣной?... —и лица нахмурились“.

„18-го августа.—Всю ночь проворочался на койкѣ. Миръ заключенъ. Передъ Россіей двѣ дороги: новая, чуть намѣчающаяся—путь обновленія, и старая, наѣзженная—среди родныхъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Хватитъ ли рѣшимости, хватитъ ли силы выбиться изъ глубокой, вѣками проложенной, колеи?.. Вспомнились полные горькой иронiи стихи А. Толстого: „Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала! —кабы можно, братцы, начать жить сначала!..“ Подъ утро задремалъ, но скоро опять проснулся. Заря на небѣ. И какъ ярко горитъ... Для кого?—Неужели только для японцевъ?—О, для этихъ она давно взошла, а сегодня каждый японецъ встаетъ съ постели, полный надежды и вѣры въ будущее, съ глубокимъ сознаніемъ, что принесенныя жертвы были не безплодны.

Славный миръ завершилъ побѣдоносную войну, и Великая Японія прочно заняла свое мѣсто среди міровыхъ державъ.

А ты, далекая любимая родина? Ты, какъ Иванъ-Царевичъ, стоишь на роковомъ перекресткѣ... Помоги тебѣ Богъ избрать вѣрный путь, добыть и мертвой воды, чтобы срастить разбросанныя по полю части русскаго великана,—и живой, чтобы пробудить его отъ смертнаго сна... Горько за тебя, разбитую и униженную, и безъ словъ рвется сердце служить и работать для твоего счастья... Сколько тьмы, горя осталось позади... Что-то Богъ дастъ въ будущемъ?.. И плакать хочется, и молиться...“

„19-го августа.—Въ японскихъ газетахъ пишутъ, что мы уступили половину Сахалина и обязались уплатить за содержаніе плѣнныхъ 200 милліоновъ. Замаскированная контрибуція. Плачевный миръ...“

„20-го августа.—Японцы, видимо, недовольны условіями мира (чего бы, кажется?). Къ намъ не пропускаютъ никакихъ газетъ“.

„21-го августа.—Газетъ все нѣтъ, но фельдшеръ разсказывалъ, что отовсюду идутъ выраженія негодованія; подаются петиціи съ просьбой не заключать мира; Комурѣ грозятъ, предупреждаютъ, чтобы лучше не возвращался въ Японію“.

„22-го августа.—Послѣ долгихъ требованій и обращеній по всѣмъ инстанціямъ начальства, наконецъ-то получили газеты. Понятно почему ихъ прятали. По

всей Японіи страшное недовольство условіями, на которыхъ заключенъ миръ. Причина та, что японскому правительству словно мало было дѣйствительныхъ побѣдъ, и оно (для поддержанія бодрости духа, что-ли?) еще преувеличило ихъ. Естественно, что народъ считалъ Россію окончательно разгромленной, лежащей у ногъ Японіи и молящей пощады. Теперь наступило отрезвленіе и разочарованіе. Нигдѣ никакихъ празднествъ. Ни одного флага, развѣшивать которые японцы такъ любятъ. Наоборотъ—обѣщаютъ, при возвращеніи уполномоченныхъ изъ Америки, приспустить всѣ флаги до половины. Газеты печатаютъ условія мирнаго договора въ траурныхъ рамкахъ".

„23-го августа.—Нога все еще плохо дѣйствуетъ, особенно по утрамъ, пока не расходится. Струпъ еще не сошелъ и очень болѣзненъ при малѣйшемъ давленіи. Боюсь, не открылась бы рана снова. Безпокоитъ и большой палецъ на лѣвой ногѣ".

„24-го августа.—Кругомъ только и разговоровъ, что о близкомъ отъѣздѣ. Японцы суетятся. Портъ (госпиталь), видимо, хочетъ какъ можно скорѣе сдать насъ главному управленію военно-плѣнныхъ, хотя, казалось бы, чего проще освободить прямо отсюда, тѣмъ болѣе, что многіе еще требуютъ леченія, а у двоихъ (не считая адмирала) даже раны не закрылись.

Сегодня опять запросъ изъ Петербурга о состояніи здоровья адмирала, объ его работоспособности въ будущемъ и т. д.—Флагъ-капитанъ не рѣшился

отвѣчать своими словами, но просилъ главнаго доктора написать все подробно, ничего не скрывая".

„25-го августа.—Сегодня уже начались сборы. Послѣ завтра ѣдемъ въ Кіото.—Тяжелое, смутное время, словно стоишь не то на распутьѣ, не то передъ запертой дверью, которая, вотъ-вотъ, должна открыться, а что за ней—неизвѣстно. Страстно хочется скорѣе вернуться въ Россію, но самое возвращеніе пугаетъ. Все-таки изъ плѣна, разбитые... Когда еще разберутся, кто дѣйствительные виновники разгрома?.. Единственное, что придаетъ бодрости,—это телеграммы, которыя получалъ адмиралъ въ первые дни послѣ боя. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло; многое могло измѣниться, да, судя по газетамъ, такъ и есть; господа изъ-подъ „шпица" приняли свои мѣры, чтобы сухими изъ воды выйти и съ больной головы свалить на здоровую..."

„26-го августа.—Дождь; пасмурно.—Отъ погоды, что-ли, разболѣлись раны.—Ночью была лихорадка.—Не то во снѣ, не то наяву такъ ярко вспоминались наиболѣе тяжелые изъ пережитыхъ моментовъ... особенно одинъ... Вѣдь я же, какъ только услышалъ, выведенный изъ забытья, о появившихся дымкахъ, сейчасъ посовѣтовалъ разводить пары, давать полный ходъ, бороться до послѣдней возможности, и флагъ-капитанъ согласился со мной и пошелъ наверхъ распорядиться. Это всѣ помнятъ, всѣ подтверждаютъ. Виноватъ ли я, что снова впалъ въ забытье, что не доползъ за нимъ наверхъ, что повѣрилъ его рѣши-

мости?.. Можно ли этого требовать отъ человѣка, ослабѣвшаго отъ потери крови, лежащаго въ лихорадкѣ, раненаго въ обѣ ноги, которому каждый шагъ стоитъ огромныхъ усилій и страданій?—Требовать, конечно, нельзя, и никто не осудитъ... Но я самъ?.. Нѣтъ—ошибка была! Я долженъ былъ просить отнести меня на мостикъ! Положеніе было слишкомъ серьезно, а вѣдь я зналъ его характеръ, его способность поддаваться уговорамъ, мѣнять рѣшенія... Понадѣялся на другихъ?—здоровыхъ, бодрыхъ, нераненыхъ, только наблюдавшихъ за боемъ? Они, молъ, распорядятся? Теперь ихъ чередъ?—Вздоръ! Ни на кого не имѣлъ права полагаться! Поддался физической слабости и не оцѣнилъ важности момента!—вотъ моя вина...

Газеты принесли извѣстія о безпорядкахъ въ Токіо. Толпа хотѣла разнести зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, вступила въ схватку съ полиціей, сожгла нѣсколько полицейскихъ домовъ. 2 полицей-мейстера, 5 приставовъ и 60 городовыхъ ранено; изъ толпы—5 убито и 200 ранено. Вызваны войска. Объявлено военное положеніе и временныя правила о печати“.

„27 августа.—Отъѣздъ не состоялся, какъ слышно, изъ-за того, что не успѣли прислать одежду для нашихъ матросовъ; а между тѣмъ многіе были спасены почти нагишомъ“.

„28 августа.—Проснулся въ шестомъ часу утра, когда весь госпиталь еще спалъ, и заторопился послѣдній разъ сдѣлать мою предразсвѣтную прогулку,

проститься съ убогой лужайкой передъ баракомъ, по которой я сдѣлалъ мои первые, невѣрные шаги безъ костылей, опираясь на палку, гдѣ „учился ходить". Дивное утро.—Рѣдкія, нѣжныя тучки ползутъ по небу, цѣпляясь за вершины горъ. Даль затуманена. Все залито ровнымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ. Не разберешь—взошло уже солнце за горами или нѣтъ. Стебли высокой жесткой травы стоятъ, не шелохнутся, осыпанные каплями росы, и я стою неподвижно на потемнѣвшей сырой дорожкѣ и слушаю тишину. Въ порту, въ городѣ, кругомъ—ни звука... Но вотъ—одна, другая, третья—и по кустамъ, по травѣ, будто сотни колокольчиковъ и бубенчиковъ, зазвенѣли цикады. Гдѣ-то близко прокричалъ пѣтухъ. Неожиданно слѣва, изъ-за барака, взметнулась съ хриплымъ карканьемъ ворона и, грузно взмахивая крыльями, низко-низко перелетѣла черезъ мою дорогу, невдалекѣ отъ меня. За ней другая.—Любопытно, что предсказали бы авгуры по такому полету... Впрочемъ, и у насъ есть на этотъ счетъ какая-то народная примѣта.

День прошелъ въ суетѣ и сборахъ.

Въ 4 ч. 45 м. пополудни тронулись изъ госпиталя. Адмирала везли на дженерикшѣ; двоихъ несли на носилкахъ; мнѣ рекомендовали взять, на всякій случай, костыли, но я расхрабрился и пошелъ, опираясь на палку, такъ какъ до пристани было совсѣмъ недалеко.—У пристани ожидалъ портовый паровой катеръ, доставившій насъ на пароходъ „Genkai-

Maru“, бывшій пассажирскій и, повидимому, до войны обслуживавшій линію, излюбленную туристами, такъ какъ салонъ и каюты перваго класса были совсѣмъ на европейскій ладъ и даже роскошно отдѣланы. Размѣстились весьма комфортабельно. Провожать пріѣхалъ начальникъ штаба порта, контръ-адмиралъ Сакамото, наговорилъ массу любезностей, желалъ счастливаго пути и т. д., и т. д.

Въ 5 ч. 30 м. снялись съ якоря. Тутъ всѣхъ насъ пригласили въ салонъ, закрыли двери и спустили жалюзи. Это—чтобы мы не видѣли выхода изъ порта и не могли запомнить расположенія защищающихъ его фортовъ.—Въ 6 ч. 40 м., когда были уже въ морѣ и ничего секретнаго подглядѣть не могли,—получили свободу.—Невольно вспомнились добрые порядки отечественныхъ военныхъ портовъ, гдѣ для любого наблюдателя все—какъ на ладони.

Прощанье въ госпиталѣ вышло довольно сухое. Да и трудно было ожидать, чтобы разстались „sans rancune“.—Въ комъ встрѣтили мы сердечное къ намъ отношеніе?—По пальцамъ сосчитать можно: доктора Оки и Ивасаки, смотритель госпиталя, фельдшеръ Мацуно, санитаръ Міяге (изъ числа санитаровъ бывали и другіе, но ихъ сейчасъ же убирали). Всѣ прочіе, видимо, лишь во исполненіе воли начальства не слишкомъ третировали насъ, но въ душѣ крѣпко держались стараго правила, что военно-плѣнный—это рабъ, собственность побѣдителя.

При закатѣ солнца погода испортилась. Небо за-

дернулось тучами; море свинцоваго цвѣта; откуда-то пошла зыбь. Совсѣмъ наша осень... Но не прошло и нѣсколько часовъ, какъ опять разъяснило и наступила дивная лунная ночь, какія бываютъ только въ Японіи въ концѣ августа и началѣ сентября.—Стою на ютѣ. Постукиваетъ винтъ. Бѣлая струя ложится за кормой. Тихо. Черезъ ровные промежутки раздается глухой, отрывистый звонокъ механическаго лага. Временами слабо погромыхиваетъ цѣпной штуртросъ. Идемъ Большимъ Хирадскимъ проливомъ. Въ 10 ч. вечера взяли курсъ ONO на Симоносаки. Оріентируюсь по лунѣ и по берегу. — Къ югу, на фонѣ неба, посеребреннаго луной, темнѣютъ горы Кіу-Сіу. Между нами и берегомъ, по поверхности моря, разсѣяны сотни огней. Это японскіе рыбаки.—Они спокойно ловятъ рыбу у своихъ береговъ, какъ ловили ее и во время войны... Они спокойны.—Ихъ флотъ владѣетъ моремъ... Владѣлъ, владѣетъ и будетъ владѣть... Долго ли еще? Не знаю, что это болитъ—душа или сердце? или то и другое?.. Горе побѣжденнымъ!.. Такъ больно, такъ горько... И зачѣмъ докторъ тогда помѣшалъ мнѣ?.. Заснуть, скорѣе бы заснуть...

Не могу спать—мимо окна прошелъ часовой... Случайно посмотрѣлъ въ зеркало, и оттуда глянуло на меня какое-то совсѣмъ чужое, почернѣвшее, усталое лицо... Да и въ самомъ дѣлѣ—эти послѣдніе дни съ ихъ неотвязными, мучительными думами—я такъ усталъ...“

„29 августа.—Около 6 ч. утра останавливались у

карантина, а въ началѣ 8-го подошли къ Дайри, гдѣ высадили шедшихъ на томъ же пароходѣ нижнихъ чиновъ, одновременно съ нами выписанныхъ изъ госпиталя. Они отправляются въ Кумамото.—Около 9 ч. вышли изъ пролива (Симоносаки) въ Средиземное море и легли курсомъ въ SO четверть.—Неожиданно вспомнилъ, что въ 1898 году „Владиміръ Мономахъ“, подъ командой князя Ухтомскаго, идя этимъ курсомъ, въ туманѣ вскочилъ на мель, но благополучно снялся своими средствами. Теперь „Мономахъ“ покоится на днѣ Корейскаго пролива, а бывшій командиръ—въ плѣну...

Изъ Сасебо насъ сопровождаютъ докторъ Тадзуки и капитанъ-лейтенантъ Кимура.

Маленькое замѣчаніе.—Вчера, ложась спать, подумалъ, что провалился—такъ отвыкъ отъ порядочной койки. Въ самомъ дѣлѣ: $3^1/_2$ мѣсяца на жесткомъ соломенномъ матрасѣ, а подъ головой маленькая, купленная въ госпитальной лавочкѣ, надувная резиновая подушка, такъ какъ отъ госпиталя вмѣсто подушки полагался парусинный валекъ, набитый пескомъ.—Помню, первое время, пока я не зналъ, что можно послать санитара купить подушку, какъ онъ меня мучилъ!—Лихорадка, вынужденное лежаніе въ одномъ и томъ же положеніи (навзничь); шея затекаетъ; голова болитъ, и проклятый валекъ, кажется, упирается не въ черепъ, а въ самый мозгъ...

Жарко. Съ утра чуть тянулъ слабый SO, а послѣ полудня совсѣмъ заштилѣло.—Все море усѣяно па-

русами каботажниковъ. Имъ прямо числа нѣтъ.— Вотъ откуда комплектуется японскій флотъ настоящими моряками, и вотъ гдѣ неистощимый резервъ его личнаго состава!

Въ 6 ч. 45 м. вечера стали на якорь у карантина, расположеннаго на островкѣ Ниносима, гдѣ будемъ сданы на попеченіе военнаго вѣдомства“.

VI.

Ночь въ карантинѣ.—Японскіе «армейцы».—Удзина.—Хиросима.—Генералъ Манабэ и его исторія.—Голодъ и комары.—Breakfast и lunch захватнымъ правомъ.—Прибытіе въ Кіото.

ВЧЕРА, тотчасъ по постановкѣ на якорь, на пароходъ прибыли комендантъ острова (полковникъ) и карантинный врачъ. Они долго о чемъ-то перекорялись съ нашими спутниками, Кимура и Тедзуки. По словамъ этихъ послѣднихъ, полковникъ, несмотря на то, что мы прибыли прямо изъ Сасебо, гдѣ три съ половиной мѣсяца провели въ госпиталѣ подъ надзоромъ врачей, непремѣнно хотѣлъ продѣлать надъ нами всѣ манипуляціи, положенныя для прибывающихъ съ театра военныхъ дѣйствій: полную дезинфекцію, прививку оспы и т. д. Насилу его убѣдили.

(Позже, въ Кіото, мы узнали отъ другихъ плѣнныхъ, какъ выполнялись эти манипуляціи, и благодарили Бога, что чаша сія миновала насъ).

Убѣдить полковника, не признававшаго ничего на свѣтѣ, кромѣ своей инструкціи, было, повидимому, нелегко. Кимура даже вспотѣлъ.

Въ $7^1/_2$ час. съѣхали на берегъ. Цѣлый городокъ дощатыхъ бараковъ. Въ ближайшемъ ко входу помѣстили адмирала и трехъ штабъ-офицеровъ, при чемъ кровать адмирала была поставлена особо и отдѣлялась отъ нашихъ занавѣской, а наши три стояли почти вплотную одна къ другой подъ общимъ мустикэромъ. Меблировка—небольшой столъ и простыя табуретки по числу кроватей. Кровати—грубо сколоченныя изъ едва-отесанныхъ брусьевъ и досокъ. На кровати—изрядно слежавшійся, жесткій соломенный матрасъ, вмѣсто подушки валикъ съ пескомъ, да три грубыхъ шерстяныхъ одѣяла. Никакого признака бѣлья, а между тѣмъ и матрасы, и валики—далеко не первой свѣжести.

Адмиралъ, обозрѣвъ отведенное ему помѣщеніе, не сказалъ ни слова, но сѣлъ на его порогѣ и замеръ въ неподвижности.

Кимура, сопровождавшій насъ на берегъ, видимо чувствовалъ себя отвратительно, все извинялся и утѣшалъ, что вѣдь это только одна ночь.—„Да неужели нельзя достать хоть пару простынь для адмирала?“ — говорили ему. — „Этого здѣсь навѣрное нѣтъ!“—„А у полковника?“—Кимура даже засмѣялся.—„Я думаю, онъ и не знаетъ, что это такое! Теперь всѣ на войнѣ, а здѣсь, въ Японіи, да еще на нестроевомъ мѣстѣ, самые... самые, которые ничего не понимаютъ по-европейски. Впрочемъ, я попробую сдѣлать что-нибудь!“—Въ результатѣ онъ добылъ новый, еще не бывшій въ употребленіи, чехолъ соломеннаго

тюфяка, который и былъ предложенъ адмиралу въ качествѣ постельнаго бѣлья. Затѣмъ оба, Кимура и Тедзуки, откланялись, пожелали покойной ночи (какая ирония!) и поспѣшили вернуться на пароходъ.

Адмиралъ всю ночь не спалъ, да и мы не слишкомъ благодушествовали. Баракъ помѣщался саженяхъ въ 3—4 отъ берега, а между нимъ и берегомъ были воздвигнуты будочки съ удобствами, устроенными самымъ примитивнымъ способомъ. Послѣ полуночи вѣтерокъ потянулъ съ моря, и, несмотря на закрытыя окна, баракъ наполнился ароматомъ рисовыхъ полей!.. Поднялись чуть свѣтъ. Для умыванья принесли ведро воды съ деревяннымъ ковшомъ и небольшой цинковый тазъ, до такой степени заросшій грязью, что пользоваться имъ никто не рѣшился. Предпочли мыться прямо на дворѣ, подавая другъ другу воду изъ ковша. Когда полковникъ, въ сопровожденіи переводчика, явился привѣтствовать адмирала съ добрымъ утромъ и спросить, всѣмъ ли онъ доволенъ, то получилъ въ отвѣтъ завѣреніе, что, несомнѣнно, породистыя свиньи въ Европѣ пользуются бо́льшими удобствами, чѣмъ мы здѣсь...

Полковникъ смутился, сталъ бормотать какія-то извиненія, затѣмъ исчезъ, и до самаго отъѣзда мы его больше не видѣли. Переводчикъ, какъ и Кимура, поясняль, что это „совсѣмъ японскій“ человѣкъ, что онъ очень старался все устроить такъ, какъ европейцы привыкли, но только не умѣетъ. Плохо вѣрилось такимъ объясненіямъ.

Въ госпиталѣ насъ кормили не роскошно, но сытно. Не всегда было вкусно, но всегда, по меньшей мѣрѣ, съѣдобно. Зато здѣсь... Начну съ того, что ни скатерти, ни салфетокъ не полагалось. Ножи, ложки—покрыты грязью, а между зубьями вилокъ скопились цѣлыя залежи ея. Но это дѣло поправимое—отмыли и отчистили. Съ тарелками было хуже, такъ какъ пища приносилась уже положенною на нихъ, а судя по захватаннымъ краямъ, и донышки не должны были отличаться чистотой. На breakfast дали овсянку съ сахаромъ (при чемъ сахаръ былъ уже насыпанъ въ тарелку) и рисъ, политый соусомъ кэрри. Думали, что придется поддерживать питаніе чаемъ съ хлѣбомъ, когда къ общей нашей радости появился маркитантъ, у котораго пріобрѣли американскіе консервы—ветчину, какую-то замазку, подъ названіемъ „паштетъ изъ дичи", калифорнскіе фрукты и кофе со сливками. Въ полдень опять угостили. Бульонъ (грязная вода) и желто-сѣрый омлетъ съ рѣпчатымъ лукомъ. Въ 12 час. 50 мин. дня, когда мы еще сидѣли за столомъ, баракъ закачался и заскрипѣлъ; посуда запрыгала по столу. Такъ продолжалось 10 секундъ. Черезъ три минуты—второй ударъ, слабѣе перваго и продолжительностью 5 секундъ. Въ 4 часа дня снова принесли пищу—опять овсянка съ сахаромъ и какая-то отвратительная слизь съ мелко накрошенными кусочками мяса и сала. (Брезгливый человѣкъ не выдержалъ бы одного взгляда на это крошево.) Справились—почему это

вздумали кормить въ неурочный часъ? Переводчикъ пояснилъ, что вскорѣ мы выѣзжаемъ; ужинать будетъ негдѣ, и поѣсть придется только завтра утромъ, а потому надо подкрѣпиться. Бросились къ маркитанту, но, увы, почти всѣ запасы его уже были раскуплены, а съѣздить въ городъ за новыми у него не хватало времени. (Надо замѣтить, что въ нашей партіи, кромѣ адмирала, было 3 штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ, 2 кондуктора и 1 юнкеръ).

Всѣ эти заключенія имѣли и свою хорошую сторону. Когда ихъ не было (какъ, напримѣръ, послѣдніе дни въ госпиталѣ, а въ особенности на пароходѣ, въ знакомой обстановкѣ, среди полнаго комфорта), оставалось слишкомъ много времени для того, чтобы думать, вспоминать прошлое, гадать о будущемъ... А думы всегда были одна безотраднѣе другой... Бывали моменты такой тоски, что... хоть за бортъ броситься! Провѣряя, вспоминая ощущенія, пережитыя на пароходѣ, скажу: случись въ то время какое-нибудь несчастье—налети пароходъ на блуждающую мину, столкнись съ другимъ, я бы пальцемъ не шевельнулъ для своего спасенія—такое чувствовалось угнетенное состояніе, такъ хотѣлось конца... Теперь же, когда приходится всячески изворачиваться, чтобы не остаться голоднымъ, сооружать подушку изъ пиджака, завернутаго въ полотенце, собственноручно чистить ножи и вилки и мыть посуду,—весь отдаешься этимъ мелкимъ заботамъ и никакія мысли не лѣзутъ въ голову.—Однако, зовутъ. Пора ѣхать.

Въ 4½ часа дня на портовомъ пароходикѣ отвалили отъ карантинной пристани, а черезъ полчаса высадились въ мѣстечкѣ Удзина. До желѣзнодорожной станціи дошли пѣшкомъ (кромѣ адмирала и двухъ мичмановъ съ еще незакрывшимися ранами—тѣ ѣхали на дженерикшахъ). На улицахъ было много народу, но на насъ, повидимому, не обращали никакого вниманія. Было ли такъ приказано, или просто населеніе мѣстечка давно присмотрѣлось?—Вѣдь черезъ Удзина прошло нѣсколько десятковъ тысячъ нашихъ!.. Конвоя, конечно, никакого не было. Съ нами (пѣшкомъ) шелъ переводчикъ, молодой чиновникъ, а сзади адмирала (тоже на дженерикшѣ) ѣхалъ полковникъ. (Этотъ послѣдній, несомнѣнно, уже донесъ о репримандѣ, полученномъ утромъ—у японцевъ на этотъ счетъ строго—и уже успѣлъ получить соотвѣтственныя инструкціи). Почтительно держался въ сторонѣ, но не спускалъ глазъ съ адмирала и старался догадываться о всякомъ его желаніи: поспѣшно зажигалъ спичку, когда тотъ вынималъ папиросу, самъ побѣжалъ и принесъ стулъ, когда адмиралъ присѣлъ на перила платформы, освѣдомлялся—не угодно ли чаю, содовой воды или пива и т. п. При этомъ краснѣлъ, но не берусь сказать—отчего: отъ смущенія или отъ злости за навязанную ему роль...

Ждать поѣзда пришлось довольно долго. Въ дальнѣйшій путь тронулись только въ 5 час. 40 мин. пополудни. Вагонъ дали не особенно комфортабельный.

Два отдѣленія: одно—перваго, другое—второго класса. Между ними—уборная. Въ первомъ классѣ—три дивана: два—по боковымъ стѣнкамъ, одинъ—у задней. Каждый диванъ на три человѣка. Сюда посадили адмирала, троихъ штабъ-офицеровъ, а также сѣли полковникъ и переводчикъ (чиновникъ). Въ отдѣленіи второго класса было только два продольныхъ дивана, каждый на четыре мѣста, а посадили туда всѣхъ остальныхъ нашихъ (8 человѣкъ) да еще, девятымъ, переводчика (не имѣющаго чина). Тѣснота у нихъ была страшная. Надѣялись, что это лишь временно, что когда пріѣдемъ въ Хиросиму, то насъ пересадятъ въ большой вагонъ, какіе ходятъ по магистральной линіи (отъ Хиросимы на Удзина—вѣтка). Надежды не сбылись: переводчикъ пояснилъ, что ужъ больше никакихъ безпокойствъ (?) не будетъ—въ этомъ вагонѣ доѣдемъ до Кіото.

Около 6 час. вечера пришли въ Хиросиму. При первой же остановкѣ адмирала встрѣтили и представились ему комендантъ крѣпости, его адъютантъ, вице-губернаторъ (губернаторъ былъ въ Токіо) и правитель канцеляріи. Всѣ при орденахъ и знакахъ отличія. Затѣмъ нашъ вагонъ нѣкоторое время передвигали по разнымъ путямъ, а когда его подвели къ главному вокзалу и прицѣпили къ поѣзду, отходящему въ Кіото, то здѣсь адмирала привѣтствовалъ командующій войсками генералъ-лейтенантъ Манабэ, явившійся въ сопровожденіи своего штаба.

Средняго роста, коренастый мужчина. Умное,

породистое лицо. Больше похожъ на провансальца, чѣмъ на японца. Держится съ достоинствомъ, совсѣмъ по-европейски. На шеѣ—орденъ „Сокола“ (соотвѣтствуетъ нашему Георгію), на правомъ боку—звѣзда „Восходящаго Солнца“, на лѣвомъ—наша Станиславская, съ мечами. Хорошо знакомый съ японскими взглядами, я удивился (про себя конечно), что такой боевой генералъ не на войнѣ. Для него это должно было быть большой обидой.

(Впослѣдствіи французскій морской агентъ, лейтенантъ Martini, разъяснилъ мнѣ эту загадку. По его словамъ, генералъ сдѣлался жертвой интриги, въ которой была замѣшана женщина. Дѣло въ томъ, что въ Японіи широко распространены такъ называемые „женскіе патріотическіе кружки“, членами которыхъ состоятъ дамы высшаго общества. Это не совсѣмъ сестры милосердія, потому что онѣ не живутъ въ госпиталяхъ, но и не наши дамы-патронессы, которыя заглядываютъ въ палаты лишь ненадолго, наподобіе солнечнаго луча, полагая, что и этимъ уже „ces pauvres diables“ достаточно осчастливлены. Японскія дамы самолично ухаживаютъ за ранеными, заботятся о нихъ, удѣляютъ имъ почти все свое время.— Такъ вотъ, пока генералъ отличался подъ стѣнами Пекина, жена его дѣлала свое дѣло и положительно очаровала больныхъ и раненыхъ французовъ, оказавшихся на ея попеченіи. Въ результатѣ—ей была пожалована médaille d'honneur, но при этомъ представители французскаго правительства сдѣлали чудо-

вищный gaffe: давъ медаль г-жѣ Манабэ, члену кружка, они ничего не дали его предсѣдательницѣ. Съ японской точки зрѣнія это было величайшимъ оскорбленіемъ, и предсѣдательница, жена генералъ-губернатора, рѣшила отомстить. Только что генералъ, украшенный орденами за боевыя заслуги, вернулся къ домашнему очагу, какъ нагрянули судебныя власти съ предписаніемъ произвести обыскъ. Вскрывали полы, разбирали стѣны, перекопали весь садъ и дворъ. Оказывается,—генералъ-губернаторъ донесъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, генералъ Манабэ вывезъ изъ Китая и прячетъ у себя цѣнныя вещи, похищенныя въ одномъ изъ пекинскихъ дворцовъ, находившихся подъ охраной его же солдатъ.—Въ такихъ случаяхъ японцы не шутятъ, считая, что затронута честь націи, и, право, взглядъ этотъ не мѣшало бы усвоить многимъ европейцамъ.—Каковы были результаты обыска, Martini, въ точности, не былъ освѣдомленъ; но только съ этой поры звѣзда генерала померкла, и на войну съ Россіей его не взяли... Прошу извинить за отступленіе и возвращаюсь къ дневнику).

Не допустивъ адмирала безпокоиться выходомъ на платформу, генералъ самъ, еще на ходу, вскочилъ въ вагонъ. Взаимное представленіе чиновъ штаба съ той и съ другой стороны. Нѣсколько любезныхъ фразъ о перемѣнчивости военнаго счастья: сегодня—неудача, завтра—побѣда, и наоборотъ. Потомъ всѣ сѣли. Былъ поданъ чай (по-европейски), и тутъ разыгралась ма-

ленькая комедія, очевидно заранѣе инсценированная.

Манабэ освѣдомился: все ли было должнымъ образомъ устроено въ Ниносимѣ, и не терпѣлъ ли адмиралъ какихъ-нибудь неудобствъ? — Адмиралъ отвѣтилъ, хотя и въ мягкой формѣ, но съ полной откровенностью.—Генералъ изобразилъ на своемъ лицѣ горестное изумленіе и скороговоркой началъ отчитывать полковника, который стоялъ на вытяжку, держа руку подъ козырекъ, красный, какъ ракъ, и обливаясь потомъ.—Дальше слѣдовали извиненія и даже ссылка на некорректность госпиталя въ Сасебо, который экстренно, никого не предупредивъ, эвакуировалъ раненыхъ; иначе генералъ почелъ бы долгомъ лично встрѣтить почетнаго гостя въ Ниносимѣ и самому за всѣмъ присмотрѣть. (Ой, вретъ!—подумалъ я). Такъ или иначе инцидентъ былъ исчерпанъ. Еще нѣсколько минутъ непринужденной бесѣды, при чемъ генералъ заявилъ, что звѣзда Станислава съ мечами— это наибольшая его гордость, такъ какъ въ китайской кампаніи только четверо ее получили, а теперь, за смертью маршала Ямада, въ живыхъ осталось трое, и онъ самый младшій. Распрощались, и въ 7 ч. вечера поѣздъ тронулся.

Часа черезъ два всѣмъ захотѣлось ѣсть. — Да какъ еще!—Я даже ноги подогнулъ, чтобъ не такъ „подводило“... На станціяхъ и помину не было о буфетахъ. Въ десятомъ часу вечера—большая остановка. Появились дамы мѣстнаго патріотическаго кружка

(поѣздъ, къ которому насъ прицѣпили, былъ санитарный—съ больными и ранеными).—Нашимъ дамамъ-патронессамъ было бы на что поглядѣть и чему поучиться!—Шелестя дорогими шелковыми „кимоно“ и постукивая деревянными „гэта“ *), онѣ проворно, но безъ суеты, обходили вагоны, съ улыбкой и поклонами угощая чаемъ и какимъ-то печеньемъ, тутъ же собственноручно мыли посуду, бѣгали за кипяткомъ...

Мы освидѣтельствовали наши запасы провизіи. Оказалось—не густо. Небольшая коробка ветчины, шесть кусковъ хлѣба и полфунта шоколада... Адмиралъ предложилъ-было потерпѣть еще, такъ какъ вѣдь это—послѣднее... но говорилъ какъ-то неувѣренно. Видимо, и его мучилъ голодъ.—Рѣшили съѣсть ветчину и по одному куску хлѣба, а два куска оставить про запасъ, на случай, когда придется питаться шоколадомъ. Въ банкѣ—ветчины оказалось пять тоненькихъ ломтиковъ. Каждый получилъ по $1^1/_4$. Хлѣбъ съѣли весь, надѣясь, что ужъ если придется перейти на шоколадъ, такъ гдѣ-нибудь достанемъ къ нему варенаго риса.

Ночь провели сидя — лечь было негдѣ—на каждомъ трехмѣстномъ диванѣ было по двое. Съ вечера пытались было уговорить адмирала взять одинъ диванъ въ полное его распоряженіе, но онъ категорически отказался, а мы хорошо знали, что въ подобныхъ случаяхъ спорить съ нимъ безполезно.

---

*) «Гэта»—родъ высокихъ деревянныхъ сандалій для ходьбы по уличной грязи.

„Ночь была лунная; окрестности поразительно красивыя, но никто ими не любовался. Комаровъ— туча. Какіе то особенные: держатся понизу и кусаютъ за ноги, какъ собаки, свободно проникая жаломъ черезъ бѣлье. Кто то увѣрялъ даже, что слышитъ, какъ они чавкаютъ. Послѣ полуночи, въ подкрѣпленіе къ этимъ кусакамъ, появились полчища другихъ, мелкихъ, въ родѣ москитовъ, которые повели атаку на лицо, шею и руки. Словно ворочаешься въ крапивѣ.

„Есть такая французская пословица:—„Qui dort—dîne“,—но такъ какъ мы вовсе не спали, то къ 4-мъ ч. утра опять начали изнывать отъ голода. Даже адмиралъ не стерпѣлъ, разбудилъ нашихъ конвоировъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта: когда и гдѣ можно будетъ достать пищи? Полковникъ (черезъ переводчика) объяснилъ, что въ одиннадцатомъ часу утра на станціи Симедзи будетъ завтракъ „по-европейски“. Адмиралъ вскипѣлъ:—„Вѣдь насъ не кормили съ парохода! Нельзя же было ѣсть ту дрянь, которую давали въ карантинѣ! Сейічасъ же телеграфируйте на слѣдующую большую станцію, чтобы приготовили на 12 человѣкъ *) по пяти яицъ въ крутую на каждаго, хлѣба и чаю!“—Съ полковникомъ чуть не приключилось удара. Онъ клялся, что завтракъ будетъ „по-европейски“, что все обдумано, что маршрутъ и расписаніе часовъ ѣды утверждены

*) Четверо въ нашемъ отдѣленіи и восемь во II классѣ.

высшимъ начальствомъ, что самъ онъ не имѣетъ права распоряжаться... Но адмиралъ не слушалъ его, совалъ ему въ руки нѣсколько японскихъ кредитокъ и твердилъ:—„Скорѣй! скорѣй! посылайте телеграмму, пока поѣздъ не тронулся!“ (Это происходило во время остановки на какой-то маленькой станціи.)—„Ваше превосходительство!—взывалъ переводчикъ,—онъ не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія на то отъ правительства, а взять ваши деньги тоже совсѣмъ не можетъ!“—„Не можетъ?..“—и скомканныя бумажки полетѣли въ окно. Переводчикъ кинулся за ними...

Въ 6-мъ часу утра 31 августа пришли на станцію Окаяма и здѣсь (о, радость!) получили адмиральскій заказъ. Въ первый моментъ изрядная корзинка съ яйцами и еще большая съ хлѣбомъ вызвали шутливыя замѣчанія, что тутъ на цѣлую роту хватитъ, но опустѣли онѣ съ изумительной быстротой. Запивали чаемъ, которымъ угощали дамы, несмотря на ранній часъ, явившіяся къ поѣзду. Мы не отказывались и отъ японскаго (зеленаго) чая, но здѣсь съ ихъ стороны было проявлено особое вниманіе: подали китайскій чай, съ сахаромъ, въ чашкахъ европейскаго образца, съ блюдечками и даже ложечками. Хозяйничала какая-то особа почтенныхъ лѣтъ, какъ говорили—сама предсѣдательница мѣстнаго кружка. Поѣвши, пришли въ благодушное настроеніе, стали позѣвывать. Комары, съ наступленіемъ дня, куда-то скрылись. Кое-какъ, приткнувшись по угламъ диванов, заснули.

Около 11-ти ч. прибыли въ Симедзи, гдѣ состоялся завтракъ „по-европейски“, о которомъ такъ много говорилъ полковникъ. Европейскаго въ немъ было... ножи и вилки. Каждому подали коробочку бѣлаго дерева, въ которой лежали: небольшой, тоненькій кусокъ мяса, зажареннаго въ сухаряхъ, три кусочка (лепесточка) копченаго языка и маленькая картофелина. Все холодное. Дамы угощали не только чаемъ, но и содовой водой, и пивомъ. Послѣ такого завтрака адмиралъ съ рѣшительнымъ видомъ далъ переводчику денегъ и поручилъ ему телеграфировать въ Кобэ, чтобы тамъ, на станціи, намъ приготовили по хорошему бифштексу съ картофелемъ. Переводчикъ замялся-было, обратился къ полковнику, но тотъ только рукой махнулъ: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Въ 1 ч. 20 м. пополудни мы сидѣли за столомъ, накрытымъ чистой скатертью! У каждаго была салфетка!.. Какъ все было хорошо! и какъ вкусно приготовлено!

Въ 3 ч. 20 м., прибывъ въ Осака, довольно равнодушно поглядѣли на японскую стряпню à la européenne, которою насъ собирались угостить, но изъ вѣжливости посидѣли за столомъ. Здѣсь добыли газеты и прочли, что какъ разъ въ ночь послѣ нашего отъѣзда изъ Сасебо произошелъ пожаръ на „Миказа“, закончившійся взрывомъ и потопленіемъ броненосца.— Адмиралъ послалъ Того телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Въ 5 ч. 40 м. вечера, безъ особыхъ приключе-

ній, прибыли въ Кіото. На станціи насъ встрѣтили начальникъ гарнизона генералъ-маіоръ Окамэ, маіоръ, завѣдующій военно-плѣнными въ Кіото, поручикъ, завѣдующій тѣмъ храмомъ, гдѣ предстояло жить адмиралу, и переводчикъ, да кое-кто изъ нашихъ офицеровъ, ранѣе сюда прибывшихъ. Здѣсь же мы распрощались съ нашими полковникомъ, который, видимо, былъ въ восторгѣ. Радость его была мнѣ вполнѣ понятна.

Въ экипажахъ (не на рикшахъ) поѣхали: адмиралъ и штабные чины—въ храмъ Чидзякуинъ, а прочіе—въ храмъ Хонкокудзи".

VII.

Первыя впечатлѣнія въ Кіото.—Начальникъ гарнизона, генералъ-маіоръ Окамэ, и его нравоученія.—Дружественная бесѣда.—Вопросы продовольствія.—Мелочи жизни.—Небогатовъ.

«ПЕРВОЕ сентября.—Адмиралу и старшимъ чинамъ его штаба отведено отдѣльное зданіе (можно бы сказать—флигель), соединяющееся съ главнымъ корпусомъ храма горбатымъ деревяннымъ мостикомъ, перекинутымъ черезъ узкій протокъ пруда, имѣющаго форму „покоя“. Это зданіе, чисто японскаго устройства, предназначено для жительства высокихъ гостей, на случай ихъ посѣщенія, и состоитъ изъ двухъ частей: въ одной три комнаты или, вѣрнѣе, одна, разгороженная на три подвижными щитами, которые можно сдвинуть и даже вовсе убрать,—здѣсь помѣстили адмирала; въ другой, отдѣленной отъ первой широкимъ коридоромъ, двѣ комнаты для свиты, комната для прислуги, кладовая и проч.—Мнѣ было назначено поселиться третьимъ въ комнатѣ, гдѣ уже жили двое, ранѣе прибывшіе, люди мало-знакомые и, откровенно сказать, мало мнѣ симпатичные.—По счастью, адмиралъ, обладавшій

способностью сразу подмѣчать всякую мелочь, узнавъ, какъ и съ кѣмъ меня помѣстили, приказалъ мнѣ перебраться въ третью комнату своего домика. Я слабо протестовалъ, но, какъ уже было сказано по поводу дивана въ вагонѣ, спорить съ нимъ въ такихъ случаяхъ было безполезно. „Эта комната—ваша. Живите тутъ или не живите—я ею пользоваться не буду. Пусть стоитъ пустая".—Все это разыгралось еще вчера вечеромъ.—Адмиралу поставлена простая желѣзная кровать съ матрасомъ и подушками; у всѣхъ прочихъ—кровати деревянныя, такого же образца, какъ въ Ниносимѣ; жесткій соломенный тюфякъ и, подъ голову, валекъ, набитый пескомъ.

Послѣ двухъ безсонныхъ ночей спалъ какъ убитый. Проснувшись утромъ, долго не могъ сообразить: гдѣ я и что со мной?

Въ 9 ч. утра прибылъ генералъ Окамэ со штабомъ.

(Подробности этого посѣщенія, тогда же мною записанныя, какъ нельзя лучше характеризуютъ японцевъ, ставшихъ въ уровень съ европейцами).

Всѣхъ новоприбывшихъ (отъ адмирала до юнкера, прикомандированнаго къ его штабу) пригласили въ одну комнату, посреди которой стоялъ столъ и нѣсколько стульевъ. Когда мы собрались, въ дверяхъ появился Окамэ, сопровождаемый адъютантами. Вмѣсто всякаго привѣтствія, онъ (черезъ переводчика) заявилъ: „Сегодня я здѣсь какъ начальникъ гарнизона и завѣдующій военно-плѣнными".—Затѣмъ, взявъ

поданную ему бумагу, прочелъ (по-японски) рѣчь и, окончивъ чтеніе, замеръ въ неподвижности. Слѣдомъ за нимъ переводчикъ, тоже по писанному, прочелъ переводъ рѣчи на русскій языкъ. Привожу этотъ переводъ дословно, какъ онъ списанъ съ бумаги, бывшей въ рукахъ переводчика.

„Я, начальникъ гарнизона Фусими, генералъ-маіоръ Окамэ-Масансеро, объявляю вамъ, господамъ морскимъ офицерамъ, какъ военно-плѣннымъ, недавно прибывшимъ и помѣщеннымъ въ этомъ гарнизонѣ:— Господа офицеры! Вы, покинувъ еще въ прошломъ году свою отчизну, переплывя далекій сто-тысячемильный бурный путь, перенеся всякія лишенія, бѣдствія и непогоды, вполнѣ исполнили свой долгъ службы отечеству, твердо стоявши своею грудью и сражавшись въ бою съ патріотической энергіей и храбростью до тѣхъ поръ, пока васъ не постигла несчастная роковая судьба, принудившая васъ попасть въ плѣнъ.—А потому, принимая во вниманіе ваше положеніе, выражаю вамъ мое сочувствіе и душевно раздѣляю ваше горе“.

(До сихъ поръ рѣчь была вполнѣ умѣстна и благопристойна; курьезные обороты и шероховатость выраженій, очевидно, слѣдовало отнести за счетъ переводчика, который старался быть дословнымъ.—Дальше пошли пункты).

„1. Во время нахожденія въ плѣну, вы должны строго соблюдать всѣ постановленія и правила, установленныя Японскимъ Императорскимъ Правитель-

ствомъ, и отнюдь не должны уклоняться отъ исполненія ихъ. Соблюденіе воинской дисциплины и благочинія есть самая важная потребность воиновъ, которая, какъ вамъ извѣстно, соблюдается въ державахъ всего свѣта; поэтому желательно, чтобы вы, господа офицеры, обращали особое вниманіе, чтобы не было нарушенія дисциплины и законовъ.

2. Распоряженія начальника гарнизона, даваемыя черезъ надлежащихъ чиновниковъ комитета, исходятъ отъ Японской Императорской Власти и требуютъ точнаго исполненія.

Находясь здѣсь, вы должны дружески относиться другъ къ другу и воздерживаться въ поведеніи, такъ какъ примѣрное поведеніе возвышаетъ достоинство воиновъ, помня, что соблюденіе этого плѣнными есть услуга отечеству, а пока слѣдуетъ терпѣливо ждать заключенія мира.

Я, имѣя должность завѣдывать вами, лично даю вамъ слово наставленія при первомъ свиданіи съ вами. Желаю вамъ быть увѣренными и спокойными".

Во время чтенія я украдкой поглядывалъ на адмирала.—Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, слегка наклонивъ голову, какъ бы внимательно слушая, и только хорошо всѣмъ намъ знакомое нервное движеніе скуловыхъ мускуловъ выдавало внутреннія его ощущенія.

Безспорно, это „слово наставленія" было бы до-

пустимо въ обращеніи къ молодежи; штабъ-офицерамъ, дожившимъ на службѣ до сѣдыхъ волосъ, и то неловко его было слушать,—но что же сказать про генералъ-адъютанта, вице-адмирала, который, стоя рядомъ съ юнкеромъ, получалъ отъ генералъ-маіора совѣты, какъ ему слѣдуетъ „воздерживаться въ поведеніи“?!

Хотѣлось бы вѣрить, что церемоніи этого рода японцы устраивали просто по... недоумію, не уловивъ самой сути европейскихъ правилъ вѣжливости и приличія. Съ трудомъ вѣрилось... Что другое, но „это“ должно было быть наиболѣе доступно ихъ пониманію. Вѣдь ни въ одной странѣ этикетъ, т.-е. внѣшняя форма взаимоотношеній отдѣльныхъ лицъ (даже въ кругу семьи), не разработанъ такъ, какъ въ Японіи...

Во всякомъ случаѣ, ясно видно было, что Окамэ наслаждается выполненіемъ доставшейся ему роли... Когда переводчикъ закончилъ чтеніе, онъ торжественнымъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки пригласилъ всѣхъ садиться и сѣлъ самъ. Затѣмъ (черезъ переводчика) имѣла мѣсто такая бесѣда:

„Переводчикъ. — Генералъ еще разъ выражаетъ уваженіе понесеннымъ вами трудамъ и высокой доблести. Онъ надѣется, что здѣшніе доктора не хуже, чѣмъ въ Сасебо, а климатъ лучше, и тяжелая рана на головѣ здѣсь скоро совсѣмъ залѣчится.

Адмиралъ.—Скажите ему, что я благодарю.

Переводчикъ. — Онъ очень безпокоился о ходѣ вашихъ ранъ и безпокоился о вашемъ здоровьѣ, видя,

что день вашего пріѣзда, давно назначенный, все отдаляется, но теперь радуется, что онъ насталъ.

Адмиралъ.—Благодарю.

Переводчикъ.—Конечно, здѣсь нѣтъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкли всѣ европейцы, но онъ со своей стороны готовъ сдѣлать все, что въ его власти.

Адмиралъ.—Благодарю.

Переводчикъ, — Онъ интересуется узнать: не устали ли вы послѣ дороги и какъ себя чувствуете.

Адмиралъ.—Очень хорошо.

Переводчикъ.—Дѣла службы не позволяютъ ему продолжать пріятнаго разговора. Онъ долженъ уйти, пожелавъ всего хорошаго.

Адмиралъ.—До свиданья...“

Вскорѣ послѣ отъѣзда Окамэ возвратился сопровождавшій его маіоръ и привезъ уже готовые листы, которые надо подписать, чтобы получить право „свободнаго выхода за ворота съ 8 ч. утра до 6 час. вечера“. Подписавшій такой листъ обѣщается не пытаться бѣжать, во время прогулки не посылать ни писемъ, ни телеграммъ, ограничиваться указаннымъ раіономъ города, не вступать въ сношенія съ плѣнными, помѣщенными въ другихъ мѣстахъ, не заходить въ частныя квартиры (?) и т. д... Курьезный документъ начинается словами. „Обѣщаюсь подъ честнымъ словомъ воина, какъ русскій офицеръ, и клянусь Всемогущимъ Богомъ“... Адмиралъ на предложе-

ніе маіора отвѣтилъ кратко, но выразительно:—„Не нужно“—и ушелъ въ другую комнату.

Такъ какъ мирный договоръ подписанъ уполномоченными уже двѣ недѣли тому назадъ и ждетъ только ратификаціи, то, конечно, строить планы бѣгства было бы безцѣльно и даже глупо, но разъ японцы находили умѣстнымъ разыгрывать такую комедію,—я тоже рѣшилъ посмѣяться и съ благородной откровенностью заявилъ маіору, что никогда не сдавался на-слово, а взятъ въ плѣнъ раненымъ и твердо намѣренъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Флагъ-капитанъ и флагъ-офицеръ, прибывшіе съ адмираломъ изъ Сасебо, также послѣдовали его примѣру и отказались дать подписку. Для меня лично это не представляло особаго лишенія: вѣдь просидѣлъ же я на „Суворовѣ“ съ 1-го октября 1904 г. до 14-го мая 1905 г., съѣхавъ на берегъ только три раза: одинъ разъ въ Виго и два раза въ Нози-бе,—да и то по дѣламъ службы и срокомъ не болѣе какъ на часъ.—А храмъ, съ садомъ, много просторнѣе броненосца. Ничего! посидимъ и еще! Зато—никакихъ обязательствъ и никакихъ милостей со стороны побѣдителей“.

„2 сентября.—Остатокъ вчерашняго дня прошелъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ — пріобрѣтали предметы первой необходимости. Въ храмѣ имѣется лавочка, хозяинъ которой (японецъ, довольно бойко говорящій по-русски) является въ то же время и комиссіонеромъ, доставляя изъ города все, что потребуютъ (конечно, наживаетъ здорово).

Кромѣ адмирала и его штаба (всего 8 человѣкъ), въ главномъ корпусѣ храма содержатся: съ „Ушакова“—1, съ „Мономаха“—1, съ „Сисоя“—1 и съ „Урала“ 1, затѣмъ съ Небогатовскаго отряда—22 или 24. Послѣдніе держатся какъ-то своей компаніей, не признавая не только воинской дисциплины, о которой проповѣдывалъ Окамэ, но, часто, и общепринятыхъ правилъ приличія... Тонъ задаютъ многочисленные прапорщики запаса и юноши того особаго типа, который за послѣдніе годы успѣшно культивировался въ морскомъ корпусѣ. Правда, они не составляютъ большинства, но они всего замѣтнѣе. Люди серьезные, дающіе себѣ отчетъ въ совершившемся и вѣрно оцѣнивающіе свое положеніе, не лѣзутъ впередъ, не шумятъ и потому незамѣтны.

Здѣсь мы узнали, какого удовольствія счастливо избѣгли въ Ниносимѣ, благодаря энергичному заявленію доктора Тедзука, отъ имени главнаго врача госпиталя въ Сасебо свидѣтельствовавшаго, что мы не несемъ съ собою никакой заразы и не подлежимъ содержанію въ карантинѣ. Вотъ какъ поступали съ прочими. Партію плѣнныхъ, безъ различія чиновъ и возраста, собирали въ пріемномъ баракѣ: каждому предлагали раздѣться до-гола и уложить свои вещи въ парусинный мѣшокъ за номеромъ; мѣдное кольцо съ тѣмъ же номеромъ надѣвалось на палецъ владѣльца вещей. Затѣмъ толпу голыхъ людей „гнали“ въ сосѣдній баракъ, гдѣ помѣщались ванны—деревянные ящики, наполненные водой, сдобренной какимъ-то

дезинфецирующимъ составомъ; въ ящики „загоняли“ по нѣсколько человѣкъ, при чемъ санитары наблюдали, чтобы всѣ окунались съ головой; кто сопротивлялся— обливали изъ ведра. Послѣ ванны, въ слѣдующемъ помѣщеніи, всѣмъ прививали оспу. Здѣсь, въ костюмѣ Адама, сидѣли въ ожиданіи, пока прививка подсохнетъ; предъявивъ кольцо, получали мѣшокъ съ вещами, уже дезинфецированными, и наконецъ водворялись въ изоляціонныхъ баракахъ на срокъ двухъ недѣль. Все это было вполнѣ раціонально въ смыслѣ предупрежденія заноса внутрь страны различныхъ заразныхъ болѣзней, такъ какъ о санитарномъ состояніи плѣнныхъ японцы никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣли, но способъ примѣненія этихъ мѣръ и манера обращенія, конечно, могли бы быть иными. Мой собесѣдникъ особенно подчеркивалъ слова „гнали“, „загоняли“, и, при одномъ воспоминаніи о пережитомъ волновался, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ... Чувствовалось, что тутъ японцы не могли отказать себѣ въ невинномъ удовольствіи третировать европейцевъ, какъ скотъ, пригнанный изъ области, охваченной эпизоотіей“.

„3-го сентября.—Сегодня проснулся рано—въ 6-мъ часу утра.—Солнце еще не взошло. Зданіе храма, съ причудливыми крышами, горбатыми мостиками и крытыми переходами, садъ съ его прудами, путанной листвой искусно подобранныхъ декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ—были удивительно красивы. Кругомъ вѣяло ароматной свѣжестью, а въ себѣ я

чувствовалъ такой приливъ бодрости и силы... Говорятъ, всѣ выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни испытываютъ это ощущеніе. Бродя по галлереямъ, черезъ раздвинутые стѣнные щиты случайно увидѣлъ—сидятъ и играютъ въ карты, видимо, со вчерашняго дня; усталыя, возбужденныя лица, хриплые голоса... Пожалѣлъ ихъ...

Какіе удивительные мастера японцы въ дѣлѣ созданія миніатюръ! Ходишь и удивляешься, какъ ухитрился художникъ (нельзя сказать—садовникъ) на такомъ маленькомъ клочкѣ земли создать такую иллюзію стараго, запущеннаго парка? Каждый пригорокъ, каждая ложбинка, каждая складка почвы использованы.—Идешь по крутому склону, но кажется, что это не нарочно построенная лѣстница, а случайное нагроможденіе камней, среди которыхъ нога человѣка, выбирая удобнѣйшій путь, протоптала слѣдъ; среди густой заросли замѣчаешь чуть видную тропинку, раздвигаешь кусты и оказываешься на маленькой лужайкѣ, въ центрѣ которой—крошечная кумирня, поросшая мохомъ.—Отъ скалы отломилась длинная нетолстая глыба и упала поперекъ узкаго протока, соединяющаго двѣ части пруда, образовавъ мостъ; оглядѣвшись, можно даже найти мѣсто, откуда она откололась, но надо ли пояснять, что это не игра природы, а дѣло искусныхъ рукъ...“

„4-го сентября.—Повидимому нашъ отказъ отъ принятія какихъ-либо обязательствъ удивилъ и озаботилъ японцевъ. Сегодня утромъ приходили: къ адмиралу—

маіоръ, а къ намъ—поручикъ. Убѣждали, что послѣ долгаго пребыванія въ госпиталѣ крайне полезно нѣсколько развлечься, а гулять—прямо необходимо. Успѣха не имѣли. Вечеромъ опять прибѣжалъ поручикъ и просилъ уговорить адмирала подписать „присягу“, такъ какъ вѣдь это пустая формальность. Только посмѣялись.“

„5-го сентября.—Вчера за вечернимъ чаемъ у адмирала много говорили о разницѣ между службой и тѣмъ отбываніемъ „номеровъ“, которое у насъ принято, о морскомъ корпусѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ флотомъ. Адмиралъ оживился, говорилъ о необходимости коренныхъ реформъ, какъ въ дѣлѣ боевой подготовки личнаго состава, такъ и въ организаціи центральныхъ и портовыхъ учрежденій. Между прочимъ высказалъ мысль, что если мы до настоящаго времени были на ложномъ пути, тихо дремали подъ припѣвъ „все обстоитъ благополучно“, то все же прошлое можетъ оправдываться нашимъ невѣдѣніемъ, нашимъ чистосердечнымъ заблужденіемъ—„виновны, но заслуживаемъ снисхожденія“,—а теперь, когда война открыла намъ глаза, не использовать этотъ кровавый опытъ, пройти мимо него старой дорогой — будетъ уже *сознательнымъ* преступленіемъ, безъ всякихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ.—Я не записалъ вчера подлинныхъ его выраженій, но мысль была именно такая.“

„6-го сентября.—Сегодня пріѣзжалъ изъ Осаки начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Ибараки, чтобы

сдѣлать смотръ ново-прибывшимъ плѣннымъ. Предполагался такой же парадъ, съ адмираломъ во главѣ, какъ въ первый день, и даже еще торжественнѣе— въ большой столовой, потому что Ибараки былъ начальникомъ Окамэ. Однако въ послѣдній моментъ вышла отмѣна. (Можетъ быть побоялись, что адмиралъ откажется выйти изъ своего помѣщенія?) Во всякомъ случаѣ, Ибараки повелъ себя совсѣмъ непохоже на Окамэ. Пріѣхавъ въ храмъ, послалъ къ адмиралу своего адъютанта справиться: можетъ ли онъ его видѣть?—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пришелъ въ его помѣщеніе какъ бы съ визитомъ. Конечно, по такой манерѣ и принятъ было соотвѣтственно. Просидѣлъ около четверти часа. При уходѣ адмиралъ проводилъ его до порога своего домика и любезно прощался (на Окамэ смотрѣлъ какъ на пустое мѣсто). Мы официально представлялись генералу въ большой столовой. Даже и намъ никакихъ глупыхъ наставленій онъ не читалъ, а просто выразилъ свое глубокое сочувствіе и обнадежилъ скорымъ освобожденіемъ".

„7-го сентября.—Уже третій день стоитъ упорное ненастье. По утрамъ бѣлье, платье—совсѣмъ сырое. Отъ некрашенныхъ стѣнъ—запахъ мокраго дерева. Кормятъ отвратительно, но это не въ укоръ завѣдующему хозяйствомъ и поварамъ. Въ хищеніи ихъ обвинить нельзя. Судите сами: можно ли кормить хорошо, если на 60 коп. въ день надо дать: утренній чай съ хлѣбомъ, завтракъ и обѣдъ? И это при

условіи, что мясо стоитъ 45 коп. фунтъ... Такова норма офицерскаго продовольствія. Кромѣ довольствія натурой, каждому плѣнному офицеру выдается на руки 6 рублей въ мѣсяцъ на ремонтъ одежды и обуви, покупку мыла и прочей мелочи. На продовольствіе нижнихъ чиновъ шло (какъ слышалъ) 23 коп. въ день. Руководствуясь этими цифрами и свѣдѣніями о числѣ военно-плѣнныхъ генераловъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ, печатавшимися въ японскихъ газетахъ, досужіе математики (а досуга было достаточно) пытались вычислить: во что обойдется Японіи содержаніе плѣнныхъ, если считать, что въ ноябрѣ эвакуація закончится? Итоги получались различные, такъ какъ вычислители не знали точно сроковъ прибытія отдѣльныхъ партій и ихъ численности, но въ общемъ колебались между 5 и 6 милліонами. Можетъ быть, въ счетъ содержанія ставились также перевозка, приспособленіе зданій, леченіе въ госпиталяхъ? Пусть такъ. Но много ли это составитъ? Возьмемъ на кругъ по сто рублей на человѣка. Это—за глаза. Значитъ—еще 7 милліоновъ. Округлимъ цифру, скажемъ: за все про все—15 милліоновъ. Больше никакъ не наскребешь. Откуда же, по какой аптекарской таксѣ японцы насчитали 200 милліоновъ? Невольно создавалось убѣжденіе, что согласіе на такое требованіе есть не что иное, какъ замаскированная контрибуція. И такъ становилось обидно...

Нечего и говорить, что жить на казенномъ пайкѣ

можно только впроголодь. Почти все населеніе храма (всѣ пользовавшіеся „правомъ свободной прогулки“) ходитъ завтракать въ „Miako Hôtel“ и тамъ наѣдается на цѣлыя сутки. Мы оказались въ худшемъ положеніи, такъ какъ приносить пищу изъ ресторана разрѣшено только для адмирала, и то послѣ большихъ пререканій. По правиламъ это не дозволено: боятся, что въ судкахъ будутъ передавать какія-нибудь секретныя свѣдѣнія. Вошли въ соглашеніе съ поваромъ, который за особую плату (и вовсе не грабительскую) готовитъ намъ дополненіе къ убогому столу. Репертуаръ у него небогатый: бифштексъ и яичница. Иногда покупаемъ окорокъ. Пріобрѣтаемъ у маркитанта разные консервы. Завели приспособленія для варки чая, кофе и какао.

Выписалъ себѣ „Ниппонъ-кай таи кай-сенъ“— описаніе боя при Цусимѣ въ донесеніяхъ японскихъ флагмановъ и капитановъ и въ разсказахъ участниковъ и очевидцевъ (на японскомъ языкѣ въ двухъ томахъ) и, пользуясь избыткомъ свободнаго времени, взялся за переводъ. Кстати повторяю китайскіе іероглифы, которыхъ прежде зналъ болѣе $2^1/_2$ тысячъ. Оказывается, въ теченіе шести лѣтъ, за отсутствіемъ практики, многое перезабылось, но вспоминается легко.

Изъ прочаго населенія храма очень немногіе читаютъ и занимаются. Есть два-три человѣка, работающіе совмѣстно надъ розыгрышемъ (по правиламъ военно-морской игры) цусимскаго боя при различныхъ

комбинаціяхъ. Результатъ для насъ всегда получается одинъ и тотъ же—полный разгромъ. Огромное большинство рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Днемъ бродятъ по городу (или, вѣрнѣе, сидятъ въ ресторанахъ, барахъ и чайныхъ домахъ), а вечеромъ и ночью играютъ въ карты. Не безъ попоекъ, не безъ исторій".

„8-го сентября. — Послѣ ненастья завернули холода. По утрамъ въ комнатѣ 12° R., и все мокрое, такъ какъ туманъ стоитъ такой же, какъ на дворѣ. Еще бы! у меня три стѣны—наружныя, при чемъ двѣ изъ тонкой прозрачной бумаги, а одна изъ картона. Воображаю, каково было бы тутъ оставаться на зиму!"

„9-го сентября. — Ночью простудился, лежа въ собственной постели—кашель, насморкъ и головная боль".

„10-го сентября.—Пріѣзжалъ французскій вице-консулъ изъ Кобэ. Зачѣмъ?—неизвѣстно. Надо полагать—для исполненія номера, чтобы донести по начальству: „навѣстилъ и освѣдомился о нуждахъ". Сталъ-было говорить ему о невозможной пищѣ, но онъ руками замахалъ, говоритъ: „это они по неумѣнью приспособиться къ европейскимъ вкусамъ".

Сегодня же пріѣзжалъ Танака, недавно произведенный въ капитаны 2-го ранга. Присланъ отъ имени морского министра и начальника главнаго морского штаба справиться о здоровьѣ адмирала. Привезъ посылку международнаго комитета Краснаго

Креста—5 ящиковъ египетскихъ папиросъ и 5 ящиковъ шампанскаго. Пресимпатичный типъ, въ родѣ моего стараго пріятеля Номото. Посылку адмиралъ передалъ въ общее пользованіе обитателей храма".

„11-го сентября.—Словно опять настало лѣто. Чудный теплый вечеръ".

„12-го сентября.—Небогатовъ уже два раза былъ у адмирала и подолгу сидѣлъ, но я съ нимъ не видался. Японское правительство, освѣдомившись офиціально, что онъ и его командиры исключены изъ службы, т.-е. перестали быть военными, немедленно ихъ освободило. Завтра они уѣзжаютъ. Небогатовъ приходилъ прощаться. Случайно встрѣтились на верандѣ. Онъ меня задержалъ и разговорился... Я поколебался въ моемъ первоначальномъ сужденіи, котораго держался до сихъ поръ. (Съ офицерами его отряда я никогда не заговаривалъ о сдачѣ. Зачѣмъ бередить раны?—и такъ тяжело). Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было отчаянное: японцы, командуя дистанціей, держались на 50—60 кабельтововъ и разстрѣливали ихъ, какъ на ученьѣ, въ полной безопасности... Какой ужасъ! И *вотъ въ чемъ позоръ*!.. Онъ сообщилъ, что торопится въ Россію для того, чтобы просить суда. Пусть всѣ знаютъ, въ чемъ именно онъ виноватъ. Онъ не имѣлъ возможности нанести никакого вреда непріятелю; оставалось—потопить корабли и спасать команду. Онъ былъ увѣренъ, что при этомъ погибнетъ не менѣе 75%, и не рѣшился собственнымъ сигналомъ потопить полторы тысячи

своихъ подчиненныхъ. „Духу не хватило! въ этомъ виноватъ... Не за себя же я безпокоился? Для меня, для адмирала, нашлись бы спасательныя средства!.. Нарочно захотѣлъ бы топиться, и то бы спасли... Да и японцы перваго бы подобрали, какъ трофей... Не за себя! За нихъ!.. Сердце не выдержало... За это пусть и судятъ!“ Да, это былъ единственный аргументъ для его оправданія, но аргументъ вѣскій. За себя лично ему, конечно, бояться было нечего; значитъ, если онъ сдалъ корабли, а не уничтожилъ ихъ, то не ради спасенія собственной жизни“.

„13-го сентября.—Тепло, но дождь“.

„14-го сентября.—Утромъ пріѣхали французскій посланникъ Armand и морской агентъ, лейтенантъ Martini, въ сопровожденіи Окамэ и маіора. Адмиралъ, по обычаю, смотрѣлъ на Окамэ, какъ на пустое мѣсто, и даже объяснилъ Арману, что поступаетъ такъ намѣренно, ибо этотъ генералъ-маіоръ позволилъ себѣ читать ему наставленія о воинской дисциплинѣ и благонравіи. Вечеромъ Armand давалъ намъ обѣдъ въ „Miako Hôtel“. Были и японцы“.

„15-го сентября.—День безъ приключеній“.

„16-го сентября.—Въ 10 ч. 20 м. утра легкое землетрясеніе“.

„17-го и 18-го сентября.—Холодно и тоскливо“

VIII.

Жизнь и обычаи военно-плѣнныхъ.—Японская система булавочныхъ уколовъ.—Наши крайніе правые и крайніе лѣвые.

«ДЕВЯТНАДЦАТАГО сентября.—Очень безпокоитъ большой палецъ на лѣвой ногѣ. Недѣли черезъ двѣ послѣ операціи онъ совсѣмъ было зажилъ, и вскорѣ же, вмѣсто срѣзаннаго, началъ расти новый ноготь. Тутъ-то и пошли непріятности. Безъ всякой видимой причины палецъ дѣлался болѣзненнымъ, багровѣлъ, воспалялся. Доктора пожимали плечами и говорили, что это виноватъ шрамъ, изъ-за котораго новый ноготь не можетъ расти нормально. Приказали по три раза въ день размачивать его въ горячей водѣ. На время это помогало; потомъ боли возобновлялись. Путешествіе изъ Сасебо въ Кіото я совершилъ въ просторныхъ туфляхъ. Въ Кіото докторъ тоже все свалилъ на ноготь и предписалъ, пока онъ не вырастетъ, держать палецъ въ согрѣвающемъ компрессѣ. Не смѣю не вѣрить, но сильно озабоченъ вопросомъ: какъ надѣну сапоги при отъѣздѣ? Правая нога медленно, но вѣрно крѣпнетъ и становится послушной, хотя все еще, когда идешь задумавшись

и не наблюдаешь за ней, вдругъ начинаетъ загребать. Болитъ только при перемѣнѣ погоды".

„20-го сентября. — Утромъ въ моей комнатѣ + 10 ½° R".

„21-го сентября.—Живемъ какъ въ тюрьмѣ. Разница только та, что много свѣта и воздуха. Послѣдняго, да еще холоднаго и сырого, даже въ избыткѣ".

„22-го сентября.—Сегодня мирный договоръ прибылъ въ Японію на ратификацію.

„Откуда-то достали Апухтина и устроили литературный вечеръ. Д. недурно читаетъ. Какъ рѣзко чувствуется, что Апухтинъ писалъ не ради славы, а просто потому, что въ извѣстный моментъ хотѣлось писать. Онъ не „сочинялъ", не искалъ сюжетовъ, они сами выплывали со дна души, давая вѣрную картину настроенія, которое владѣло имъ въ данный моментъ... Какъ удивительно типично это прощальное письмо самоубійцы къ прокурору, этотъ небрежно-шутливый тонъ, за которымъ прячется такое безысходное отчаяніе, такая нестерпимая боль отъ сознанія, что все—въ прошломъ, и ничего—въ будущемъ...

«Гдѣ ты, мой грозный бичъ, каравшій такъ жестоко?
Гдѣ ты, мой свѣтлый лучъ, ласкавшій такъ тепло?..»

Послѣ стиховъ пошла проза. — „Дневникъ Павлика Дольскаго" навелъ меня на странныя мысли.— Да.—Вотъ что́ думаетъ (что долженъ думать) заурядъ-человѣкъ нашего вѣка и нашего общества, спохватившись, что подошла старость, что жизнь прожита и

прожита—зря... Ничего путнаго не было сдѣлано... Но развѣ исключительно по винѣ самого Павлика?.. Невольно вспомнился, почему-то, другой, тоже бездѣтный, безсемейный человѣкъ, жившій 25 вѣковъ тому назадъ и умершій 49 лѣтъ отъ роду, т.-е. приблизительно въ томъ же возрастѣ, въ которомъ Павликъ самъ себѣ писалъ некрологъ.—Когда друзья Эпаминонда жалѣли, что онъ умираетъ, не оставивъ потомства, онъ отвѣтилъ имъ, полный счастья и гордости: „Я оставляю Греціи двухъ безсмертныхъ дочерей—Левктру и Мантинею“.—Ну, а мы?..“

„23-го сентября.—Я попросту стараюсь не имѣть съ японцами никакихъ сношеній, а потому мнѣ лично жаловаться не на что. Зато другіе, пользующіеся правомъ „свободной прогулки“, очень недовольны. По ихъ словамъ, японцы словно особенно стараются использовать послѣдніе дни своей власти, чтобы отравлять жизнь мелкими придирками.—Вчера лейтенантъ Б. опоздалъ на 5 минутъ—вернулся изъ города не въ 6 ч., а въ 6 ч. 5 м.—и отъ него отобрали билетъ на право выхода за ворота. Обиднѣе всего то, что de facto подобныя распоряженія—право наказать или помиловать—исходятъ ни отъ кого другого, какъ отъ жандармскаго унтеръ-офицера, говорящаго по-русски и состоящаго въ распоряженіи поручика, завѣдующаго нашимъ храмомъ. И это не случай, а система, которая въ нашемъ положеніи болѣзненно чувствуется. — Приказанія передаются плѣннымъ всегда лицомъ, стоящимъ значительно ниже ихъ по своему служебному поло-

женію. Къ адмиралу приходитъ маіоръ, къ штабъ-офицерамъ—поручикъ, къ оберъ-офицерамъ—унтеръ-офицеръ".

„24-го сентября.—Ясный теплый осенній день".

„25-го сентября.—Сегодня привезли въ Кіото англичанъ (офицеровъ и матросовъ) съ эскадры, прибывшей въ Кобэ. Чествуютъ союзниковъ. Нашимъ рекомендовали воздержаться отъ прогулокъ во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній".

„26-го сентября.—Судя по газетамъ, мирный договоръ уже ратификованъ, но мы все еще подъ карауломъ".

„27-го сентября.—Ничего новаго".

„28-го сентября.—Вчера прочелъ въ „Странникѣ" (присылаютъ изъ духовной миссіи) разговоръ съ Л. Н. Толстымъ на вѣчную тему о жизни и смерти. Л. Н. считаетъ смерть пробужденіемъ, а жизнь—сномъ другой жизни, болѣе широкой, болѣе дѣйствительной, нежели окружающая насъ земная дѣйствительность. — Почему заснулъ? — этотъ вопросъ онъ оставляетъ открытымъ, а дальше проводитъ чрезвычайно заманчивую параллель:—Спитъ крѣпко, видитъ сны и считаетъ ихъ дѣйствительностью, не сознавая, что спитъ: такой человѣкъ живетъ чисто животной жизнью.—Спитъ чутко, чувствуетъ, хотя и смутно, что это лишь сонъ: такой человѣкъ ищетъ рѣшенія вопросовъ высшаго порядка, неудовлетворенъ (старается вспомнить).—Тихая, спокойная смерть отъ старости: выспался, больше спать не хочетъ.—Ранняя смерть: пробужденіе отъ внѣшнихъ причинъ.—Само-

убійство: отчаянное усиліе, съ которымъ пробуждаются отъ кошмара. — Стройная, красивая гипотеза. Жаль только, что нѣтъ опыта, который бы подтвердилъ ея справедливость... Напримѣръ—тѣ друзья и товарищи (не говорю о тысячахъ незнакомыхъ людей), которые были „внезапно разбужены“ при Цусимѣ? Неужели всѣ они такъ крѣпко спали, что вовсе забыли свой сонъ, и никто изъ нихъ не навѣдался ни ко мнѣ, ни къ кому другому? Странно... Одно скажу: судя по тому, что слышно о нашемъ морскомъ министерствѣ, и по тому, что вижу кругомъ себя,— мало надежды, чтобы впереди явилась возможность не „номера отбывать“, а дѣйствительно служить и работать съ пользой для дѣла... И если такъ, то, по Толстовской теоріи, я уже выспался и, по справедливости, слѣдовало бы меня разбудить... Или же это кошмаръ, и надо... самому?..

Нервы такъ расходились, настроеніе такое мрачное, что за вечернимъ чаемъ у адмирала „лютой тигроіі“ набросился на Х. и отчиталъ его здорово.—Вотъ типичный транзундецъ, который уже предвкушаетъ блаженство возвращенія подъ родную сѣнь и заранѣе заряжается непогрѣшимостью. О томъ, что и какъ дѣлали японцы подъ Артуромъ,—ему извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, такъ какъ у „нихъ“ (въ Транзундѣ) все это было провѣрено научно-поставленными опытами!... Ахъ, губители флота!“...

„29-го сентября. — Martini (французскій морской агентъ) прислалъ письмо на четырехъ страницахъ. Суть

та, что во французской миссіи ничего не знаютъ, когда и при какихъ условіяхъ послѣдуетъ наше освобожденіе. Имъ сообщено (изъ Парижа), что для пріема военно-плѣнныхъ прибудетъ особая русская комиссія, которая будетъ снабжена необходимыми инструкціями и полномочіями и которой они должны оказывать всякое содѣйствіе.

Въ газетахъ печатаютъ извѣстія изъ Россіи, до такой степени противорѣчивыя и несуразныя, что читать тошно. Впрочемъ, вѣдь это—мѣстныя газеты...

Какъ въ первые дни нашего прибытія сюда—тѣ же ясныя ночи, полная луна и зачарованный садъ... И все это—и природа, и климатъ—все имъ!.. За что?.. Можетъ быть, за то, что у насъ много охотниковъ всю жизнь посвятить родинѣ, а они, просто, всегда готовы съ восторгомъ умереть за нее... Можетъ быть, это только справедливость?“...

„30-го сентября. — Судя по газетамъ, договоръ ратификованъ 27-го, а у насъ строгости пуще прежняго. По моему, тѣшась такимъ манеромъ, японцы поступаютъ глупо. Изъ плѣна вернется много людей, сдѣлавшихся врагами Японіи, а ранѣе бывшихъ ея друзьями.—Повторяю, что я лично никакихъ сношеній съ ними не имѣю, но не могу не видѣть и не слышать. И вотъ я, который всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ идеи союза съ Японіей (и даже напечаталъ нѣсколько статей, въ 1900—1901 гг., въ которыхъ доказывалъ, что мы отлично можемъ полюбовно размежеваться съ нашей

сосѣдкой), которому японцы, какъ народъ, всегда были симпатичны,—теперь клянусь, что если съ Японіей будетъ новая война, то я непремѣнно приму въ ней участіе! Если за негодностью буду уже въ отставкѣ, и не возьмутъ на службу—буду проситься пассажиромъ (корреспондентомъ, что-ли). Откажутъ—наймусь рестораторомъ!.. Хочу еще разъ „дорваться“! Хоть поглядѣть, какъ будутъ стрѣлять въ нихъ наши пушки!“...

„1-го октября.—Покровъ.—Ровно годъ тому назадъ, въ дождливый, сѣренькій день, эскадра выходила изъ либавскаго аванпорта... Служили напутственный молебенъ и суворовскій іеромонахъ, о. Назарій, провозглашалъ: „Боляринѣ Зиновію и дружинѣ его здравія и спасенія и во всемъ благого поспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія“... Какимъ все это кажется далекимъ, далекимъ!..

У насъ въ большой столовой, гдѣ поставлена походная церковь, служилъ обѣдню православный священникъ (японецъ, о. Симеонъ Мія) по-русски.

Маленькій эпизодъ, ярко характеризующій манеру японцевъ держать себя по отношенію къ военноплѣннымъ: согласно правиламъ, при богослуженіи долженъ присутствовать японскій жандармъ, чтобы слѣдить... (чортъ его знаетъ, за чѣмъ онъ долженъ былъ слѣдить! Можетъ быть, опасались, что священнику будутъ подсовывать письма и телеграммы, помимо цензуры?) Раздвижные щиты, составлявшіе наружную стѣну столовой, были вовсе убраны, такъ

что она отдѣлялась отъ веранды только рѣдкими столбами.—Такъ вотъ этотъ жандармъ принесъ стулъ, поставилъ его на верандѣ какъ разъ противъ дверей алтаря, усѣлся на немъ, заложилъ ногу на ногу, сдвинулъ фуражку на затылокъ и закурилъ папиросу. Старшій изъ присутствующихъ (адмирала не было—онъ еще не можетъ стоять подолгу на ногахъ) указалъ жандарму на несоотвѣтствіе его поведенія съ обычаями, но получилъ въ отвѣтъ, что „онъ здѣсь при исполненіи служебныхъ обязанностей“. Флагъ-капитанъ, по просьбѣ присутствовавшихъ, подалъ о происшествіи рапортъ начальнику гарнизона.—Любопытно, что изъ этого выйдетъ *)“.

„2, 3 и 4 октября“.—Эти страницы моего дневника я позволю себѣ пропустить и сказать лишь нѣсколько словъ по поводу событій, въ нихъ отмѣченныхъ.

Извѣстія о томъ, что происходитъ въ Россіи, не могли не найти отголоска въ средѣ военно-плѣнныхъ. Извѣстія эти черпались изъ японскихъ газетъ (хотя бы даже издававшихся на англійскомъ языкѣ, но подъ японской цензурой) и, конечно, представляли положеніе вещей въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Какъ водится, при томъ политическомъ невѣжествѣ, которое я отмѣтилъ еще въ Сасебо (по поводу манифеста 6 августа)—населеніе храма (не только нашего, но и другихъ) раздѣлилось на партіи самаго крайняго

*) Вышло то, что «во избѣжаніе недоразумѣній» приказано было впредь вовсе не совершать богослуженія въ походной церкви...

направленія. Не было не только центра, но даже умѣренныхъ правыхъ или лѣвыхъ. Сказать однимъ, что вы искренно радуетесь учрежденію Государственной Думы и находите желательнымъ расширеніе ея законодательныхъ правъ—значило заслужить аттестацію потрясателя основъ, революціонера, даже анархиста. Заикнуться другимъ о пользѣ Государственнаго Совѣта, реформированнаго по образцу существующихъ верхнихъ палатъ,—и отъ васъ съ негодованіемъ отворачивались, клеймили кличкой черносотенца.

Особенное негодованіе съ обѣихъ сторонъ вызывало заявленіе, что армія и флотъ должны быть внѣ партій, внѣ политики, что это правило повсемѣстно признано, такъ какъ нигдѣ военные не имѣютъ права голоса на выборахъ.

Мнѣ не разъ приходилось вступать въ споры по этому поводу. Я указывалъ на примѣръ Польши, гдѣ шляхта составляла войско и въ то же время занималась политикой, составляла конфедераціи и—привела государство къ гибели; другой примѣръ—Испанія и государства, возникшія на развалинахъ ея колоній, съ ихъ „пронунціаменто“, провозглашавшимися военными кружками...

— Каково же, по вашему мнѣнію, должно быть credo военнаго человѣка?—поставилъ однажды вопросъ ребромъ нѣкій ярый сторонникъ учредительнаго собранія.

— Да! это было бы любопытно услышать!—под-

держалъ другой, не признававшій ничего, кромѣ „самодержавія, православія и народности“.

— Мнѣ кажется, что это credo блестяще формулировано болѣе полутора вѣка тому назадъ однимъ не-военнымъ, но и не глупымъ человѣкомъ...

— Кѣмъ это?

— Остерманомъ.—Помните, какъ его разбудили ночью и предложили роковой вопросъ:—„Какому императору вы служите?“—а онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣтилъ:—„Нынѣ благополучно царствующему“.

Съ той поры, въ глазахъ представителей обоихъ теченій я былъ одинаково... (право, затрудняюсь подобрать слово помягче, а записанное въ дневникѣ приводить неудобно).

— И вы, забывая долгъ передъ родиной, готовы служить старому режиму? защищать правительство, приведшее Россію къ позору?—восклицали одни.

— Такъ, значитъ, если при возвращеніи въ Петербургъ окажется, что тамъ засѣдаетъ Конвентъ, вы и Конвенту служить готовы?—возмущались другіе.

Старая, чисто-русская повадка. Совсѣмъ какъ во времена раскола, когда никто и никому не задавалъ основного вопроса: „Вѣруешь ли въ силу крестнаго знаменія?“—но предавали другъ друга анаѳемѣ и даже на кострахъ жгли за то, „какъ“ кто крестится—двумя перстами или тремя...

Впрочемъ, все это было... временное, преходящее,—

угаръ новизны, отъ котораго большинство скоро опамятовалось, и, по возвращеніи въ Россію, былые революціонеры оставили мечту объ Учредительномъ Собраніи, а ярые черносотенцы вполнѣ примирились съ наличіемъ Государственной Думы. Въ иныхъ случаяхъ метаморфоза пошла даже такъ далеко (опять-таки свойство нашей натуры), что вчерашніе красные превратились въ охранителей, а бывшіе абсолютисты мечтаютъ о министерствѣ, отвѣтственномъ передъ Государственной Думой... И всѣ—служатъ...

Я счелъ себя въ правѣ пропустить эти страницы, чтобы не ставить въ нѣсколько неловкое положеніе тѣхъ, чьи тогдашніе мнѣнія и отзывы были мною тогда же записаны.

Было нѣчто другое, несравненно болѣе серьезное, тревожное и даже... обидное, о чемъ умолчать не могу, но объ этомъ рѣчь впереди.

IX.

Послѣ ратификаціи мирнаго договора.—Наши японофилы.—Несостоявшійся обѣдъ.—Генералъ Даниловъ и члены его комиссіи.—Холода.—Послѣдній день въ плѣну.—Освобожденіе.—Вновь открывшаяся рана на лѣвой ногѣ.

„ПЯТАГО октября.—Сегодня въ газетахъ офиціально объявлено о состоявшейся ратификаціи мирнаго договора. Намъ сообщено, что отнынѣ караулъ при храмѣ остается лишь для охраны «бывшихъ» военно-плѣнныхъ отъ возможныхъ покушеній со стороны невѣжественныхъ массъ, недовольныхъ условіями мира, что мы совершенно свободны, но въ случаѣ какой-нибудь дальней поѣздки (за городъ) просятъ предупреждать, чтобы администрація, отвѣтственная за нашу безопасность, могла принять необходимыя мѣры. Нашъ (японскій) поручикъ явился ко мнѣ съ ликующимъ видомъ и вручилъ кусочекъ картона (въ родѣ визитной карточки большого формата), на которомъ было, по-японски, написано, что такому-то (мое имя и званіе) предоставляется посѣщать всѣ мѣста, какія ему заблагоразсудится; дальше слѣдовали — подпись и печать. Сло-

вомъ—нѣчто въ родѣ удостовѣренія личности. Поблагодарилъ и въ тотъ же день хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ, но тотчасъ убѣдился, что высшее начальство (намѣренно или ненамѣренно—не знаю) въ чемъ-то недораспорядилось. Оказалось, что карточку, съ такимъ торжествомъ поднесенную мнѣ поручикомъ, нужно при уходѣ предъявлять жандармскому унтеръ-офицеру и ему же сообщать, въ которомъ часу вы вернетесь. Если часъ этотъ былъ послѣ захода солнца, то слѣдовало получить разрѣшеніе, якобы отъ начальника гарнизона, на дѣлѣ же, конечно, не отъ него, а по передовѣрію отъ маіора, поручика и въ результатѣ—отъ того же жандармскаго унтеръ-офицера, который пускался въ разспросы: почему вы желаете вернуться въ такомъ-то часу, гдѣ вы намѣрены проводить время и т. д.

„Разумѣется, отъ предположенной прогулки я отказался, вызвалъ поручика и возвратилъ ему карточку, пояснивъ, что по нашимъ обычаямъ штабъ-офицеру непристойно испрашивать у нижняго чина разрѣшенія возвратиться въ желаемый срокъ съ рискомъ получить отказъ, въ зависимости отъ его усмотрѣнія. Подобные случаи, дѣйствительно, имѣли мѣсто въ тотъ же день: „Вы почему хотите вернуться въ 10 часовъ?“—спрашиваетъ жандармъ.—„Собираюсь пообѣдать въ отелѣ, сыграть на бильярдѣ...“—отвѣчаетъ необидчивый россіянинъ.—„Успѣете и до 9-ти часовъ! Я такъ и запишу!“

„6 октября.—Какими способами вытравлено изъ

этихъ людей — не скажу, чувство собственнаго достоинства, это слишкомъ высоко, а просто—самолюбіе! Кажется, все забыли и готовы брататься съ японцами... Гадость!.. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ живой, наглядный примѣръ (это—въ объясненіе «гадости»). Не говоря уже про первое время послѣ франко-прусской войны, но даже теперь, 35 лѣтъ спустя, французъ (особенно военный) только по нуждѣ заглянетъ въ Германію. Ему неловко. Онъ боится, что любой встрѣчный можетъ взглянуть на него и подумать: „Вотъ побѣжденный“... И какъ онъ можетъ реагировать на это?.. А наши?.. Нѣтъ! видимо, я родился либо слишкомъ рано, либо слишкомъ поздно..

„Съ милостиваго соизволенія японскаго жандарма наши бѣгаютъ по городу и, по возвращеніи домой, съ восторгомъ разсказываютъ, какъ мальчишки (такіе бойкіе) показывали имъ языки и кричали: «Сей-іодзинъ!» (заморскій дьяволъ), какъ въ японскомъ ресторанѣ (конечно, за деньги) ихъ принимали и учили ѣсть палочками, какъ они (превозмогая отвращеніе) ѣли сырую рыбу, чтобы не шокировать сотрапезниковъ, находившихъ ее восхитительной... Они, какъ будто, забыли (а можетъ быть и никогда не сознавали?), что пораженіе—это обида, которую можно смыть только побѣдой? Забыли святую месть, которую должны были бы носить въ сердцѣ, въ жаждѣ которой надо воспитать грядущее поколѣніе! Забыли позорный разгромъ родины, а можетъ быть... и ее—ро-

дину?..—Россія!..—неужели это слово утратило для нихъ свой смыслъ?..

„Съ нами Богъ!“—Да въ правѣ ли мы еще носить этотъ гордый девизъ?—Не скажетъ ли всякій европеецъ, увидѣвъ русскаго офицера, ласкающагося къ японцу:—„Богъ съ вами!“

„Рухнула вѣками сложившаяся слава о непобѣдимости Россіи... И какъ воскресить ее?.. Вѣдь катаклизмъ нуженъ!—не война, а уничтоженіе царствъ и народовъ, — чтобы возстановить утраченное обаяніе!..“

„7 октября.—Сегодня былъ Окамэ и въ торжественной рѣчи сообщилъ о ратификаціи мирнаго договора.—Подозрѣваю, что хотя свои рѣчи онъ читаетъ по бумажкѣ, но сочиняетъ ихъ самъ. — На заказъ было бы лучше.

„Дождь, какъ изъ ведра.—Уже три дня, какъ наступилъ праздникъ „принесенія въ храмъ первыхъ спѣлыхъ колосьевъ“, но рисъ стоитъ зеленый, о жатвѣ и думать нечего.—Все-таки утѣшеніе. (Не стыжусь злорадства)“.

„8 октября.—Не могу оторваться отъ старой темы. Вчера Z ѣздилъ въ Осака и вернулся ночью, не имѣя на то разрѣшенія (уѣхалъ случайно, съ компаніей). Сегодня утромъ, когда надъ нимъ подтрунивали, пугая возмездіемъ, очень храбрился, говорилъ, что миръ заключенъ, что онъ свободный человѣкъ и, въ случаѣ чего, сумѣетъ постоять за себя, а въ одиннадцать часовъ утра, узнавъ, что, несмотря на

дружбу съ жандармами, его позднее возвращеніе занесено въ книгу, прямо... пресмыкался передъ японскимъ поручикомъ! Гулялъ съ нимъ подъ-ручку, звалъ куда-то обѣдать... Тотъ по началу ломался, но потомъ далъ себя уговорить и обѣщалъ не доносить".

„9 октября.—Ночью въ моей комнатѣ было 8° R. Это, положительно, не много".

„10 октября.—Французскій посланникъ телеграфируетъ, что вчера генералъ Даниловъ, предсѣдатель комиссіи для пріема военно-плѣнныхъ, вышелъ изъ Владивостока въ Нагасаки (на „Богатырѣ")".

„12 октября.—Послѣдніе дни въ плѣну—самые томительные. Холодъ. Къ чорту всякія записи!"

„14 октября.—Сегодня приходилъ къ адмиралу маіоръ съ высоко-дипломатическимъ порученіемъ: сообщилъ, что начальникъ дивизіи и прочія начальствующія лица предполагаютъ устроить намъ („бывшимъ" военно-плѣннымъ) прощальный обѣдъ. Адмиралъ, конечно, благодарилъ, но, по существу, отвѣтилъ, что подобное приглашеніе дѣлается, несомнѣнно, съ вѣдома и одобренія высшаго японскаго начальства, между тѣмъ какъ мы лишены возможности своевременно получить санкцію нашего правительства на его принятіе, а потому лучше было бы этого вопроса не возбуждать вовсе. Отказъ, но въ такой формѣ, что маіору оставалось только благодарить.

„Опять ставлю аналогію: послѣ франко-прусской войны могъ бы затѣять нѣчто подобное какой-нибудь нѣмецкій генералъ, стерегшій французскихъ военно-

плѣнныхъ?—Нѣтъ!—Вѣдь нѣмцы не могли не относиться съ уваженіемъ къ своимъ врагамъ! Они побоялись бы подобнымъ предложеніемъ поставить въ неловкое положеніе и себя, и французовъ... Почему же рискнули японцы? По наивности? Ну, это врядъ ли.... Просто потому, что они насъ не уважаютъ... И не безъ основаній! Сами даемъ тому достаточно поводовъ! Ужъ я не говорю про Z или X, которые готовы восхищаться простымъ полѣномъ, единственно потому, что оно—„настоящее японское“... Это—психопаты!.. Но вотъ сегодня (недавно) прохожу мимо канцеляріи и вижу такую сценку: три японскихъ солдата (одинъ изъ нихъ унтеръ-офицеръ, говорящій по-русски) и русскій штабъ-офицеръ сидятъ за столомъ, курятъ и дружно бесѣдуютъ о достопримѣчательностяхъ Кіото, которыя стоитъ посмотрѣть...

„Пожалуй, что японцы въ правѣ насъ третировать...

„15 октября.—Сегодня утромъ + 7° R.!“

„16 октября.—Адмиралъ получилъ отъ французскаго посланника телеграмму, что флагманамъ съ ихъ штабами и капитанамъ кораблей разрѣшено возвращаться „по способности“.

„17 октября.—Адмиралъ рѣшительно не хочетъ возвращаться кружнымъ путемъ на иностранномъ пароходѣ. На Стесселя не похожъ. Телеграфировалъ Данилову свою просьбу: разрѣшить ему отправиться во Владивостокъ на „Воронежѣ“, который выйдетъ изъ Японіи однимъ изъ первыхъ. Я его вполнѣ понимаю.

(Характерная черта: генералъ Даниловъ не только не навѣстилъ адмирала, проѣздомъ черезъ Кіото, не только не прислалъ кого-нибудь изъ многочисленныхъ членовъ своей комиссіи лично переговорить съ нимъ, но даже не удостоилъ его ни однимъ словомъ ни почтой, ни телеграфомъ).

„Не хочется вѣрить газетамъ: такъ скверно пишутъ о положеніи дѣлъ въ Россіи“.

„18 октября.—Убѣдилъ NN, какъ старшаго (не считая адмирала) изъ обитателей храма, вступиться передъ японскимъ начальствомъ за нашу молодежь, надъ которой японскіе жандармы „на отдачу“ прямотаки глумятся“.

19 и 20 октября—тѣ страницы, которыя я рѣшилъ пропускать.

„21 октября. — Видимо, японцы, несмотря на вѣжливое, но категорическое предупрежденіе со стороны адмирала, все же рѣшили попробовать устроить обѣдъ. И не безъ основаній. Правда, большинство (не только у насъ, но и въ другихъ мѣстахъ заключенія) отвѣтило благодарностью и учтивымъ отказомъ, мотивированнымъ соображеніями, уже ранѣе высказанными адмираломъ; но нашлись и такіе, которые его приняли... И знаете почему? Чтобы засвидѣтельствовать свое свободомысліе, показать, что они „не идутъ въ поводу“ у адмирала! На этихъ можно было хоть сердиться, но зато по адресу нашихъ психопатовъ-японофиловъ оставалось только развести руками: они чуть не плакали при мысли, что можетъ раз-

строиться „настоящій“ японскій обѣдъ съ гейшами!.. Отъ души злорадствовалъ (и до сихъ поръ не раскаиваюсь въ этомъ чувствѣ), когда получено было увѣдомленіе, что за малымъ числомъ лицъ, принявшихъ приглашеніе, обѣдъ, къ величайшему прискорбію начальника гарнизона, состояться не можетъ“.

„22 октября. — Тоска. Ничего и ни откуда. Уныло шумитъ осенній вѣтеръ; блеклые листья кружатся въ воздухѣ и бьются о бумажныя стѣны; нелѣпо мотаются полуобнаженныя деревья; прудъ—мусорный, грязный... не прудъ, а лужа... рыбы попрятались въ глубину... А на душѣ такъ скверно... Кабы тоже спрятаться куда-нибудь... да поглубже! съ головой спрятаться!..“

„23 октября. — Въ 8 час. утра + 6° R. Руки мерзнутъ. Вернулся изъ Токіо мичманъ, князь Г., котораго снаряжали туда на развѣдку. Разсказываетъ такіе анекдоты, что не рѣшаешься вѣрить. Почему-то (пути Божіи неисповѣдимы) предсѣдателемъ комиссіи для пріема военно-плѣнныхъ назначили браваго генерала Данилова, прямо съ позиціи, откуда онъ грозилъ врагу. Генералъ освѣдомился: что ему дѣлать въ Японіи? Отвѣтили: французскій посланникъ васъ научитъ, а вы, первымъ дѣломъ, выберите себѣ шесть штабъ-офицеровъ въ качествѣ членовъ комиссіи, адъютанта, письмоводителя и штатъ писарей. Сказано—сдѣлано. Сѣли на „Богатырь“ и поѣхали. На всякій случай начальство зачислило въ комиссію и командира „Богатыря“, но онъ оказался бойкоти-

рованнымъ, такъ какъ былъ склоненъ „миндальничать“ и, прямо, надоѣлъ разговорами о томъ, что и какъ „принято“ въ международныхъ сношеніяхъ. По прибытіи въ Нагасаки, его тамъ и оставили (подъ благовиднымъ предлогомъ), а сами прослѣдовали въ Токіо. Въ Токіо—новое затрудненіе: и самъ генералъ, и его адъютантъ, и члены комиссіи знали на иностранныхъ языкахъ только „комнатныя и закусочныя слова“, и когда японцы пытались вступить съ ними въ сношенія на французскомъ или англійскомъ діалектѣ, то они категорически утверждали, что „по-японски“ не понимаютъ... Даже для переписки съ французскимъ посланникомъ пришлось нанять... японца-переводчика!.. За завтракомъ во французской миссіи, на который попалъ нашъ мичманъ, онъ оказался въ роли драгомана, и даже не могъ не слышать, какъ генералъ подбадривалъ своего адъютанта, приказывая ему не упускать случая и „черезъ своего“ выспросить все, что нужно... Armand писалъ адмиралу, что ожидаетъ прибытія комиссіи, предсѣдатель которой будетъ снабженъ необходимыми инструкціями и полномочіями: а этотъ предсѣдатель спрашиваетъ его же, „гдѣ и сколько плѣнныхъ? какъ ихъ будутъ эвакуировать? сообщите мнѣ инструкціи“... Въ результатѣ японцы взяли иниціативу на себя, а бравому генералу приходилось стараться только объ одномъ: какъ бы сумѣть выполнить ихъ предписанія... При „безъязычіи“ и это не всегда удавалось...

„О, милая родина! узнаю тебя изъ моего печаль-

наго далека. Неужто нельзя было найти одного генерала и десятокъ штабъ-офицеровъ, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ? Вѣдь сколько ихъ было въ дѣйствующей арміи! Кому нуженъ былъ этотъ водевиль? Какая путаница, какая растерянность, какое отсутствіе не только организаціи, но даже способности къ организаціи! А вѣдь какой-то большой военный (не помню кто) сказалъ: „Организація есть мать побѣды“.

„Отъ злости ложусь спать въ 7-мъ часу вечера.

„Чорта съ два! Немного проспишь при 4° R! Проснулся отъ холода и пошелъ пить чай къ адмиралу...

„24-го октября.—Въ 8 час. утра+2° R.! Руки—„какъ крюки“ (по пословицѣ). Едва царапаютъ эти строки. Прошелся по храму. Картины въ родѣ „Французы послѣ отступленія изъ Москвы“ или „Русскіе на Шипкѣ“. Скорчившись, завернувшись въ одѣяла, прикрывшись, чѣмъ можно, жмутся къ хибачамъ (жаровни съ горящими угольями).

„Сегодня былъ Виренъ. Почему-то—моя симпатія, хотя въ Артурѣ онъ энергично настаивалъ, что, перебравшись со своими пушками на берегъ, мы принесемъ наибольшую пользу дѣлу. Вспоминая бой при Шантунгѣ (28 іюля 1904 г.), я теперь, пожалуй, готовъ съ нимъ согласиться... Развѣ настоящіе моряки могли бы такъ проморгать выигранное сраженіе изъза того, что убитъ начальникъ эскадры, что флагманскій броненосецъ вышелъ изъ строя?.. А если нѣтъ

моряковъ, развѣ можно надѣяться на успѣшныя дѣйствія въ морѣ?..

„Адмиралъ, уже получившій „довольно хладное“ разрѣшеніе Данилова идти во Владивостокъ на „Воронежѣ“, — пригласилъ съ собою Вирена. Тотъ, конечно, обрадовался, такъ какъ тоже вовсе не склоненъ быть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мишенью для кодаковъ и перьевъ досужихъ корреспондентовъ.

„Полночь.—Холодъ собачій. Въ цѣляхъ отопленія сжегъ на сковородѣ цѣлую бутылку спирта. Безуспѣшно.

„25-го октября. Проснулся въ 7-мъ часу утра. Температура+1,2° R.

„26-го октября.—Завелъ себѣ гигантскій „хибачъ“ (жаровню). Грѣетъ. Но насморкъ неистовый и голова тяжелая. Какой ни будь уголь, а все даетъ угаръ.

„27-го октября.—Сегодня перепились вѣстовые и устроили скандалъ, завершившійся дракой. Дѣйствовать на нихъ можно только словомъ убѣжденія, которое немногаго стоитъ въ ихъ глазахъ, а японцы... они словно подчеркиваютъ, что спиртные напитки одинаково дозволены къ употребленію всѣмъ живущимъ въ храмѣ, и если гг. офицеры...

28-го октября—пропускаю.

„29-го октября. — Получено официальное увѣдомленіе, что въ понедѣльникъ 31 октября (13 ноября) насъ освобождаютъ. Пріѣзжалъ капитанъ „Воронежа“ (старый знакомый), доложилъ адмиралу, что ждетъ его прибытія.

„30-го октября.—Послѣдній день въ плѣну. Суета, сборы. Много народа приходило къ адмиралу пожелать добраго пути. Были депутаціи отъ каютъ-компаній разныхъ кораблей... „За совѣсть“, или „за страхъ“?—Дай Богъ, чтобы первое.

„Дорогая родина! Тебѣ—привѣтъ!.. Какъ много пережито, передумано... Надо-ли повторять?.. Ну, не смогли, даже не сумѣли... Что-жъ?.. Развѣ не хотѣли?.. не пошли?.. А если только не сумѣли, то развѣ не заплатили за то своею кровью?.. Прими насъ, чудомъ спасенныхъ отъ вѣрной гибели, и вѣрь, что Тебѣ принадлежитъ каждое біеніе этого случайно неостановившагося сердца!.. Вѣдь это не я! не моя воля!—сама судьба сберегла меня, не дала мнѣ погибнуть, какъ я мечталъ... Не зря же?.. Для чего?—Для службы Тебѣ!—Нѣтъ у меня никакой мысли, никакого другого желанія... Клятву, страшную клятву даю: Тебѣ—весь остатокъ моей жизни, всѣ силы, всю кровь... Тебѣ—все!..

„Во французской книжонкѣ (для желѣзнодорожнаго чтенія) случайно наткнулся на фразу: „Mon Dieu! si je ne suis bon à rien, que je meurs!“—Вотъ справедливое желаніе, котораго нельзя бы не уважить, если высшая справедливость вообще существуетъ!.. А вотъ я — уцѣлѣлъ!.. Въ то время, какъ въ башняхъ, въ боевой рубкѣ, люди валились, какъ мухи, я, бродившій по палубѣ и мостикамъ, оставался невредимымъ... Три раза уничтожались тѣ пожарныя

партіи, которыя работали подъ моимъ руководствомъ, а меня—только ранило... Попался въ плѣнъ—могли судить, казнить, какъ бѣглаго съ „Діаны“—сошло съ рукъ... Неужели зря?.. Все—случай?..

„31-го октября.—Пришлось встать на зарѣ. „Заря освобожденія“. И какая холодная! Все собрано и уложено. Поѣздъ пойдетъ въ 9 ч. 38 м. утра.

„Окамэ приходилъ прощаться и пожелать всякаго благополучія. Затѣмъ еще разъ прощался на станціи, гдѣ собрались всѣ начальствующія лица, до старшаго бонзы и православнаго священника включительно. Поѣздъ тронулся. По знаку генерала, всѣ японцы замахали фуражками и закричали: „ура!“ — Слава Богу!—кончилось!—Въ Осака „исполнили пріятный долгъ пожелать счастливаго пути“ начальникъ дивизіи, генералъ Ибараки, со штабомъ.—Мимо! Мимо!—Въ Кобэ, на станціи, усмотрѣли генерала Данилова съ его адъютантомъ (въ чинѣ капитана—фамиліи не помню) и командира „Воронежа“, явно руководившаго дѣйствіями нашихъ воителей, которые въ японской толпѣ чувствовали себя какъ въ лѣсу.

„Не могу не отмѣтить, что, какъ выяснилось, только вмѣшательство командира избавило насъ отъ весьма непріятной процедуры. Генералъ, всецѣло отдавшійся иниціативѣ японцевъ, у которыхъ „все такъ удивительно расписано“, собирался „принимать“ адмирала съ его штабомъ такъ же, какъ нижнихъ чиновъ, т.-е. на пристани „счетомъ“, при посадкѣ на шлюпку, на глазахъ любопытной толпы. Командиръ „Воронежа“

не безъ труда убѣдилъ его, что парадъ такого рода и неумѣстенъ, и даже ненуженъ, такъ какъ японцы вовсе на немъ не настаиваютъ...

„Слава Богу! Наконецъ-то снова на русской территоріи, подъ русскимъ флагомъ! Хоть на коммерческомъ пароходѣ этого и не полагается („Добровольцы“ носятъ коммерческій флагъ), но всѣ, вступая съ трапа на палубу, снимали шляпы, какъ на военномъ кораблѣ...

„1 ноября.—Вчера вечеромъ взялъ ванну. Спалъ, не боясь холода. Едва разбудили въ 9 ч. утра. За день переѣзда (хотя ходьбы почти не было) большой палецъ на лѣвой ногѣ сильно разболѣлся. Только что пріѣхалъ на пароходъ, поспѣшилъ скинуть сапоги и надѣть туфли. Сегодня, по особому заказу, привезли съ берега ботинки на шнуркахъ, такъ называемаго американскаго образца, такого размѣра и съ такими носами, что палецъ, въ согрѣвающемъ компрессѣ, помѣщается словно въ особой каютѣ. Не жметъ и тепло.

„Вечеромъ.—Не могу не повторить стараго замѣчанія: въ Кіото, среди грязи и мелкихъ притѣсненій, въ холодѣ и голодѣ—было легче, чѣмъ здѣсь... Множество маленькихъ непріятностей тамъ заслоняли главное... Теперь, когда схлынула радость перваго момента освобожденія, и кругомъ такъ хорошо, такъ уютно, — опять зашевелились гнетущія мысли... Тяжело...

„Хотя всѣ пассажирскія каюты биткомъ набиты,

пришлось принять еще одного пассажира—генералъ-маіора С. Пріѣхалъ—и прямо къ адмиралу: „Ради Бога, возьмите съ собой, а то, при Даниловской комиссіи, не знаю, когда дождусь очереди!“—Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ здѣсь не хозяинъ, но такъ какъ командиръ уступилъ ему свою каюту, въ которой кромѣ койки есть еще и диванъ, то онъ проситъ располагать имъ. До такого самопожертвованія его однако же не допустили. Капитану пришла блестящая идея: онъ предложилъ мнѣ переселиться въ ординарную каюту, при обычныхъ рейсахъ занимаемую горничной, а на мое мѣсто, въ двойной каютѣ, водворить генерала. Я съ радостью согласился. Правда, вмѣсто шикарной кровати, въ моемъ новомъ обиталищѣ была узенькая и очень короткая койка (должно быть, въ „Д. Ф.“ горничныхъ выбираютъ исключительно малорослыхъ), а въ самой каютѣ съ трудомъ можно было повернуться, но зато я былъ одинъ.—Огромное преимущество!—Рана на лѣвой ногѣ открылась и гноится. Пароходный докторъ осмотрѣлъ и рѣшилъ, что тамъ есть что-нибудь лишнее—либо мелкій осколокъ снаряда, либо кусочекъ кости, которыхъ не досмотрѣли. Рѣзать теперь, въ путевой обстановкѣ, не совѣтовалъ. Рекомендовалъ не утруждать, по два раза въ день мѣнять перевязку, „авось, довезете до Петербурга, а тамъ это—плевое дѣло“.—Я, разумѣется, согласился—ужъ очень было бы обидно съ русскаго парохода снова отправиться въ японскій госпиталь.

„2-го ноября.—Сегодня садились послѣдніе эшелоны

команды и прибыли послѣдніе пассажиры—контръ-адмиралъ Виренъ со своимъ флагъ-офицеромъ.

„Въ 3 ч. 30 м. дня, пріѣхавшій изъ Кіото православный священникъ Симеонъ Мія (японецъ) служилъ напутственный молебенъ.

„Пріѣзжали проститься Martini (французскій морской агентъ), французскій консулъ въ Кобэ и (даже!) генералъ Д. со своимъ адъютантомъ.

„Адмиралъ выглядитъ бодро, хотя отъ неудобствъ и непріятностей за послѣднее время въ Кіото сильно осунулся. Кожа да кости. Докторъ говоритъ, что это—пустяки. Нервы желѣзные. Ими онъ такъ держится, что всѣхъ насъ переживетъ. Только бы они не сдали. Я съ нимъ согласенъ. Если въ Петербургѣ пустятъ къ дѣлу—оживетъ и нароститъ мяса. Сдадутъ въ архивъ—не выдержитъ.

X.

На «Воронежѣ».—Первые признаки броженія въ эшелонѣ.—Вмѣсто Владивостока—въ Нагасаки.—Пропаганда среди военно-плѣнныхъ.—Безпорядки на пароходѣ.—Быстрое успокоеніе. — На «Якутѣ».—Въ виду родныхъ береговъ.

ТРЕТЬЯГО ноября.—Въ походъ собирались еще вчера вечеромъ, но задержались изъ-за перепутавшихся якорныхъ канатовъ. Ждалъ, ждалъ — не дождался, когда распутаютъ, и пошелъ спать. Плохая примѣта. Въ 2 ч. 15 м. пополуночи проснулся отъ шума винтовъ, выглянулъ въ иллюминаторъ: разворачиваемся. Въ 2 ч. 20 м. дали ходъ впередъ, легли на курсъ. Дай Богъ, въ добрый часъ! Погода—тихо; яркая луна; слабая облачность.

„Вечеромъ.—Идемъ хорошо. Днемъ дулъ довольно свѣжій NO. Было холодновато. Теперь стихло и потеплѣло. Ѣдимъ и спимъ, какъ давно уже не приходилось.

„Во время ужина, среди эшелона—шумъ по поводу недоброкачественной пищи. Кто-то, взобравшись на крышку форъ-люка, держалъ зажигательную рѣчь. Тема: „господа“ только и дѣлаютъ, что обворовыва-

ютъ мужика, потъ и кровь котораго цѣнятся дешевле... (опускаю выраженія, неудобныя въ печати). Съ истиннымъ удовлетвореніемъ считаю долгомъ отмѣтить, что капитанъ „Воронежа“ оказался на высотѣ положенія. Прямо пошелъ въ толпу, просилъ не кричать всѣмъ разомъ, а сказать толкомъ, въ чемъ дѣло. Говорятъ: — Каша затхлая!—Но вѣдь принимали ее ваши же, выборные артельщики? Чего-жъ они не смотрѣли?—Пока не сварена, сырую-то не унюхаешь!—Ну, если ужъ артельщики не могли унюхать, такъ я-то какъ же бы догадался? Вареную пробовалъ и вижу, что затхлая, не годится. Сваримъ новый ужинъ. А зачѣмъ же скандалъ устраивать? На мнѣ еще меньше отвѣта, чѣмъ на артельщикахъ.—Дальше слѣдовали поясненія, глубоко убѣдительныя для нижнихъ чиновъ, но малопонятныя для читателей, незнакомыхъ съ морскимъ жаргономъ.

— „Такъ! Правильно! Вотъ такъ загнулъ!“—слышались кругомъ одобрительныя восклицанія.

„На первый разъ—сорвалось. Спокойствіе возстановилось. На долго ли?..

Вожаки не считаютъ своего дѣла проиграннымъ. Унтеръ-офицеръ какого-то желѣзнодорожнаго баталіона, пришедшій на мостикъ, въ качествѣ уполномоченнаго, поговорить съ капитаномъ отъ лица „всѣхъ“ не только о событіяхъ текущаго момента, но и „вообще“, среди разныхъ вопросовъ поставилъ такой: „На содержаніе солдата въ годъ полагается 600 рублей, а тратятъ на него всего 50. Кто же крадетъ

остальные 550?“—Видимо повторяетъ что-то хорошо заученное, самъ не давая себѣ отчета въ томъ, что говоритъ, принявъ на вѣру. Я не утерпѣлъ и вмѣшался. Спросилъ: знаетъ ли онъ ариѳметику?—Даже обидѣлся. — Ну, такъ вотъ: мирный составъ арміи у насъ больше милліона, а значитъ если на одно содержаніе солдата положено 600 рублей въ годъ, то ужъ это составитъ 600 милліоновъ. А крѣпости? казармы? лошади? боевые припасы? Не меньше этого. Всего выйдетъ милліарда полтора! Развѣ же столько расходуетъ военное министерство? Знаешь бюджетъ его?—Унтеръ-офицеръ нѣсколько смутился, поспѣшилъ кончить разговоръ и уйти, но не сдался. Я слышалъ, какъ, спускаясь по трапу къ ожидавшей его группѣ товарищей, онъ громко ворчалъ: „Знаемъ мы эти цифры! ими, какъ хочешь, играть можно!..“

„Въ 9 ч. 5 м. вечера стали на якорь при входѣ въ Симоносекскій проливъ. Лоцманъ не брался вести ночью.

„Полночь.—По внѣшности все тихо. Говорятъ, что въ трюмахъ происходятъ митинги, выносятся резолюціи. У капитанской каюты (гдѣ поселился адмиралъ) устроили вахту изъ нашихъ, „суворовскихъ“ матросовъ. Къ сожалѣнію — безоружные. На пароходѣ—56 офицеровъ, но на всѣхъ только 5 револьверовъ. Немногіе (въ томъ числѣ я) воспользовались правомъ пріобрѣсти ихъ въ моментъ оффиціальнаго освобожденія изъ плѣна. Такъ пріятно нащупывать въ карманѣ, хоть плохенькій, „Смитъ и Вессонъ“

и сознавать, что, въ случаѣ чего... ни палкой не пришибутъ, ни за бортъ не выбросятъ, по просту, взявши за шиворотъ...

„Въ пароходную каютъ-компанію подкинуто письмо: „Дайте выйти въ море—все начальство будетъ за бортомъ“ и т. д... Конечно, глупо. Такими вещами не грозятъ, а прямо ихъ дѣлаютъ. Однако—не слишкомъ пріятно въ смыслѣ характеристики настроенія“.

„4 ноября.—Около 3 ч. ночи (вахтенный не доглядѣлъ или, просто, заснулъ) въ каюту къ адмиралу ворвался пьяный солдатъ, требовавшій, чтобы немедленно было приказано выдать имъ водки. „Мы кровь проливали (такъ-васъ-растакъ). Должны чувствовать и уважать! Опять же—свобода!...“ Адмиралъ лежалъ передъ нимъ на койкѣ, совершенно беззащитный. По счастью, вахтенный услышалъ шумъ; прибѣжали люди, нахала вывели, но... арестовать его не могли: онъ немедленно скрылся въ полупьяной толпѣ, поджидавшей его на бакѣ.

„Утромъ начали сниматься съ якоря, подошелъ японскій военный катеръ и передалъ капитану секретное распоряженіе:—задержать пароходъ, такъ какъ во Владивостокѣ военный бунтъ... Въ 10 ч. утра перешли въ Модзи и здѣсь стали, поднявъ карантинный флагъ. Оффиціальной причиной задержки объявлена „неблагополучность по чумѣ порта нашего отбытія“. Дѣйствительно, въ Осака было два, а въ Кобэ—одинъ случай чумы, занесенной изъ Гонгъ-Конга. Однако же, благодаря сношеніямъ съ берегомъ (черезъ торгов-

цевъ, пріѣзжавшихъ на шлюпкахъ) массы очень быстро освѣдомились объ истинѣ. Броженіе увеличивается.

„Въ 1 ч. дня „Ярославль“ (вышедшій изъ Кобэ немного раньше насъ и здѣсь же задержанный) ушелъ въ Нагасаки.

„Около 4 ч. „Воронежъ“ пошелъ туда же“.

Вынужденъ сказать нѣсколько словъ по поводу отдѣльныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ моемъ дневникѣ. Дѣло касается всячески покровительствовавшейся японцами революціонной пропаганды въ средѣ военно-плѣнныхъ нижнихъ чиновъ. Насколько была затруднена и обставлена массой формальностей частная ихъ корреспонденція и вообще всякія непосредственныя сношенія съ родиной, съ ближайшими начальниками (находившимися часто въ томъ же городѣ) и даже съ нижними чинами, содержавшимися въ сосѣднемъ лагерѣ, настолько широко открыты были двери бараковъ для ввоза брошюръ и книгъ, издававшихся разными „комитетами“ въ Америкѣ и въ самой Японіи, а проповѣдники революціонныхъ (правильнѣе было бы сказать—анархическихъ) идей не нуждались ни въ содѣйствіи французской миссіи, ни въ особыхъ разрѣшеніяхъ военнаго министерства для свободнаго входа въ лагери военно-плѣнныхъ. И литература, и сами проповѣдники были для японцевъ желанными гостями. Кое-какія изъ этихъ книгъ и брошюръ мнѣ пришлось держать въ рукахъ: „Организація массъ при народныхъ возстаніяхъ“, „Бои на

улицахъ", „Типы баррикадъ противъ наступленія пѣхоты и кавалеріи", „Какъ дѣйствовать, если тираны имѣютъ въ своемъ распоряженіи артиллерію", и т. д. Позже (во Владивостокѣ) мы увидѣли на живомъ примѣрѣ, какъ толковались сѣрымъ массамъ принципы, изложенные въ манифестѣ 17 октября.

Дѣятельность японцевъ въ этомъ направленіи (вѣрнѣе—ихъ открытое покровительство проповѣдникамъ анархіи) сказывалась такъ ярко, что даже французскій посланникъ, несмотря на всю нелюбовь дипломатовъ къ „исторіямъ", счелъ себя вынужденнымъ „войти съ извѣстными представленіями"... Отвѣтъ, имъ полученный (напечатанный въ японскихъ газетахъ), былъ неподражаемъ по своей откровенности, чтобы не сказать—цинизму: „Наше правило—вреди врагу, чѣмъ можешь". Такъ выразился военный министръ Японіи...

„Въ составѣ эшелона оказалось нѣсколько музыкантовъ, сорганизовавшихся въ оркестръ (конечно, не Богъ вѣсть какой). Этотъ оркестръ, въ первые дни, принялъ за обычай разыгрывать свои марши, польки, вальсы и галопы подъ окнами капитанской рубки въ то время, какъ тамъ завтракали. Адмиралъ благодарилъ ихъ за доброхотный трудъ и приказывалъ (за свой личный счетъ) выставлять угощеніе. Артисты принимали не безъ гордости, какъ должное. Неожиданно возникла агитація: музыкантовъ упрекали, что

они „рады подачкѣ“, что ихъ „холопское“ прислужничество—измѣна „свободному пролетаріату“ и т. п. Въ результатѣ—сегодня музыки за завтракомъ не было, а по окончаніи его оркестръ собрался на носу парохода и въ теченіе двухъ часовъ игралъ „Марсельезу“ и „Карманьолу“.

„Что-то будетъ дальше?..

„Невольно вспомнилось, какъ я спорилъ съ нашимъ (суворовскимъ) іеромонахомъ, о. Назаріемъ, доказывая, что на военномъ кораблѣ нельзя возглашать прошенія о „христіанской кончинѣ живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной“, что для людей, идущихъ на смерть, изъ всѣхъ трехъ словъ надо оставить только одно—„непостыдной“... А вотъ теперь—чего ужъ постыднѣе?.. если отъ своихъ же!..“

„5 ноября.—Судовая команда (надежный народъ) стоитъ повахтенно (на двѣ смѣны). Въ помощь имъ организовали свою вахту: два офицера и одинъ матросъ (суворовскій: остальные—кто имъ въ душу влѣзетъ?) держатъ караулъ около рубки, занимаемой адмираломъ. Еще четыре офицера—распредѣлены по верхней палубѣ... Револьверы передаютъ изъ рукъ въ руки. На пароходѣ имѣются упакованныя въ ящикъ 13 винтовокъ и патроны къ нимъ, да, на бѣду, хранятся они въ помѣщеніи, куда ходъ черезъ жилой трюмъ. Попытка достать ихъ можетъ вызвать взрывъ. Въ 3 часа ночи вступилъ, въ свою очередь, на вахту. Хорошо знакомыя мѣста. Капитанъ держитъ почти вплотную къ островамъ и ска-

ламъ, чтобы, въ случаѣ открытаго бунта, тотчасъ выброситься на берегъ. Правильно. Чтобы показать себя „на высотѣ“, японцы преступниковъ не помилуютъ, хотя бы и сами были провокаторами. Вступивъ на вахту, узналъ, что около 2 ч. ночи въ первомъ кормовомъ трюмѣ состоялся митингъ. Около 3 ч. ночи начали расходиться. Отдѣльныя кучки бродили на палубѣ. Видимо замѣтили, что на полуютѣ, спардекѣ и полубакѣ—нѣчто въ родѣ караула. Какъ будто смутились, стали прятаться. (Очевидно, не подозрѣваютъ, что мы почти безоружны).

„Около 6 ч. утра пришли въ Нагасаки.—Пріѣхалъ командиръ „Богатыря“. Разсказалъ мало хорошаго. Во Владивостокѣ—безсмысленный, пьяный бунтъ. Тутъ же, на рейдѣ—„Монголія“ и какой-то норвежскій пароходъ, доставившіе бѣглецовъ, спасающихся отъ пугачевщины...

„Судовая команда сообщаетъ, что на пароходѣ бережно хранится красное знамя, которому сбитые съ толку люди присягали въ Хамадерѣ...

„5 ч. вечера.—Положеніе все обостряется. Утромъ старшій механикъ, пользуясь стоянкой, хотѣлъ послать на заводъ для исправленія поршень такъ называемой „санитарной“ помпы (помпа для прокачиванія резервуаровъ необходимыхъ удобствъ). Ему этого не позволили раньше, чѣмъ не осмотритъ и не дастъ своего заключенія „распорядительный комитетъ“. Опасались, не отсылаетъ ли онъ на заводъ такую часть машины, безъ которой нельзя будетъ

выйти въ море. Посмотрѣли и разрѣшили. Въ составѣ эшелона имѣется 30 казаковъ (кажется, Забайкальскаго войска), взятыхъ вмѣстѣ съ ихъ офицеромъ С.—М. Отъ нихъ онъ получилъ предупрежденіе, что сегодня на сходкѣ (въ 12 ч. дня) рѣшено: если завтра, до вечера, не выйдемъ изъ Нагасаки, то выбросить за бортъ обоихъ адмираловъ и всѣхъ, кто заодно съ ними, овладѣть пароходомъ, а дальше—видно будетъ...

„Только что предъявлено и прямое требованіе, черезъ „исполнительный комитетъ“: „Завтра же идти во Владивостокъ! Не то—пойдутъ сами!“

„Казаки не рѣшаются выступать съ открытымъ протестомъ. Говорятъ, что ихъ слишкомъ мало. Курьезное предложеніе со стороны шести осетинъ (изъ дагестанской бригады): просятъ купить имъ японскіе кинжалы и обѣщаютъ „много народу башка рѣзить и кишки пускать, раньше чѣмъ адмиралъ кончалъ“.—Стоитъ ли?—Велико ли подкрѣпленіе—шесть человѣкъ—противъ толпы въ $2^1/_2$ тысячи, изъ которой (по свѣдѣніямъ тѣхъ же казаковъ) около сотни съ револьверами, а добрая половина вооружена охотничьими ножами?

„9 ч. вечера. Послѣ ужина, несмотря на темноту и ненастную погоду (сыплетъ мелкій дождь), верхняя палуба полна народу. На бакѣ оркестръ безъ перерыва играетъ марсельезу; ораторы держатъ рѣчи. На шканцахъ довольно стройный, большой хоръ поетъ: „Вставай, подымайся, рабочій народъ...“ Въ нашемъ

владѣніи спардекъ и полуютъ, соединенные продольнымъ мостикомъ (полубакъ пришлось очистить, чтобы не разбрасывать силъ). Судовая команда съ нами. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они показали себя „холопами тирановъ“, и грозятъ одинаковой съ нами участью.—У меня (отъ ненастья что ли?) жестоко разболѣлась нога. Впрочемъ гулять много не приходится.—Чего они ждутъ, если рѣшились?—Между тѣмъ капитанъ далъ знать на берегъ о происходящемъ на пароходѣ.—Только что прибылъ полицеймейстеръ. Сообщилъ, что въ Нагасаки войскъ нѣтъ. Губернаторъ спѣшно вызвалъ ихъ изъ лагеря. Прибудутъ завтра къ 10 ч. утра. Въ Сасебо телеграфировано о присылкѣ военнаго судна. Пока-что, мобилизована вся полиція, скоро прибудетъ двумя эшелонами.—„Много ли?“ — освѣдомился адмиралъ.—„Около 70 человѣкъ, которые займутъ спардекъ, и въ рубку (къ мѣсту, гдѣ сосредоточено все управленіе пароходомъ) мятежники пройдутъ только черезъ ихъ трупы!“—категорически заявилъ японецъ.

„Въ 11-мъ часу вечера полицейскіе прибыли и, какъ-то незамѣтно, безъ шума, не привлекая ничьего вниманія, оказались хозяевами спардека. Повидимому, наши, понаслушавшись всякаго вздора въ Хамадерѣ, полагали, что японскія власти не только не примутъ мѣръ противъ нихъ, но даже готовы будутъ оказать имъ содѣйствіе, и вдругъ—такой неожиданный оборотъ... Эффектъ получился чрезвычайный. Музыка, пѣсни—мгновенно прекратились; верхняя палуба опу-

стѣла; судовая команда не встрѣчала ни малѣйшаго препятствія въ исполненіи своихъ обязанностей. (До того—машинисты были выгнаны изъ машины, и даже на станціи электрическаго освѣщенія были поставлены „свои“). Передавали однако же, что въ трюмахъ, куда японцы при своей малочисленности проникнуть не рѣшались, идутъ горячіе дебаты и призывъ къ оружію, но... безуспѣшно».

„6 ноября.—Около 1 ч. 30 м. пополуночи пришелъ флагъ-капитанъ, сильно взволнованный, и пригласилъ пройти на полуютъ, обѣщая показать нѣчто весьма интересное. Дѣйствительно любопытно. Съ кормы спущены въ воду три конца, а неподалеку держатся японскія шлюпки (яличники). Флагъ-капитанъ утверждаетъ, что видѣлъ, какъ спускали концы и подзывали шлюпки наши офицеры... Какой вздоръ! Теперь, когда „бунтовщики“ попрятались въ трюмы при видѣ нѣсколькихъ десятковъ вооруженныхъ полицейскихъ, когда можно спать вполнѣ спокойно! Неужели?.. Но нѣтъ, этому я не хочу вѣрить.

„Ночь прошла въ полномъ спокойствіи, а утромъ—пятерыхъ не досчитались... Досадно записывать, но „изъ пѣсни слова не выкинешь“... Въ 11 ½ ч. утра пришли изъ Сасебо четыре японскихъ миноносца и съ откинутыми крышками минныхъ аппаратовъ начали крейсировать кругомъ парохода. Эшелонъ совсѣмъ присмирѣлъ. Стали появляться уполномоченные, завѣрявшіе капитана, что все это „по глупости“, изъ за-кучки „отчаянныхъ, которые чего-чего не болтали“...

Вообще пошла гадость, отъ участія въ которой я, благодаря Бога, былъ избавленъ".

7 ноября. — Хоть и записано довольно много, но вспоминать не стоитъ.

„8 ноября.—Въ 10 ½ ч. утра прибылъ на пароходъ генералъ Д. и чуть было не испортилъ всей обѣдни. Вызвалъ по одному человѣку отъ каждой части, входившей въ составъ эшелона, уединился съ ними на полуютъ, увѣщевалъ ихъ въ теченіе четырехъ часовъ и подъ конецъ предложилъ поклясться, что они больше бунтовать не будутъ. Предложилъ также выдать зачинщиковъ, но получилъ стереотипный отвѣтъ: „Зачинщиковъ нѣтъ. Сообща дѣйствовали".—Рѣшивъ, что своей четырехчасовой бесѣдой вполнѣ переубѣдилъ людей, которые въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ находились подъ вліяніемъ опытныхъ агитаторовъ, генералъ объявилъ, что теперь все благополучно и можно идти во Владивостокъ, но наткнулся на протестъ судового состава. Капитанъ парохода почтительнѣйше доложилъ ему, что не только онъ и его офицеры, но и команда отказываются идти въ море съ эшелономъ, грозившимъ выбросить ихъ за бортъ, такъ какъ помѣшать осуществленію такого намѣренія они средствъ не имѣютъ.—Громъ и молнія!—И подъ судъ, и отрѣшить отъ командованія, и телеграмма въ Петербургъ, и еще что-то!... Насилу-то командиру „Богатыря" удалось ему разъяснить, что на „Воронежѣ" личный составъ служитъ по вольному найму, а бунтъ эшелона, при

отсутствіи средствъ къ его подавленію, — это force majeure, дающая право нарушить всякій контрактъ.— Въ результатѣ рѣшили этотъ эшелонъ раскассировать на „Тамбовъ“ и на „Кіевъ“, а „Воронежу“ дать другой. Тутъ генеральская мысль дала новый оборотъ. Выходило (и это было высказано достаточно недвусмысленно), что всѣ безпорядки произошли отъ присутствія на пароходѣ двухъ адмираловъ, почему имъ и было предложено, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, идти на транспортѣ „Якутъ“, который послѣзавтра уходитъ во Владивостокъ. (Это былъ первый случай, когда со стороны представителей оффиціальной Россіи мы встрѣтили такое, почти враждебное, отношеніе. Должно быть здѣсь были хорошо освѣдомлены, какой вѣтеръ дуетъ въ Петербургѣ)“.

„9-го ноября.—Заканчивали пересадку эшелона на „Кіевъ“ и на „Тамбовъ“.

„10-го ноября.—Перебрались на „Якутъ“ —оба адмирала, штабъ и непокидающій насъ генералъ С. Про этого можно сказать, что свою боевую карьеру онъ закончилъ быстро. Прибылъ въ армію передъ самымъ Мукденомъ, назначенный командиромъ бригады, но, не успѣвъ вступить въ командованіе ею и даже не видавъ ея, попалъ въ плѣнъ“.

„Въ полдень снялись съ якоря“.

„Вышли изъ Нагасаки при великолѣпной погодѣ, но къ вечеру задулъ N; „Якутъ“ (всего 730 тоннъ) началъ изрядно поклевывать“.

„11-го ноября.—Къ утру засвѣжѣло. Изъ-за перебоя пришлось убавить число оборотовъ. Весь день ползли по пяти узловъ. Качка отвратительная. Удары въ подзоръ, словно пушечные выстрѣлы. Въ каютъ-компаніи сидѣть невозможно: сбрасываетъ съ дивана. Къ ночи—легче“.

„12-го ноября.—Погода поправилась. Прибавили ходу. Даже генералъ, лежавшій пластомъ, воскресъ, бодръ, веселъ, остритъ... Странное дѣло: вѣдь вотъ онъ нисколько не угнетенъ тѣмъ, что возвращается изъ плѣна, и всецѣло занятъ догадками—найдется ли для него вакантная бригада, или придется ждать очереди? Почему же меня такъ мучитъ неотвязная мысль...

„Къ вечеру вовсе стихло. Даже зыбь улеглась. Д. сѣлъ за піанино. Старый, разстроенный и совсѣмъ разбитый инструментъ, но какъ отрадно звучатъ эти давно неслышанные мотивы любимыхъ оперъ... Словно ледъ таетъ на сердцѣ... А хорошо было бы умереть подъ такую тихую, нѣжную музыку... заснуть и не проснуться больше...“

„13-го ноября.—Чуть разсвѣло—увидѣли вершину Туманной горы. Пасмурно. Временами мороситъ дождь“.

„Сегодня воскресенье. Была обѣдница. Должно-быть всѣ молились отъ сердца—такъ выглядѣли послѣ... И радостно, и какъ-то жутко... Слѣва и по носу русскій берегъ... Еще нѣсколько десятковъ миль—русскій портъ...

„12 ч. 20 м. дня.—Все знакомыя мѣста: налѣво чернѣетъ мысъ Брюса, направо—острова Дурново, Гильдебрандта... Привѣтъ тебѣ, Родина! Привѣтъ тебѣ, Россія!..“

XI.

Во Владивостокѣ.—Разсказы очевидцевъ о безпорядкахъ.—Настроеніе при встрѣчѣ.—Отъѣздъ.—У Линевича и Куропаткина.—Манифестація со стороны звакуируемыхъ раненыхъ.—Забайкальская дорога наканунѣ забастовки.—Чита.—Кругомъ Байкала.—Иркутскія впечатлѣнія.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ноября.—Вчера, въ 4 ч. дня, стали на якорь въ бухтѣ Золотой Рогъ. На рейдѣ—„Жемчугъ“, „Алеутъ“, „Терекъ“, нѣсколько миноносцевъ и нѣсколько какихъ-то незнакомыхъ пароходовъ подъ военнымъ флагомъ... все, что осталось отъ русскаго флота... На берегу—обгорѣлыя зданія офицерскихъ флигелей, закопченныя колонны печныхъ трубъ на мѣстѣ морского собранія (а какая тамъ была библіотека!) — развалины, пожарища...

„На транспортѣ „Алеутъ“ держитъ свой флагъ контръ-адмиралъ Греве (командиръ порта). Оттуда, поздравить съ благополучнымъ приходомъ, пріѣхалъ капитанъ 2-го ранга А.—„Командиръ флагманскаго корабля—c'est moi!“—попробовалъ сострить онъ, суетливо здороваясь и торопясь пройти къ адмиралу. Но шутка не вышла, и всѣмъ (да и ему, кажется) стало

какъ-то жутко... Потомъ пріѣхалъ Греве, наскоро выполнилъ церемоніалъ и обоихъ адмираловъ увезъ къ себѣ на берегъ".

„Сегодня, съ утра—туманъ, какъ молоко. Кое-кто заѣзжалъ на транспортъ. Разсказывали о недавнихъ событіяхъ. Старательно оцѣнивая и сравнивая между собою эти повѣствованія, я пришелъ къ заключенію, что собственно „бунта" въ первые дни погрома и пожаровъ не было, а былъ лишь пьяный разгулъ, который растерявшееся и плохо-освѣдомленное начальство не сумѣло прекратить во время, дало ему разростись до лозунговъ: „Море по колѣна" и „Пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса!.." Чего-то ждали, чего-то опасались. Выслали войска для охраны казенныхъ зданій и учрежденій, но со строгимъ наказомъ: „только охранять". Вотъ картина съ натуры. Стоитъ полурота и охраняетъ домъ военнаго губернатора. На улицѣ—толпа такъ называемаго „портового сброда". Напротивъ—двухъ этажный домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго—гастрономическій магазинъ и винный погребъ, а въ верхнемъ—ресторанъ и кондитерская. Толпа бурлитъ, но, видимо, не рѣшается предпринять что-либо. Всякое движеніе въ сторону губернаторскаго дома само собой падаетъ, даже не добѣгаетъ до сѣрой стѣны людей, у которыхъ въ сумкахъ боевые патроны. А въ другую сторону—какъ будто вовсе свободно... Впрочемъ, можетъ быть... Чего имъ? они сами казенные! А если попробовать?— Тяжелый булыжникъ летитъ въ зеркальное окно ма-

газина, и въ тотъ же моментъ вся толпа кидается въ разсыпную... но сѣрая стѣна стоитъ, не шелохнется, только смущенно переговариваются между собой офицеры, и куда-то (вѣрно, къ телефону) бѣгаютъ разсыльные... Разсѣявшаяся толпа вновь собирается. Она еще не вѣритъ, что „можно“. Второе окно разбито— тоже никакой помѣхи. Еще и еще... „Вали, ребята!“— Восторгъ разрушенія овладѣваетъ массой. Бьютъ стекла, рѣжутся объ нихъ, ломясь въ окна, хотя давно уже выломаны двери и входы открыты... грабятъ... не столько грабятъ, сколько уничтожаютъ... Откуда-то повалилъ дымъ, блеснули языки пламени... Еще неудержимѣе становится напоръ „снаружи“ тѣхъ, кто еще не успѣлъ „дорваться“ и боится, какъ бы не опоздать... Два теченія сталкиваются; происходитъ свалка; есть уже изувѣченные, обгорѣвшіе... А сѣрая стѣна все стоитъ, не шелохнется... Пьяные (не столько отъ вина, сколько отъ атмосферы безудержнаго грабежа) плотнѣе и плотнѣе придвигаются къ этой стѣнѣ... Бутылки, вытащенныя изъ погребовъ, дорогія закуски—дружелюбно суются въ молчаливые ряды, и правильность ихъ нарушается... Вотъ одинъ, вотъ другой, словно нечаянно, увлекаются бушующей толпой... Грозная сила таетъ, колеблется... Но тщетно офицеръ проситъ (по телефону) разрѣшенія: либо прекратить безобразіе, либо увести своихъ людей, отъ которыхъ скоро останется ничтожная горсть. Ему приказываютъ... „въ точности слѣдовать полученнымъ инструкціямъ“... Такъ мнѣ разсказывали. Самъ я

этого не видѣлъ. Разсказывали даже, что на Алеутской улицѣ одинъ подпоручикъ со взводомъ солдатъ не допустилъ грабежа, превысивъ полномочія, и его тотчасъ же убрали съ поста, чуть ли не подъ арестъ... Къ вечеру городъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ, а пьяная толпа, съ которой смѣшалась масса солдатъ и матросовъ, жгла и громила часто стихійно, потому что „разошлась рука“... Мѣстные жители (изъ числа неподдавшихся паникѣ) категорически утверждали, что, конечно, не какія-то нѣсколько сотъ казаковъ, вступивъ въ городъ на третій день безпорядковъ, водворили спокойствіе, а просто—сами опомнились: первый день—перепились, на второй—опохмѣлялись остатками, а потомъ—проспались. Настоящее „броженіе“ въ гарнизонѣ появилось позже, именно при воспоминаніи о томъ, какъ можно „погулять“, какъ можно „прижать начальство“. Именно на этой почвѣ и могли затѣять свой нелѣпый, но „настоящій“ бунтъ артурцы, вернувшіеся изъ плѣна достаточно распропагандированными. Если первая вспышка во Владивостокѣ была не случайной, но возникла подъ чьимъ-нибудь руководствомъ, то руководителямъ нельзя отказать въ патентѣ на... несообразительность. Имъ слѣдовало бы обождать прибытія изъ Японіи „Ярославля“, „Воронежа“, „Кіева“ и „Тамбова“ съ нѣсколькими тысячами людей, искренно вѣровавшихъ въ возможность созданія Уссурійской республики“.

„15-го ноября.—Ѣздилъ на берегъ: необходимо закупить что-нибудь теплое на дорогу. Странное зрѣ-

лице: пожарища, разгромленные магазины, но городъ полонъ жизни. Общее впечатлѣніе такое, словно не хотятъ замѣчать слѣдовъ недавняго... дебоша. И впрямь—очень ужъ было глупо: есть чего стыдиться".

„16-го ноября.—Дуетъ холодный NW (по здѣшнему—Суйфунъ), а на сердцѣ—потеплѣло. Здѣсь, во Владивостокѣ, много артурцевъ, которые избѣжали плѣна, прорвавшись (передъ сдачей крѣпости) въ Чифу. Здѣшніе—сами себѣ ждали артурской участи, если война затянется. Отношеніе къ намъ совсѣмъ не то, что со стороны Д. и его свиты. Прямо не говорятъ (неловко было бы), но чувствуется, по ихъ радушію, по сдержанному участію, съ которымъ разспрашиваютъ о пережитомъ... Особенно я понялъ и оцѣнилъ это настроеніе, когда одинъ старый пріятель, товарищъ по выпуску, едва не сокрушивъ меня въ своихъ объятіяхъ (ему еще въ морскомъ училищѣ говорили: „Серега! не доказывай своихъ чувствъ!"), заявилъ: „Что, братъ, нарвался?.. Занесло въ Сайгонъ—и сидѣлъ бы! Поперъ-таки! Да, что говорить, я бы, можетъ, такимъ же дуракомъ оказался, какъ ты!.."

И всѣ съ одинаковымъ интересомъ, почти назойливо допрашиваютъ: „Что адмиралъ? Какъ адмиралъ?"—Скажу безъ преувеличенія—всѣ полны надеждой, что „онъ", единственный изъ всего списка адмираловъ, во всей полнотѣ видѣвшій и пережившій крестный путь нашей эскадры отъ Либавы до Цусимы, чудомъ спасенъ съ погибшаго „Суворова"

для того лишь, чтобы смѣлой рукою человѣка, все переиспытавшаго, возродить нашъ флотъ. Не бутафорію, которую мы считали флотомъ, но флотъ, настоящій флотъ... И не только наши „такъ“ думаютъ, но и сухопутные...

„17 ноября.—Въ 10 ч. 45 м. утра выѣхали изъ Владивостока. Несмотря на полное отсутствіе какой-либо оффиціальности, была толпа провожающихъ. Пришли, не заботясь о формѣ одежды; просто — узнали, что „онъ уѣзжаетъ“, и заторопились. Вышло очень сердечно. Моряки, сухопутные, штатскіе... Чувствовалось „настроеніе“.

„18 ноября.—Сегодня удалось пообѣдать въ Хайчендзы. Бутылка прескверная кахетинскаго — 4 р. 50 к.! Похвалили, что дрянь, ибо вчетверомъ одной не допили, а то можно бы разориться.

„Ночью—морозъ до 10°, но въ вагонѣ тепло“.

„19-го ноября.—Въ 7 ч. 30 м. утра пришли въ Харбинъ. Съ нами ѣдетъ возвращающійся съ войны морской врачъ Лисицынъ. Во Владивостокѣ его приспособили къ адмиралу.—Онъ при адмиралѣ скорѣе доѣдетъ до дому—и адмиралу есть къ кому обратиться (рана на головѣ требуетъ ежедневной перевязки). Конечно, и я воспользовался случаемъ. Получилъ совѣтъ тотъ же, что на „Воронежѣ“—везти палецъ въ согрѣвающемъ компрессѣ до Петербурга, а тамъ видно будетъ. Ковыляю, но бодръ духомъ. Адмиралъ еще изъ Владивостока снесся съ Линевичемъ. Рѣшили повидаться. Въ Харбинѣ насъ отцѣпили отъ

поѣзда. За время стоянки наши бродили по станціи и ея окрестностямъ. Я смотрѣлъ изъ окна. Сплошная толпа. Много пьяныхъ. Одѣянія самыя фантастическія—солдата отъ рабочаго не отличишь. Кое-гдѣ слѣды пожаровъ. (И тутъ былъ „пьяный“ бунтъ). Мало похоже на военную организацію. Тѣ же впечатлѣнія у тѣхъ, что ходили „побродить“.

„Въ 8 ч. 10 м. утра насъ повезли на югъ. Рѣзко замѣтно, что чѣмъ ближе къ передовымъ позиціямъ, тѣмъ больше порядка. Идутъ войсковыя части, а не бредутъ какія-то толпы. Даже обозы, и тѣ движутся въ порядкѣ. Нѣтъ того развала, той орды, что можно было видѣть въ тылу (въ Харбинѣ и близъ него)“.

„20 ноября. — Вчера, около полдня, пришли на станцію Лоушагоу, гдѣ стоитъ Линевичъ. У него завтракали и обѣдали. Почти все время между завтракомъ и обѣдомъ адмиралъ просидѣлъ наединѣ съ нимъ. О чемъ говорили—неизвѣстно. Вечеромъ (послѣ обѣда) меня полонили штабные, требуя разсказовъ о разныхъ подробностяхъ плаванія и боя. Изрядно засидѣлись. Сегодня въ 7 ч. 30 м. утра пошли на сѣверъ.

„Не утерпѣлъ—спросилъ адмирала: — Что-жъ телеграмма Линевича? Почему не воспользовался тѣмъ, что перемирія не было? Почему не перешелъ въ наступленіе? Теперь вѣдь кричатъ, что миръ позорный, что у него былъ милліонъ войскъ, а у японцевъ много меньше...—Адмиралъ сначала отмалчивался, а потомъ рѣзко отвѣтилъ:—„Какой тамъ милліонъ? Отъ Са-

мары до Лоушагоу! А здѣсь у него, самъ онъ сказалъ, едва 370 тысячъ!..“

„Ну, тогда—дѣйствительно...

„Въ 10 ч. утра пришли на станцію (ни отъ кого не могъ добиться настоящаго названія—всѣ говорятъ по разному), гдѣ стоитъ поѣздъ Куропаткина. Здѣсь завтракали. Адмиралъ съ Куропаткинымъ отдѣльно (очевидно для интимной бесѣды), а мы—со штабомъ. Этотъ штабъ мнѣ больше понравился. Какъ-то проще и серьезнѣе. „Тамъ“ очень ужъ висѣли въ воздухѣ разговоры о наградахъ и знакахъ отличія... Адмиралъ (я его знаю) былъ сильно взволнованъ бесѣдой съ Куропаткинымъ. „Тамъ“ этого я не замѣтилъ. Куропаткинъ проводилъ на станцію и (видно, еще не наговорился) просидѣлъ съ адмираломъ въ его купэ, запершись, добрую четверть часа. Мое купэ—рядомъ, и когда дверь открылась, я невольно слышалъ послѣднія фразы, которыя онъ говорилъ, прощаясь: „...на васъ только и была надежда... Да вотъ и теперь, хоть бы въ будущемъ, чтобы не такъ... И опять на васъ вся надежда—въ томъ, что пріѣдете, скажете правду, всю правду... если послушаютъ“...

„Въ Харбинѣ простояли больше двухъ часовъ. Не понимали, въ чемъ дѣло. Адмиралъ сердился, вызывалъ къ себѣ и начальника движенія, и коменданта станціи, но тѣ не рѣшались сказать ему правды (которую мы узнали позже) и приводили какія-то отговорки. По существу же дѣло шло о возможности (фактической) пропустить экстренный поѣздъ, „при-

казанный“ Линевичемъ, но еще не получившій разрѣшенія отъ забастовочнаго комитета“.

„21 ноября.—Въ 12 ч. 45 м. дня прошли Хинганскій туннель. Къ сѣверу (вѣрнѣе къ NW) отъ Хингана—совсѣмъ зима. Снѣгъ. Сани.

„Въ 2 ч. 30 м. дня на станціи (?)—манифестація. Толпа рабочихъ и солдатъ собралась у вагона. Начальство попряталось. Прибѣжалъ кондукторъ—блѣдный, какъ полотно—говоритъ: „Ломятся!“ Оказалось—ничего страшнаго: депутація изъ трехъ человѣкъ. Справляются о здоровьѣ адмирала. Говорю:—„Ничего себѣ, слава Богу, хотя еще не совсѣмъ оправился; раны были тяжелыя“.—Удовлетворились. Просятъ однако же, если можно, не подойдетъ ли „самъ“ къ окну, потому что „народъ, прослышавши, собрался“. Доложилъ адмиралу, и онъ, какъ былъ—въ тужуркѣ, вышелъ на площадку вагона. Старшій изъ депутатовъ (артиллеристъ, унтеръ-офицеръ) сталъ было говорить рѣчь, что „въ такихъ годахъ, себя не пожалѣвъ, кровь свою проливалъ, а потому они... всякое пожеланіе... и дай Богъ“... но тутъ окончательно спутался, а кругомъ закричали: „ура“—и всѣ полѣзли впередъ. Воспользовавшись мгновеньемъ затишья, адмиралъ крикнулъ: „Спасибо вамъ на добромъ словѣ! Это—вашъ выборный?“ и, наклонившись къ солдату, стоявшему на подножкѣ, обнялъ его и поцѣловалъ... Ревъ поднялся въ толпѣ... Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на депутата и на слезы, сбѣгавшія по его широкой черной бородѣ... самъ словно не чувствовалъ,

что и у меня что-то подступаетъ къ горлу... такъ вышло... неожиданно... — „Это все больше раненые, которые эвакуируются“—пояснилъ мнѣ кондукторъ, уже оправившійся отъ перепуга.—Да... Теперь стало понятно...—„Эти“, конечно, знали „цѣну крови!..“— Поѣздъ медленно тронулся, а они бѣжали рядомъ съ нимъ; гремѣло „ура“, летѣли вверхъ картузы и папахи»...

„22 ноября. — Въ полночь пришли на станцію Манджурія и — застряли. Дорога — наканунѣ забастовки. „Комитетъ“ уже проявляетъ свою дѣятельность. Экстренные поѣзда не признаются. Адмиралъ телеграфировалъ Линевичу, но, кажется, телеграммы не шли дальше ближайшей станціи.

„Въ $2^1/_2$ ч. ночи и въ $6^1/_2$ ч. утра просыпались отъ толчковъ со счастливой мыслью, что поѣхали. Грустное разочарованіе—переводятъ съ одного запаснаго пути на другой...

„9 ч. утра. — Ничего новаго. Морозное, ясное утро—15° R. По слухамъ, будутъ пропускаться только воинскіе поѣзда съ запасными, увольняемыми на родину. Около 11 ч. утра получилась разрѣшительная телеграмма. Отъ кого?—отъ Линевича или отъ „комитета“?—не могъ узнать толкомъ. Въ полдень тронулись дальше.

Что-то лишнее, позабытое докторами въ ранѣ на лѣвой ногѣ, повидимому, не выдерживаетъ согрѣвающаго компресса и собирается вылѣзать, но не черезъ главную дыру, а сбоку сверлитъ свой собствен-

ный ходъ. Все равно, только бы вылѣзло и не задержало въ пути. Жестоко простуженъ. Бронхитъ во всю. Глотаю хининъ, фенацетинъ, согрѣваюсь горячимъ чаемъ съ краснымъ виномъ, кутаюсь во что могу. Очень тяжело ногамъ—мерзнутъ. Сегодня добрые люди нашли въ лавочкѣ при станціи теплыя калоши, купили для меня. Полегчало.

„6 ч. вечера.—Неожиданное открытіе: къ нашему поѣзду прицѣпленъ еще одинъ вагонъ, въ которомъ два путейца. Одинъ изъ нихъ—помощникъ начальника движенія. Адмиралу онъ сообщилъ, что „прицѣпился“ съ цѣлью улаживать недоразумѣнія въ пути и содѣйствовать безпрепятственному слѣдованію; намъ же, въ дружеской бесѣдѣ, давалъ нѣсколько иныя объясненія, а именно—что воспользовался „разрѣшеніемъ“ на пропускъ экстреннаго поѣзда (адмирала „приказано“ не задерживать и никакихъ непріятностей ему не чинить) для осмотра линіи. Собранныя свѣдѣнія весьма неутѣшительны: $^2/_3$ паровозовъ умышленно поломаны; работаетъ не болѣе 30% всего подвижного состава; сейчасъ второй перегонъ (120 верстъ) идемъ съ тѣмъ же паровозомъ и съ тѣмъ же машинистомъ, такъ какъ въ депо смѣны не оказалось.

„Какой безотрадный пейзажъ! Пологіе холмы, обширныя низины (путейцы говорятъ—солончаковыя) и на сотни верстъ ни кустика, ни деревца, ни признака человѣческаго жилья... Чахлая травка, на которой и овцѣ не прокормиться, чуть торчитъ изъ-подъ

тонкаго слоя снѣга жесткими, растрепанными кустиками.—Пустыня.

„23-го ноября.—Ночью. — Холмы стали выше и сгрудились. Мы то ныряемъ въ глубокія выемки, то бѣжимъ по высокимъ насыпямъ. И все то же безлюдье. Да, въ сравненіи съ этой частью Забайкалья даже сѣверная Манджурія—чистый рай...

„На станціи Оловянной застряли. Впереди, верстахъ въ двадцати, воинскій поѣздъ потерпѣлъ крушеніе. Разбито три „теплушки". Около двадцати человѣкъ раненыхъ и обожженныхъ. Адмиралъ немедленно командировалъ туда нашего доктора съ добровольцами, на нашемъ же паровозѣ. Пользуясь долгой стоянкой, я набрался храбрости и поковылялъ въ буфетъ, гдѣ съѣлъ жаренаго рябчика и семь штукъ забралъ въ запасъ (очень ужъ надоѣли ветчина и консервы—наше обычное питаніе).

„Въ 6-мъ часу утра тронулись дальше. Вернувшійся докторъ сообщилъ, что крушеніе обошлось сравнительно благополучно—нѣтъ не только убитыхъ, но даже и раненыхъ болѣе или менѣе серьезно.

„Появился кустарникъ, стада коровъ и табуны лошадей. Мѣстами видны бурятскіе поселки.

„Начиная со станціи Бурятской (послѣ 8 ч. утра), пошелъ лѣсъ, правда, еще жиденькій. Чаще и чаще видны деревни.

„Изумительно красивъ перевалъ черезъ водораздѣлъ между Агой и Ингодой. Прошлый разъ (по

пути въ Артуръ) проѣзжалъ это мѣсто ночью и не могъ полюбоваться. Ясно, тихо, морозъ—18°R

„На станціи Чита-городъ—задержка. Помощникъ начальника движенія объяснилъ, что по полотну движется толпа манифестантовъ, тысячъ около трехъ, направляясь къ городу.—Опасно дать ходъ, пойти навстрѣчу. Могутъ принять за противодѣйствіе и устроить крушеніе. Лучше—пропустить. Въ 1 ч. 50 м. дня процессія прошла мимо насъ. Два красныхъ знамени и за ними въ полномъ порядкѣ, два военныхъ оркестра: одинъ—казачій (желтые погоны), а другой—не знаю какой (красные погоны) *). Издалека слышна была марсельеза, но когда шли мимо поѣзда, оркестры не играли, а пѣлъ большой довольно стройный хоръ, которому подтягивала вся толпа. Что-то въ родѣ—„Пора рабочему народу добыть себѣ свободу...“ Въ толпѣ много, на видъ, интеллигентной публики (мужчинъ и женщинъ), чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ (въ формѣ), даже офицеровъ и масса солдатъ...

„Въ 2 ч. 5 м. дня путь очистился. Дали ходъ. Курьезная подробность: на станціи, у поѣзда, задержалось, отставъ отъ процессіи, изрядное количество сѣрыхъ папахъ, которыя столпились на платформѣ у адмиральскаго вагона. Увидѣвъ адмирала въ окнѣ, кричали „ура“!, устроили овацію. Вотъ тутъ и пойми что-нибудь!..

---

*) Узналъ позже, что желѣзнодорожнаго батальона.

„На слѣдующей станціи, отъ путейцевъ, справившихся по телеграфу, узнали, что въ Читѣ все обошлось благополучно.—Губернаторъ (ген. Холщевниковъ), принялъ манифестантовъ и съ балкона держалъ имъ рѣчь. Уступая просьбамъ, освободилъ съ гауптвахты офицеровъ, арестованныхъ за участіе въ митингахъ, и согласился на учрежденіе совѣта выборныхъ отъ всѣхъ сословій, въ которомъ самъ былъ предсѣдателемъ. Шутя, говорили: „Президентъ Читинской республики“. — Умно поступилъ. Если бы его ухлопали, и власть перешла бы въ руки какого-нибудь „комитета“, армія Линевича была бы отрѣзана отъ Россіи“.

„24-го ноября.—Идемъ безъ особыхъ приключеній и довольно бойко (въ среднемъ сорокъ верстъ въ часъ). Около 1 ч. дня пришли на станцію Мысовая, гдѣ имѣли случаи пообѣдать „въ настоящую“ — великолѣпныя щи и гусь. Въ разгаръ пиршества явился ѣдущій съ нами помощникъ начальника движенія и сообщилъ, что съ 2 ч. дня начинается забастовка. Пойдутъ только поѣзда съ запасными.—„Хотя адмирала, кажется, разрѣшено пропустить“,—добавилъ онъ конфиденціальнымъ тономъ,—„скоро убѣдимся: подадутъ паровозъ—значитъ поѣдемъ“.

„Свѣдѣнія его оказались вѣрными. Въ 2 ч. 20 м. дня намъ подали паровозъ.—Далеко ли уѣдемъ? Какъ долго будемъ пользоваться этимъ любезнымъ отношеніемъ?—Забастовка—всероссійская. Требованіе—помилованіе инженера Соколова, приговореннаго, въ Кушкѣ, къ смертной казни.

„7 ч. вечера.—Помощникъ начальника движенія говоритъ, что не застряли, единственно благодаря присутствію адмирала. Нашъ поѣздъ объявленъ „воинскимъ“. Всѣ прочіе задержаны. Богъ дастъ, подъ той же фирмой пойдемъ и дальше.

„6 ч. вечера.—На Кругобайкальской дорогѣ. Небо разъяснило. Чудная лунная ночь. Дорога не просто красивая, а прямо пугаетъ своей красотой. Порою, когда слѣва—стѣна горъ, а справа—невидимый изъ окна обрывъ, и, скренившись на закругленіи, словно заглядывая въ бездну, поѣздъ мчится надъ зеркальной поверхностью озера,—жутко...

„На станціи (?) у южной оконечности Байкала достали петербургскія газеты отъ 10-го и 11-го ноября. Давно ихъ не видѣли. Читаешь—и глазамъ не вѣришь... Что тамъ поѣздъ! Кажется, сама Россія мчится куда-то, скренившись надъ бездной... Лопни ось, подломись шпала—и все рухнетъ!..

„На той же станціи мѣняли паровозъ и бригаду. Къ намъ сѣлъ (застрявшій здѣсь) ревизоръ движенія. Довелось быть свидѣтелемъ любопытной сценки:

Ревизоръ движенія (направляясь къ вагону и обращаясь къ группѣ служащихъ и рабочихъ).—Ну, что? доѣду до мѣста? живъ буду?

Голоса (дружественно и ободрительно). — Поѣзжайте, Александръ Александровичъ! Пока что, будьте спокойны! „Такого“ распоряженія еще не получено...

„Въ 11 ч. 25 м. пришли на станцію Байкалъ.

Послѣдніе три часа, не отрываясь, простоялъ у окна, любуясь дорогой".

„25 ноября.—Вчера, на станціи Байкалъ, вполнѣ оцѣнили то обстоятельство, что желѣзнодорожная забастовка не распространяется на буфеты... Правда, вмѣсто зала перваго класса—какой-то грязный сарай, но какія закуски! Два года не видѣлъ ничего подобнаго *).

„Придя въ вагонъ, заснулъ, какъ удавъ. Не слышалъ ни прихода въ Иркутскъ, ни свистковъ и толчковъ при переводѣ нашего вагона съ однихъ путей на другіе.

„Съ забастовкой ничего не разберешь. Не то есть, не то нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, правильное движеніе прекратилось, хотя обѣщаютъ, что завтра пойдетъ послѣдній (?) экспрессъ и нашъ вагонъ прицѣпятъ къ нему.

„Публика разбѣжалась—посмотрѣть городъ, узнать новости, а главное (такъ я думаю)—хорошо позавтракать и пообѣдать. Въ вагонѣ остались только увѣчные. Попытка добыть пищу изъ станціоннаго буфета черезъ проводника—успѣхомъ не увѣнчалась. Вокзалъ, буквально, набитъ пассажирами и ихъ багажемъ. Порядокъ долженъ былъ бы поддерживаться воинскимъ карауломъ, но большинство часовыхъ—сильно „поддавши", начальства не видно вовсе. Посланному

*) Возможно, что этотъ восторгъ объясняется именно двумя годами на пищѣ, преимущественно, консервированной.

сказали: „Не до тебя тутъ! Пусть сами приходятъ!“ — Пришлось двинуться въ походъ (неблизкій и нелегкій). Видъ у меня былъ самый „товарищескій“ — мерлушковая шапка, купленная во Владивостокѣ, изумительнаго покроя пальто-сакъ, сшитое японцемъ въ Сасебо, а на ногахъ — теплыя калоши, похожія на водолазные башмаки; къ тому же, болѣе мѣсяца не стриженъ; бреду съ трудомъ, опираясь на палку. Удачно проникъ не только въ залъ, но даже за стойку буфета. Хозяинъ, видимо, принялъ меня за „услужающаго“. Быстро сговорились, даже совмѣстно составили меню, а когда я (въ ожиданіи будущаго) выпилъ рюмку водки, закусилъ балыкомъ и хотѣлъ заплатить, то буфетчикъ дружески хлопнулъ меня по плечу и сказалъ: „Что за счеты!“ — Не сталъ спорить.

„Подъ вечеръ (уже стемнѣло) пріѣзжала жена губернатора (ген.-маіора Кайгородова) и долго что-то разсказывала адмиралу. Видимо, сильно взволнована. О чемъ говорили—не знаю.

„26 ноября.—Наши разсказываютъ какіе-то анекдоты о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ. Въ городѣ никто не знаетъ, что будетъ завтра, и даже нельзя дать себѣ отчета, гдѣ находишься—въ Россійской Имперіи или въ штатѣ Всероссійской Федераціи, или въ совершенно самостоятельной Иркутской республикѣ?

„Адмиралу (опять-таки, когда стемнѣло) прислали экипажъ (вѣроятно, результатъ вчерашняго визита), и онъ поѣхалъ къ Кутайсову (генералъ-губернатору)

и къ Кайгородову (губернатору). Вернувшись, разсказалъ кое-что: оба совершенно лишены всякой власти. Единственная ихъ опора—батальонъ (не знаю, какого полка—синіе погоны и цыфра 36), присланный Линевичемъ,—волнуется. Офицеры принимаютъ участіе въ митингахъ. Нижніе чины неохотно несутъ охранную службу. Заявили, что если 30-го ихъ не отправятъ дальше, на родину, то они за порядокъ не ручаются. О мѣстныхъ войскахъ — говорить нечего. Телеграммы идутъ черезъ цензуру забастовочнаго комитета. Власти совершенно отрѣзаны и отъ Петербурга, и отъ Линевича. Веселенькое положеніе...

„Сегодня — праздникъ св. Инокентія, патрона Иркутска. Еще вчера вся водка была раскуплена. Предстоитъ великое пьянство. Опасаются, не разъигрался бы на этой почвѣ всеобщій погромъ.

„Въ 8 ч. 32 м. вечера благополучно поѣхали дальше“.

XII.

Воинскіе поѣзда съ запасными.—По сю сторону Урала.—Неожиданный оборотъ дѣлъ. — Подъ «флагомъ адмирала».—Петербургъ.—Съ больной головы на здоровую.—Попытка бороться.—На отдыхѣ.—Письмо пріятеля.—*Цѣна крови.*

„ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО ноября. — Въ 2 ч. дня, на станціи Тулунъ, опять собралась около поѣзда толпа солдатъ и рабочихъ. Прислали депутатовъ просить, чтобы адмиралъ, хоть въ окнѣ, имъ показался. Онъ (несмотря на морозъ—18°) вышелъ на площадку. Спрашивали его: правда ли, что изъ Россіи не хотѣли посылать ему подкрѣпленій? правда ли, что Небогатовскій отрядъ въ бою вовсе не участвовалъ, а держался далеко сзади?— Адмиралъ отвѣчалъ коротко и опредѣленно.—„Измѣны-то не было?“ — выкрикнулъ вдругъ чей-то пронзительный голосъ... И чувствовалось, что для всей толпы этотъ вопросъ—самый мучительный...—„Не было измѣны! Сила не взяла, да Богъ счастья не далъ!“ — рѣшительно отозвался адмиралъ и, поклонившись, пошелъ къ себѣ. Вслѣдъ ему неслись сочувственные крики: „Дай Богъ здоровья! Вѣкъ про-

жить! Старикъ, а кровь проливалъ! Не то, что наши! У васъ иначе—самъ въ первую голову!“ — Поѣздъ тронулся, сопровождаемый громовымъ „ура“.

„28 ноября.—Въ первомъ часу дня пришли въ Каинскъ. Ясно. Морозъ—22°“.

„Около 5 ч. вечера на разъѣздѣ Уярскъ догнали буйствующій эшелонъ запасныхъ, которые не пустили насъ впередъ, объявивъ, что имъ „нужнѣе“. Станціонное начальство терроризовано. Разсказывали, что вчера было еще хуже. У эшелона повредился паровозъ. Потребовали: отобрать паровозъ отъ нагнавшаго ихъ почтоваго поѣзда, потому что „насъ тутъ больше тысячи—все разнесемъ“.

„Въ 6 ч. 45 м. вечера пошли дальше“.

„29 ноября.—Плетемся въ хвостѣ поѣздовъ съ запасными со скоростью 18-ти верстъ въ часъ“.

„30 ноября.—За ночь, обманнымъ образомъ, на глухихъ разъѣздахъ, обогнали нѣсколько эшелоновъ; зато, удирая такимъ способомъ, едва не засѣли въ открытой степи изъ-за недостатка воды. Занятное путешествіе!

„Въ 12 ч. 30 м. дня прошли мостъ черезъ Обь. На правомъ берегу рѣки, близъ станціи выросъ цѣлый городъ—соборъ, правильно разбитыя улицы, извозчики съ номерами—а помню, какъ я проѣзжалъ тутъ десять лѣтъ тому назадъ на почтовыхъ: была пустыня“.

„1-го декабря.—Въ Омскѣ (въ 9 ч. утра) добыли кое-какія газеты. Только и читаешь про военные бунты. Впрочемъ, свѣдущіе люди предупредили, что всѣ те-

леграммы идутъ черезъ цензуру „комитетовъ“, искажаются, а часто и просто фабрикуются. Утѣшительная поправка, безъ которой можно было бы подумать, что на Руси живого мѣста не осталось, а между тѣмъ мы ѣдемъ и, кромѣ буйства запасныхъ, ничего еще на себѣ не испытали“.

„2-го декабря.—Увлекшись газетными извѣстіями и толками по поводу нихъ, забылъ перемѣнить компрессъ. Ночью онъ высохъ. Проснулся, подъ утро, отъ боли. Пришлось отмачивать, отдирать... Сегодня едва брожу. Главное—довезти бы до Петербурга, не слечь въ дорогѣ“.

„11 ч. утра—Челябинскъ.—По внѣшности— все спокойно“.

„3-го декабря.—9 ч. утра—Уфа.

„7 ч. вечера.—Уже около ста верстъ плетемся позади воинскаго поѣзда съ запасными. Не пускаютъ впередъ. Такихъ „боевыхъ“ эшелоновъ впереди— цѣлая серія. Одинъ удалось обогнать, благодаря хитрости дежурнаго по станціи, но бѣдняга за это жестоко поплатился (сообщили вдогонку по телеграфу)— былъ избитъ почти на смерть. Становится все занимательнѣе“.

„4-го декабря.—Ночью долго стояли на станціи Кинель. Станціонное начальство получило по телеграфу угрозу, что будетъ сожжено живьемъ, если не пропуститъ впередъ насъ три эшелона (тѣ самые, что мы обогнали съ такими ухищреніями).

„Въ 12-мъ часу дня прибыли въ Самару. Поло-

женіе—безнадежное. Путь—въ полной власти запасныхъ. Путейцы на вопросъ: „Когда же, приблизительно, доберемся до Москвы?“—только рукой машутъ. Полная анархія. Комендантъ станціи чуть не плакалъ, разсказывая о своемъ полномъ безсиліи... Вдругъ—чудо. Узнали откуда-то, что въ поѣздѣ адмиралъ Рожественскій (нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ „послѣднему“ экспрессу). Собралась толпа; устроили овацію. Адмиралу трижды пришлось выходить на площадку и раскланиваться. Путь открытъ. Въ 12 ч. 30 м. дали полный ходъ.

„Около двухъ часовъ дня подходили къ какому-то полустанку, имѣя предупрежденіе, что здѣсь стоятъ цѣлыхъ два „боевыхъ“ эшелона. Уменьшили ходъ, опасаясь—не задержатъ ли (переводомъ стрѣлки на запасный путь). Прибѣжалъ начальникъ поѣзда, блѣдный, взволнованный... говоритъ, что у станціи по обѣ стороны—сплошная толпа, и лучше остановиться добромъ... Чуть движемся .. Но стрѣлки стоятъ правильно — дорога свободна... Неожиданно справа и слѣва несется „ура!“... Болѣе 2.000 человѣкъ громоздятся по насыпи, спотыкаясь, бѣгутъ за поѣздомъ, кричатъ, бросаютъ кверху папахи... Оказывается—самарскіе эшелоны телеграфировали товарищамъ, что съ экспрессомъ ѣдетъ адмиралъ, а потому впереди намъ ужъ нечего опасаться задержекъ... Трогательно и лестно, но странно...“

„5-го декабря.—Бойко бѣжимъ, какъ полагается экспрессу.—6 ч. вечера—Тула.—11 ч. 15 м.—Москва“.

„6-го декабря.—Нашъ вагонъ прицѣпили къ пассажирскому поѣзду, и въ 12 ч. 15 м. ночи мы тронулись въ послѣдній перегонъ“.

„Въ 5 ч. 30 м. дня прошли Любань.—Подходимъ къ Петербургу... Эхъ! не такъ думалось возвращаться... Тяжело на душѣ...“

Въ дальнѣйшемъ, мои замѣтки не представляютъ такого общественнаго интереса, чтобы стоило приводить ихъ дословно, изо дня въ день; но для полноты грустной повѣсти, здѣсь разсказанной, мнѣ кажется необходимымъ, въ краткихъ, общихъ чертахъ, передать содержаніе моего дневника и за послѣдующіе шесть мѣсяцевъ.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ стало очевиднымъ, что истинными выразителями настроенія, господствовавшаго въ „пріемныхъ“, были генералъ Д. и его спутники, а отнюдь не представители владивостокскаго гарнизона и дѣйствующей арміи (не говоря уже о сѣрой массѣ запасныхъ), знавшіе „цѣну крови“ и встрѣчавшіе насъ такъ сочувственно.

Въ Петербургѣ насъ встрѣтили враги тѣмъ болѣе опасные, что большинство, первоначально, разыгрывало роль самыхъ преданныхъ друзей... А когда выяснилось, что адмиралъ не только хочетъ, но и въ силахъ работать, при чемъ повтореніе прошлаго считаетъ за „сознательное преступленіе“ и собирается камня на камнѣ не оставить — тогда создалась противъ него могучая коалиція изъ членовъ

того сословія, которое издревле считало морское вѣдомство своей „жалованной вотчиной, данной на кормленіе“.

Въ ближайшіе же дни по прибытіи въ Петербургъ адмиралъ представилъ свое послѣднее донесеніе—о плаваніи эскадры Китайскимъ моремъ въ Корейскій проливъ, о первомъ соприкосновеніи съ непріятелемъ, объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ бою при Цусимѣ, и о развитіи послѣдняго до того момента, когда онъ (Рожественскій) выбылъ изъ строя и потерялъ способность давать себѣ отчетъ въ совершавшихся событіяхъ. Въ непродолжительномъ времени было представлено имъ и дополнительное донесеніе, являвшееся сводкой взаимно-провѣренныхъ рапортовъ командировъ и офицеровъ, уцѣлѣвшихъ въ разгромѣ, и планъ маневрированія нашихъ и непріятельскихъ силъ. Ни одинъ изъ этихъ документовъ (равно какъ и всѣ донесенія адм. Рожественскаго съ пути) не были опубликованы *). Зато газеты были переполнены апокрифическими разсказами о различныхъ моментахъ и эпизодахъ боя, записанныхъ, якобы, со словъ очевидцевъ.

Говоря: „якобы“, не хочу быть голословнымъ: въ моихъ рукахъ имѣется документъ, свидѣтельствующій, что газета „Новое Время“, получивъ для оглашенія въ печати нѣсколько писемъ погибшаго на „Суворовѣ“ лейтенанта Вырубова, не только не напечатала всѣ полученныя письма, но и въ напечатан-

*) Ни тогда, ни донынѣ.

ныхъ позволила себѣ дѣлать пропуски, „редактировать“ ихъ такъ, чтобы они служили опредѣленнымъ цѣлямъ. Глубоко убѣжденъ, что и письма корабельнаго инженера Политовскаго, котораго я лично зналъ и всегда считалъ за человѣка высоко-порядочнаго, изданныя отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: „Отъ Либавы до Цусимы“—были тоже „редактированы“ въ этомъ же смыслѣ.

Да не подумаютъ читатели, что я хочу выставить людей, руководившихъ клеветнической газетной кампаніей противъ адмирала Рожественскаго, какими то мелодраматическими злодѣями. Вовсе нѣтъ! — Это были господа, отнюдь не исповѣдывавшіе идеи: „зло для зла“, какъ „искусство для искусства“. Цѣли ихъ были чисто практическія, „шкурныя“. Надо было, во что бы то ни стало, сохранить въ общественномъ сознаніи ту картину боя, которая была, на-спѣхъ, въ первые же дни, создана патентованными стратегами, опиравшимися въ своихъ сужденіяхъ на завѣдомо незаслуживающія довѣрія телеграммы американскихъ корреспондентовъ.

Вѣдь если бы тогда, въ концѣ 1905-го года (вспомните это время!) были опубликованы донесенія адмирала, въ которыхъ онъ съ солдатской прямотой говорилъ, что ни съ тѣми силами, какими онъ сейчасъ располагаетъ, ни съ „обузой“, которую ему собираются навязать (небогатовскій отрядъ), онъ „не имѣетъ надежды на успѣхъ“?.. Если бы выяснилось, что не отсутствіе таланта и, тѣмъ болѣе, мужества

и самоотверженія, а полная негодность оружія, съ которымъ люди, вѣрные долгу, были посланы не въ бой, но на бойню,—были причиной неслыханнаго разгрома? Если бы каждому до очевидности ясно стало, что виноваты не тѣ, что „не всѣ погибли“, а пославшіе ихъ на безславную гибель?—Что бы случилось? Что могло бы случиться? Какими послѣдствіями могло бы грозить такое просвѣтлѣніе общественнаго сознанія для господъ, мирно проживающихъ подъ шпицемъ адмиралтейства и даже внѣ его?..

Для меня, съ моими еще незакрывшимися ранами, полубольного, полнаго горечи вынужденнаго безмолвія, невозможности гласно отвѣтить клеветникамъ, орудовавшимъ въ печати, дальнѣйшее молчаніе являлось непереносимымъ! Я выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей, въ которыхъ цифрами, документально, доказывалъ (и, смѣю думать, доказалъ), что творцы третьей (Небогатовской) эскадры, задерживая Рожественскаго на Мадагаскарѣ, обманывая общество подсчетомъ мнѳическихъ „боевыхъ коэффиціентовъ“ судовъ, которыя могутъ быть посланы для увеличенія силъ второй эскадры,—совершали преступленіе передъ Россіей!.. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, я обѣщалъ читателямъ въ слѣдующихъ статьяхъ дать правдивое описаніе самаго боя и обстоятельствъ, ему предшествовавшихъ, но тутъ... былъ вызванъ къ морскому министру, адмиралу Бирилеву, который отдалъ мнѣ категорическое приказаніе: безъ цензуры начальства не писать ничего о минувшей войнѣ. При

этомъ мнѣ было указано, что такое запрещеніе, конечно, легко обойти, найдя подставного автора, который „писалъ бы съ моихъ словъ“, но министръ вполнѣ довѣряется моему слову (конечно, если я согласенъ дать таковое). Въ качествѣ мотива указывалось, что для разслѣдованія всѣхъ подробностей постигшаго насъ несчастія уже назначена особая комиссія *), и преждевременныя выступленія отдѣльныхъ лицъ имѣли бы неблаговидный характеръ попытокъ повліять на общественное мнѣніе, что недопустимо съ точки зрѣнія служебной корректности и т. д. Тогда я еще былъ на службѣ, а потому, получивъ приказаніе, въ точности его исполнилъ и (ужъ конечно) не нарушилъ довѣрія, оказаннаго моему слову.

Надо ли пояснять, что этимъ способомъ воздѣйствія ротъ былъ заткнутъ только мнѣ, а „нововременскіе“ рыцари „безъ страха и упрека“ заголосили еще пуще...

Какъ разъ въ это время доктора рѣшительно заявили, что если я не уѣду куда-нибудь въ теплыя страны для климатическаго леченья, а въ особенности для отдыха, внѣ омута раздражающихъ и волнующихъ меня сплетенъ, то, по всей вѣроятности, до-

*) Комиссія эта трудилась два слишкомъ года. Результаты трудовъ ея еще и донынѣ не опубликованы, но судя по тому, что членами ея состояли исключительно люди, не принимавшіе фактическаго участія въ минувшей войнѣ (а были и такіе, что никогда не только не командовали, но даже и не плавали на судахъ линейнаго флота),—заключеніе легко можетъ быть предсказано.

жить до торжества правды мнѣ не придется. Составили и требуемое закономъ медицинское свидѣтельство. (Забылъ помянуть, что изъ большого пальца лѣвой ноги былъ безъ труда извлеченъ, почти самъ вышелъ, осколокъ кости, и рана начала быстро заживать).

По дѣлу о сдачѣ миноносца „Бѣдовый“ была уже назначена особая слѣдственная комиссія. (Почему-то—отдѣльно отъ комиссіи по сдачѣ судовъ вообще). Я явился къ ея предсѣдателю и просилъ допросить меня поскорѣе, такъ какъ я могу показать немного, да и это немногое не заслуживаетъ особаго довѣрія въ качествѣ показанія тяжело раненаго, у котораго бредъ и дѣйствительность, видѣнное лично и слышанное впослѣдствіи, легко могли перепутаться въ воображеніи. Цѣну такимъ „воспоминаніямъ“ я хорошо зналъ изъ личнаго опыта, когда убѣждался, что „собственноручно и тогда же сдѣланныя“ и затѣмъ позабытыя замѣтки оказывались въ противорѣчіи съ яркой картиной, создавшейся, очевидно, много позже, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ окружающихъ.

Меня допросили и отпустили на всѣ четыре стороны.

Еще нѣсколько дней—и я, поселившись въ отелѣ „Cap Martin“ (между Ментоной и Монте-Карло), на берегу лазурнаго моря, въ рощѣ альпійскихъ сосенъ, отрѣшился отъ міра.

Русскихъ газетъ и журналовъ здѣсь не получалось вовсе. „Figaro“ и „Galois“ давали о нашихъ дѣ-

лахъ два-три десятка строчекъ да и на тѣ я старался не обращать вниманія.

Единственная работа, за которую я взялся и рѣшилъ, хоть черезъ силу, закончить, была „Бой при Цусимѣ“.

Согласно данному слову—не печатать ничего помимо цензуры начальства, я всячески устранялся въ своемъ повѣствованіи отъ малѣйшихъ сужденій по вопросамъ стратегическимъ и тактическимъ, отъ всякаго „разбора“ операціи, но съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ отдавался фотографически-точному воспроизведенію деталей, безпощадно отбрасывая все, что могло бы во мнѣ самомъ возбудить хоть тѣнь сомнѣнія, какъ неотмѣченное въ записной книжкѣ или неподтвержденное живыми свидѣтелями. Странно, какой утомительной оказывалась такая работа! — Два-три часа, результатомъ которыхъ были двѣ-три странички почтовой бумаги, укладывали меня на диванъ, и я засыпалъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ... Отчасти понятно — вѣдь я принуждалъ себя заново переживать все пережитое... И такъ—больше мѣсяца...

Слава Богу!—кончилъ и сдалъ на почту, адресовавъ (для вѣрности, чтобы не задержали толстаго пакета на границѣ) самому Рожественскому, съ просьбой передать моему брату, который озаботится и цензурой и печатаніемъ.

„Исполнивъ долгъ, завѣщанный отъ Бога“, я собирался предаться чисто растительной жизни, какъ вдругъ получилъ письмо отъ стараго пріятеля, кото-

рый, вообще, не проявлялъ склонности выражать нѣжныя чувства, а въ корреспонденціи со мной не состоялъ вовсе, но въ данномъ случаѣ поступилъ истинно по-дружески.

Позволю себѣ привести изъ этого письма дословныя выдержки: „...господа, которыхъ ты собирался изобличать, а частью уже и вывелъ на свѣжую воду, орудуютъ во-всю. Увѣренно говорятъ, что ты „бѣжалъ“ за границу и въ Россію не вернешься, потому что ты—главный виновникъ сдачи „Бѣдоваго“, и тебѣ грозитъ разстрѣлъ. Это—для примѣра, чтобы показать, до чего доходятъ. Слѣдствіе—оффиціально—тайна. Но это лишь способствуетъ успѣху клеветниковъ, которые намекаютъ, что для нихъ завѣса надъ тайной приподнята. Вполнѣ возможно (по ихъ положенію) и тѣмъ легче имъ повѣрить, а между тѣмъ они врутъ безстыдно. Убѣдился лично. Съ общественнымъ мнѣніемъ теперь считаются, а потому и здѣсь идетъ подготовка. На верхахъ тебя расписываютъ ярко-краснымъ, потрясателемъ основъ, а въ противоположномъ лагерѣ (есть и на то вѣрные люди) изображаютъ бѣшенымъ черносотенцемъ, способнымъ на все, до предательства включительно. Говорятъ, что Рожественскій, для поддержанія дисциплины, вѣшалъ людей десятками, а ты въ этомъ дѣлѣ былъ его правой рукой, но объ этихъ казняхъ „приказано“ молчать *).

*) Надо ли говорить, что за все время существованія второй эскадры на ней не было ни одной смертной казни, а самъ адмиралъ былъ принципіальнымъ ея противникомъ. (См. «Расплата», стр. 333).

Словомъ — ничѣмъ не брезгуютъ. Приготовься, что хамить будутъ съ обѣихъ сторонъ. Цѣль—опорочить тебя лично по суду, или вопреки суда, чтобы дискредитировать всякое твое свидѣтельство. Пишу, чтобы ты не былъ въ невѣдѣніи. Это—глупѣе всего. Пожалуй, пріѣзжай поскорѣе (хоть легенда о бѣгствѣ разрушится). Можешь и побрыкаться, но, думаю, ничего не выйдетъ. Предрѣшено посадить тебя на скамью подсудимыхъ. Однако, попробуй—чѣмъ чортъ не шутитъ...“

Черезъ четыре дня послѣ полученія этого письма я былъ уже въ Петербургѣ.

Характеристика положенія оказалась и мѣткой, и глубоко правдивой.

Попробовалъ „брыкаться“, но дѣйствительно ничего не вышло. Отчасти самъ виноватъ: не могъ допустить мысли, чтобы почтенный предсѣдатель комиссіи въ вопросахъ жизни и чести могъ подчиняться какимъ бы то ни было внушеніямъ. Но не буду говорить о немъ: судьба достаточно жестоко его покарала... и всего черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ онъ сдался на роль неправеднаго судьи... Что бы ни толковали вольтерьянцы—не могу видѣть здѣсь простого случая, совпаденія обстоятельствъ...

Попытка сослаться на Высочайшій приказъ по военному министерству, согласно которому „офицеры, взятые въ плѣнъ ранеными“, прямо возвращались въ свои части—была безуспѣшной. Хуже того—я встрѣтилъ явное недовѣріе, когда говорилъ о моихъ ранахъ, и встрѣтилъ его со стороны комиссіи, которая ни у од-

ного изъ вызванныхъ ею лицъ не нашла нужнымъ освѣдомиться о томъ, въ какомъ положеніи я находился. Фельдшеръ, подавшій мнѣ первую помощь, и докторъ, перевязывавшій на „Бѣдовомъ“, *вовсе еще не были опрошены*, а рѣшеніе—уже принято... Всего этого я въ то время не зналъ, такъ какъ слѣдствіе—тайна (отъ лицъ, въ немъ заинтересованныхъ), и былъ полонъ недоумѣній и мучился вопросами: „Неужели они забыли? неужели ничего не могли сказать?“ — А ихъ...—просто, не спрашивали...

Я указывалъ на примѣръ слѣдственной комиссіи по дѣлу о сдачѣ отряда Небогатова, гдѣ, несмотря на состоявшійся уже Высочайшій приказъ о преданіи суду всѣхъ офицеровъ, предсѣдатель настоялъ на выдѣленіи изъ числа обвиняемыхъ не только тяжело, а хотя бы серьезно раненыхъ. — Но... то былъ другой предсѣдатель.

Я просилъ медицинской экспертизы, основанной на показаніяхъ фельдшера, доктора и другихъ лицъ. Экспертиза была дана. Былъ вызванъ лейбъ-хирургъ Муриновъ, но въ рукахъ его не оказалось никакихъ данныхъ, кромѣ непосредственнаго освидѣтельствованія шрамовъ, оставшихся на моемъ тѣлѣ, и онъ далъ... весьма уклончивое заключеніе, умолчавъ о томъ, что даетъ его безъ всякихъ основаній. Вѣдь я-то и мысли не могъ допустить, чтобы при назначеніи экспертизы, комиссія не исполнила моего основного требованія—опроса свидѣтелей (повторяю, что слѣдственное дѣло было *для меня* тайной); но какъ онъ,

докторъ медицины, призванный для рѣшенія вопроса, затрагивающаго больше, чѣмъ жизнь, могъ пренебречь этимъ обстоятельствомъ?.. Послѣ этой, съ позволенія сказать, экспертизы мнѣ стало очевидно, что въ первой стадіи дѣло мое предрѣшено, и „брыкаться“—безполезно. Къ тому же „друзья“ изъ подъ „шпица“ (а какъ было разобрать, кто изъ нихъ предатель, кто нѣтъ?) усиленно внушали, что „гласный судъ—наилучшая реабилитація“, что не даромъ самъ Рожественскій требуетъ, чтобъ и его тоже судили...

Для руководства слѣдствіемъ и составленія обвинительнаго акта по этому дѣлу наличныхъ силъ прокуратуры морского вѣдомства оказалось недостаточно. 9-го января 1906 года ихъ пополнили переводомъ (изъ министерства юстиціи) А. И. Вогака, съ переименованіемъ его въ генералъ-маіоры. Онъ-то и выступилъ въ роли обвинителя.

8 апрѣля 1906 года состоялось засѣданіе комиссіи для рѣшенія „предрѣшеннаго“ вопроса, а затѣмъ, вскорѣ же, послѣдовалъ приказъ по морскому вѣдомству, согласно которому всѣ мы, отъ командира, который, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, нераненый и не контуженный, сдалъ свой вполнѣ исправный миноносецъ непріятелю, не сдѣлавъ никакой попытки къ сопротивленію, и до адмирала Рожественскаго, лежавшаго въ тотъ моментъ безъ сознанія, въ борьбѣ между жизнью и смертью,—должны были занять мѣста на скамьѣ подсудимыхъ.

Относительно приговора я былъ совершенно спо-

коенъ. Никакой судъ не могъ вынести рѣшенія, явно противорѣчащаго очевидности. Никакія уловки и хитрости обвиненія не могли ни создать фактовъ, которыхъ не было, ни опровергнуть свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой, ни сгладить на моемъ тѣлѣ почетныхъ шрамовъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою...

Самый фактъ „преданія суду“ казался мнѣ чудовищнымъ!.. Вспомнились первые дни, проведенные въ госпиталѣ, ожиданіе, что, вотъ-вотъ, японцы были бы въ правѣ... Вспоминались мои сомнѣнія — прилично ли будетъ просить побѣдителей о милости—о замѣнѣ веревки пулей?.. Представлялась въ воображеніи и такая картина. Судъ, *русскій судъ*, уже состоялся, но годъ тому назадъ, и на окровавленныхъ носилкахъ насъ вносятъ въ залъ засѣданія и укладываютъ на скамьѣ подсудимыхъ... Хватитъ ли духу у дежурнаго офицера сказать, обращаясь къ намъ:— „Судъ идетъ! Прошу встать“—или, наоборотъ, предсѣдатель смущенно заявитъ — „Господа судьи! Почтите ихъ вставаніемъ!..“ — Много странныхъ, много несвязныхъ мыслей... вплоть до упрека доктору, который „тогда“ помѣшалъ...

И вдругъ—одна, яркая... не мысль, а крикъ:

„—*Это ли—цѣна крови? За это-ли мы ее проливали?*..

И сразу все остальное погасло, показалось такимъ мелкимъ, ничтожнымъ, безсильнымъ проникнуть въ сердце...

„Сердце захлопнулось“ — вспомнилась гдѣ-то и когда-то вычитанная фраза...

Со спокойствіемъ, самого меня поразившимъ (до того момента я весь кипѣлъ негодованіемъ), досталъ я свой дневникъ, поискалъ и нашелъ нужную страницу:—„30 октября.—Послѣдній день въ плѣну... Дорогая родина! Тебѣ—привѣтъ!.. Судьба сберегла... Для чего?—Для службы Тебѣ!.. Клятву, страшную клятву даю: — Тебѣ весь остатокъ моей жизни, всѣ силы, всю кровь!.. Тебѣ—все!..“ — Прочелъ, усмѣхнулся наивности изложенія, хотѣлъ вырвать, смять и бросить въ корзину, но... раздумалъ.—Только зачеркнулъ и написалъ поперекъ:—„Родинѣ—да. А съ вами—въ расчетѣ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

		стр.
Необходимое предисловіе		I— II
ГЛАВА	I. — Возобновленіе замѣтокъ. — На память и съ чужихъ словъ. — На «Буйномъ». — Перегрузка на «Бѣдовый». — Краткое благополучіе. — Погоня. — «Да вѣдь они сдаются?..» — На буксирѣ японскаго крейсера	1— 16
»	II. — Прибытіе въ госпиталь. — Первыя впечатлѣнія. — Послѣ операціи. — Тетрадка и карандашъ. — «Первый разъ вытянулъ ногу»... — Живая вода. — Повѣсятъ или разстрѣляютъ?	17— 30
»	III. — Допросъ. — Небрежность или великодушіе? — Возобновленіе настоящаго дневника. — Отношеніе японцевъ къ военно-плѣннымъ . .	31— 44
»	IV. — Пробужденіе къ сознанію. — Тревоги и сомнѣнія. — Газеты изъ Россіи; общее негодованіе. — Адмиралу благополучно сдѣлали операцію. — Громкія телеграммы и бездѣйствіе Линевича. — Сдача Сахалина. — Тайфунъ	45— 56
»	V. — Въ періодъ выздоровленія. — Я — революціонеръ... — Наша молодежь. — Міръ. — Тяжелые дни. — Отъ Сасебо до Ниносима	57— 73
»	VI. — Ночь въ карантинѣ. — Японскіе «армейцы». — Удзина. — Хиросима. — Генералъ Манабэ и его исторія. — Голодъ и комары. — Breakfast и lunch захватнымъ правомъ. — Прибытіе въ Кіото.	74— 88

СТР.

ГЛАВА VII. — Первыя впечатлѣнія въ Кіото.—Начальникъ гарнизона, генералъ-маіоръ Окамэ, и его нравоученія.—Дружественная бесѣда.—Вопросы продовольствія.—Мелочи жизни.—Небогатовъ . . . . . 89—105

» VIII. — Жизнь и обычаи военно-плѣнныхъ.—Японская система булавочныхъ уколовъ.—Наши крайніе правые и крайніе лѣвые . . . . . 106—116

» IX. — Послѣ ратификаціи мирнаго договора.—Наши японофилы.—Несостоявшійся обѣдъ.—Генералъ Даниловъ и члены его комиссіи.—Холода.—Послѣдній день въ плѣну.—Освобожденіе.—Вновь открывшаяся рана на лѣвой ногѣ . . . . . 117—132

» X. — На «Воронежѣ».—Первые признаки броженія въ эшелонѣ.—Вмѣсто Владивостока—въ Нагасаки.—Пропаганда среди военно-плѣнныхъ.—Безпорядки на пароходѣ.—Быстрое успокоеніе.—На «Якутѣ».—Въ виду родныхъ береговъ . . . . . 133—147

» XI. — Во Владивостокѣ.—Разсказы очевидцевъ о безпорядкахъ.—Настроеніе при встрѣчѣ.—Отъѣздъ.—У Линевича и Куропаткина.—Манифестація со стороны эвакуируемыхъ раненыхъ.—Забайкальская дорога наканунѣ забастовки.—Чита.—Кругомъ Байкала.—Иркутскія впечатлѣнія . . . . . 148—165

» XII. — Воинскіе поѣзда съ запасными.—По сю сторону Урала.—Неожиданный оборотъ дѣлъ.—Подъ флагомъ адмирала.—Петербургъ.—Съ больной головы на здоровую.—Попытка бороться.—На отдыхѣ.—Письмо пріятеля.—*«Цѣна крови»* . . . . . 166—182

ГПИБ России

119.